

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПАМЯТЬ

Надежда БРЕДИС
Дневник московского дома4

Анатолий УВАРОВ
Рождение моря147

ПЭЭЗИА

Игорь РАСТЕРЯЕВ
«Просто нам завещана от Бога
Русская Дорога»18

Раиса ДИДИГОВА
Поэзия – мелодия небес...30

Владимир ЯКУШЕВ
Парень с Урала46

Евгений РАЧИН
«Выйду в поле я ноченькой звёздною...»48

Игорь ТЮЛЕНЕВ
«Зол наш мир и жесток...»63

Николай ПОЛОТНЯНКО
«Мы – сыновья времён
и чувств железных...»70

Валентина ТЕЛЕГИНА
«Кому дано, с того и спросится...»75

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА
«Сегодня торжество стихов...»97

Юрий ЯХОНТОВ
О вечном и о простом106

Анатолий ГРЕБНЕВ
«Когда же эта боль отхлынет...»128

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№3(17) 2015

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 22.10.15.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 8689.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Юрий РЫЧЕНКОВ
Слово о Евпатии Коловрате
Эпическая баллада134

Инна МУХИНА
«Господь, мне давший Слово...»158

Нина ГОЛОВАНОВА
Белая главка Ивана Великого
(К 400-летию дома Романовых).....173

Тамара ПОТАПОВА
«Не зря мечтам Господь дал крылья...».....176

Юрий СОЛОВЬЁВ
«Иду с войны, иду домой...»180

ПРОЗА

Виталий БОГОМОЛОВ
Воскресшая.....60
Второй выстрел61

Екатерина ГЛУШИК
Заманить удачу!.....113

Никита НИКОЛАЕНКО
Заступничество святой Матрёны.....141

Алексей ДУБРОВИН
Паломник162

Павел САВИЛОВ
Сервет169

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
В переходе.....186

Елена ГНИТЕЕВА
Закон притяжения.....189

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Татьяна ГРИБАНОВА
Лицом к воде.....85
Ой, льняная Русь.....91

ЮБИЛЕИ

Василий ПОЛЯКОВ
Военный санитар № 9999,
ефрейтор Сергей Есенин.....119

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Нынешнее время для нашей страны – традиционно непростое, отягощённое новыми вызовами, как извне, так и изнутри, но при этом, следует признать, очень интересное и содержательное. Многие истины, затуманенные десятилетиями демагогии и лжи, сегодня проступают в своей первоизданной сияющей чистоте. Многие иллюзии, поддерживаемые на протяжении десятилетий врагами России, рассеиваются, как туман, перед продолжающимся и теперь уже необратимым пробуждением великого народа. И пусть это пробуждение сопровождается порой разного рода спекуляциями, политическими авантюрами, стремлением разного рода сил и подозрительных личностей «снять сливки» с наступающего русского возрождения – величие и неизбежность происходящего заставляет закрыть глаза на все мелочи и сосредоточить внимание на главном... Идейный и практический тупик националистического украинского сепаратизма (а точнее – предательства русской идентичности) сегодня очевиден всем. И сколько бы наши заклятые «партнёры» из-за океана не поддерживали этот выморочный геополитический «проект» – бесславный конец его уже ни у кого не вызывает сомнений. Что нам делать с этим тяжким и, увы, кровавым наследием в будущем? Преодолевать. Работать с теми, кого мы не перестаём называть братским украинским народом, с кем мы в недалёком прошлом разделяли тяготы и радости великих военных побед и мирного государственного строительства в составе Советского Союза. Восстанавливать и укреплять Русский Мир, в том числе и средствами творческого общения, стихами и прозой, живыми творческими связями с теми украинскими братьями, которые не отреклись от кровного родства и памяти. Другого пути нет...

Духовное величие многонациональной России обеспечено созидательным трудом и вдохновенным творчеством всех народов, живущих в ней, и каждый из этих народов является неотъемлемым и незаменимым в нашем общероссийском единстве. Журнал «ВЕЛИКОРОССЬ» продолжает линию, направленную на укрепление духовного единства и братства всех народов многонациональной России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2015

© Авторы, 2015

ПАМЯТЬ

К 75-летию Государственного музея – гуманитарного центра «Преодоление» им. Н.А. Островского

Дневник московского дома

Давно известно, что дома обладают памятью. Эта память чётко фиксирует движение времени, переплетаясь с судьбами тех, кто был связан с домом, кто создавал его энергетику, вдохнул в него жизнь. Такие строения – как люди, прожившие большую жизнь и много повидавшие на своём веку. Они хранители вечных ценностей, драматургии человеческих судеб, Преодоления.

Именно такой дом – памятник архитектуры и истории XVIII–XX веков, где расположен музей – гуманитарный центр, находится в центре г. Москвы на Тверской, 14. С его судьбой связаны имена многих выдающихся людей нашего Отечества. Построенный великим русским зодчим Матвеем Казаковым для вдовы статс-секретаря Екатерины II Г. Козицкого – Екатерины Ивановны Козицкой, дом пережил пожар 1812 года и долгое время оставался одним из самых красивых зданий на Тверской улице. С 1824 по 1829 гг. в нём жила княгиня Зинаида Александровна Волконская. Ежедневно, на её литературно-музыкальных салонах собирался цвет российской культуры – Вяземский, Боратынский, Мицкевич, Винивитинов, Киреевские. Здесь велись беседы об искусстве,

Тверская, д.14, Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление» им. Н.А. Островского

Надежда БРЕДИС

Надежда Евгеньевна Бредис – журналист. Родилась и выросла в Москве. Окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Почти 40 лет отдала работе на радио. Была специальным корреспондентом радиостанции «Юность», заместителем Главного редактора Главной редакции радиовещания для детей и юношества. Её творческий приоритет – темы истории России, армии, защиты Родины. Стояла у истоков организации движения воинов-интернационалистов, воинов запаса, ветеранов Афганской войны. Была ведущей прямых эфиров, автором и редактором радиопрограмм. Руководила авторскими коллективами программ «Ровесники» и «Пионерская зорька», «Молодёжный проспект». Среди наград – медаль «За укрепление боевого содружества». Ныне пресс-атташе ГМЦ «Преодоление» им. Н.А. Островского. Живёт в Москве.

о будущем России. Авторы знакомили с новинками своих сочинений. Здесь любил бывать А.С. Пушкин, которого привлекала свободная, вдохновенная, глубоко интеллектуальная и дружеская атмосфера салона княгини.

С 1918 года часть дома использовалась под квартиры. В декабре 1935 года сюда переехал писатель Николай Алексеевич Островский. Тут он провёл последний год своей жизни: диктовал новый роман «Рождённые бурей», отвечал на многочисленные письма читателей романа «Как закалялась сталь», ставшего настольной книгой нескольких поколений, встречался с посетителями, среди которых были режиссёр Всеволод Мейерхольд и актриса Зинаида Райх, писатели и поэты Александр Фадеев, Анна Караваяева, Николай Асеев, Борис Корнилов, Александр Серафимович, Михаил Светлов, Вера Инбер и другие. 22 декабря 1936 года Н.А. Островского не стало. Он прожил 32 года, девять из которых был прикован к постели. «Ваша жизнь есть и будет светочем для многих тысяч людей, ...примером победы человеческого духа над предательством индивидуальной судьбы», – писал в письме Островскому французский романист Ромен Роллан. В 1940 году в квартире писателя создаётся мемориальный музей Н.А. Островского, переименованный в 1992 году в связи с расширением сферы деятельности в Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление» им. Н.А. Островского.

Таким образом, в истории дома, как в капле воды, отразилась яркая и контрастная история России конца XVIII – начала XXI вв. Это яркий пример того, как музеи создаются самой историей, «выращиваются» в нашей культуре. Созданный как литературный музей Н.А. Островского сегодня музей работает по трём направлениям, и каждое является очень важным. Приоритетные направления развития музея определяются самой историей дома на Тверской, 14, памятника культуры, его уникальной ролью в историческом процессе культурный и общественной жизни Москвы и России. Это – салон княгини З.А. Волконской, жизнь и творчество Н.А. Островского и «Преодоление» (рассказ о людях трудной судьбы).

Княгиня З.А. Волконская. Портрет работы Мюнере. 1814 г.

Н.А. Островский. 1924 г.

О.И. Девичева – директор ГБУК г. Москвы
Государственный музей – гуманитарный центр
«Преодоление» им. Н.А. Островского

Ольга Ильинична Девичева – директор музея – гуманитарного центра. Она пришла в музей в 1982 году совсем юной после окончания института. Начинала младшим научным сотрудником, водила экскурсии. Музею отдана большая часть её жизни. Перерывы были только на декрет и работу в Департаменте культуры города Москвы, где музей оставался в сфере её внимания.

✓ Девичева. Я считаю, что музей молодой, ему всего 75 лет. Он уникальное явление в музейной практике, не только в нашей стране, но и в мировой, потому что созданный как мемориальный музей писателя, в настоящее время он многофункциональный гума-

нитарный центр. Таких музеев больше нет. И это – не случайно. В этом месте, в этом доме, всё сошлось и выросло в необычное явление: единство большого понятия – ВРЕМЯ и ЛЮДИ.

? Корр. Личность Островского – цементирующая, соединяющая эпохи, хотя ныне до конца не понятая. Николай Островский всегда присутствует, когда требуется понимание связи времён, нравственной основы, нравственного выбора человека.

✓ Девичева. Он не просто так в этом доме появился. Этот дом продлил ему жизнь. Ведь, когда он переезжал в Москву, чтобы работать над романом «Рождённые бурей», врачи ему не давали и месяца жизни, говорили: «Дорога его убьёт». А он тут прожил ещё год. Он закончил вторую книгу. Тоже не случайно. А как актуально звучат сегодня слова Островского: «Сумей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой». И мало того – «Сделай её полезной». Все, кто побывал в мемориальной квартире писателя или с детьми, или с классом, или студенты – люди, которые входят в мемориал, замирают. Они внимательно оглядывают всё. Такое ощущение, что они начинают что-то вспоминать и ощущать свою сопричастность к жизни Островского. Потому что аура гениального человека, который в этом доме жил и творил, до сих пор существует.

Я вспоминаю, когда я начинала здесь работать младшим научным сотрудником, экскурсии водила, Островский был в школьной программе. Он очень

популярен был среди иностранцев, группы шли одна за другой. Не было ни одной экскурсии, чтобы люди не реагировали эмоционально. У кого-то на глазах слёзы, кто-то после экскурсии оставался, некоторые ещё и ещё раз приходили, чтобы почувствовать, пропустить через себя и ощутить всю глубину гениальности этого человека, который для очень многих стал символом негибавшей воли, чести, достоинства – всего того, что делает человека человеком.

? Корр. Н. Островский в 18 лет узнал, что у него из-за болезни нет будущего. А 18 лет – это самое время для дум и мечтаний о будущем. К тому же, он жил во время бурных перемен и страстей: Первая мировая война, работа на станции, через которую шли поезда на фронт, общение с фронтовиками, потом революция и Гражданская война. Красивый, талантливый от природы юноша, лидер по натуре, на которого засматривались девушки – и вот такой удар – болезнь. Потом слепота, неподвижность.

✓ Девичева. Да, он пережил все «прелести» Гражданской войны и разрухи. Время его сформировало. Но оно не убило в нём порядочность. Его главным критерием человеческой жизни была справедливость. Он хотел справедливости для всех людей.

? Корр. Общаясь с Раисой Порфирьевной Островской, женой и другом писателя, первым директором музея, я увидела в ней глубоко интеллигентного человека, мыслящего, переживающего и оценивающего события жизни, женщину, чья женственность покоряла своей энергетикой. И я поняла, что в их доме не было места пустым речам и лозунгам. Всё только от сердца, пережитое изнутри.

✓ Девичева. Мне кажется, что сегодня очень важна эта сторона жизни Николая Островского. В определённое время так много повторяли «героизм, открытый героизм», что стёрлось то, что должно жечь как живая рана... Само понятие стойкости созвучно понятию Преодоление. А Преодоление – это сейчас девиз каждого. Особенно сейчас! К сожалению, с водой часто выплёскивают и ребёнка.

Ну, а если вспоминать о годах моей работы в музее, то два года я работала с Виктором Павловичем Поповым. Музею, как мы всегда говорим, я до себя беру, с директорами везло. Всего до меня было три директора. Это Раиса Порфирьевна – вдова Островского, Виктор Павлович Попов и Галина Ивановна Храбровицкая. Те три директора – каждый из них сыграл величайшую роль в истории нашего музея.

Раиса Порфирьевна Островская – организатор, создатель музея.

Виктор Павлович Попов – фронтовик, который был современником Н.А. Островского. Он как никто понимал его значимость. Он добился расширения площадей музея. У нас появился второй этаж, появился третий. Это для экспозиции, для фондов очень важно.

И Галина Ивановна Храбровицкая, благодаря которой в 90-е годы музей был сохранён. И не просто сохранён, а официально появилась у него ещё одна функция – функция гуманитарного центра.

Мы всегда были членами обществ дружбы с зарубежными странами. Прежде чем официально какое-то мероприятие проходило, в Кремлёвском дворце или ещё где-то, эти люди приходили сначала сюда, в музей Островского.

Группа советских писателей на Брянском фронте.

Вручение Ордена Почёта директору Государственного музея – гуманитарного центра «Преодоление» им. Н.А. Островского Г.И. Храбровицкой. 2005 г.

Здесь встречались, обменивались новостями космонавты Гагарин, Леонов, дипломаты, писатели, артисты. А ещё в музее собиралось «Общество потомков декабристов». Приходило столько людей на эти встречи. Зал был полон. Сидели даже в проходах и на сцене. Галина Ивановна хотела, чтобы как можно больше людей проникалось этой романтикой... Многие из потомков декабристов прошли блокаду Ленинграда, фронт, голод, болезни, но реликвии (они их сюда приносили, показывали) сохранили. Это были люди со стержнем. Такой пример для молодёжи любви к России, к Родине.

? Корр. Т.е. уже тогда были зачатки центра?

✓ Девичева. Наша уникальность в том, что музей уже с рождения был центром, просто не было официального названия, но все направления, которые официально обозначены в работе музея, они все присутствовали.

Если перелистать символический дневник дома на Тверской, 14, то можно узнать, что 21 октября 1940 года состоялось торжественное открытие музея Н.А. Островского. Среди гостей были родные и друзья писателя, представители комсомольских и молодёжных организаций, трудовых коллективов, музейные работники. За первые восемь месяцев музей посетили свыше 11 тысяч человек. Больше всего – студентов, школьников, учащихся профтехучилищ, военнослужащих.

Великая Отечественная война нарушила традиционные планы. Работа музея была перенесена в военкоматы, на призывные пункты, железнодорожные вокзалы, откуда отправлялись на фронт войска, в цеха предприятий, помещения госпиталей, где сотрудники выступали с рассказами о писателе, его жизни, о героях его книг.

Когда осенью 1941 года война приблизилась к столице и начались бомбёжки, фонды музея в составе «Государственного хранилища №1» были эвакуированы из Москвы вместе с фондами музеев Революции, Исторического, Литературного. Бригадиром музейных работников, ответственных за сохранность бесценного груза, была назначена Раиса Порфирьевна Островская. Двигались по каналу Москва-Волга. В районе шлюзов баржа, на которую погрузили 709 ящиков с музейными экспонатами, попала под обстрел фашистских самолётов и столкнулась со встречным судном, получила пробоину. И всё же путь был продолжен. Так по воде, потом на перекладных, по железной дороге добрались сначала в приволжский Хвалынский, затем в Кустанай.

А в это время двери музея в Москве не закрывались, хотя там оставалась одна сотрудница Александра Николаевна Волкова. Она встречала фронтовиков, рассказывала им об Н.А. Островском, за которым ухаживала, которого любила как сына.

В музей приходили письма с фронта, сюда приносили книги писателя, побывавшие в боях. У каждой такой книги была своя фронтовая биография. В письмах фронтовики называли Николая Островского «лучшим солдатом», воюющим рядом с ними.

18 апреля 1943 года музей полностью восстановил свою работу. Общение с теми, кто шёл военными дорогами, защищая Родину, стало главным. Лекции читались во фронтовой обстановке. Чаще других на фронт выезжала Дина Елисеевна Соколова. В одном из писем – отзывов об этом было написано так: «Тов. Соколова читала лекции в любых условиях, идя вместе с бойцами из батареи в батарею босиком по болотам и глубокому песку».

Вместе с группой российских писателей, в числе которых были Б. Пастернак, А. Серафимович, К. Федин, выезжала на фронт и Р.П. Островская.

Борис Пастернак так описал одну из поездок в своей книге «Воздушные пути»: «Десять дней мы только и знаем, что носимся по дорогам Орловского и Калужского края. Когда ... наши части освободили тургеневское имение Спасское-Лутовиново, комсомольцы отличившихся частей устроили в

Д.Е. Соколова с Героями Советского Союза 8-ой Гвардейской армии В.И. Чуйкова у агитмашины «Музей на колёсах», 14 августа 1944 г.

разрушенном заповеднике торжественное собрание. Естественно посвящённое памяти Тургенева и нашей литературе, оно каким-то образом связалось с именем Н.А. Островского, автора книги "Как закалялась сталь". Собравшиеся дали клятву следовать примеру комсомольского писателя и драться с немцами так, как дрался его герой П. Корчагин. Они оправдали эту клятву в ближайших сражениях. За ними утвердилась кличка корчагинцев...»

Работа музея была так высоко оценена, что 1-й Белорусский фронт выделил ему специально оборудованную машину с киноустановкой – «Музей на колёсах». Машина шла по пути с наступавшими на Запад частями, форсировавшими Буг и Вислу. Лекции сопровождался фильмом режиссёра Марка Донского «Как закалялась сталь». Однажды от непрерывной бомбёжки демонстрация фильма прерывалась 22 раза.

В сентябре 1944 года отмечалось 40-летие Н.А. Островского. В честь этой даты в музей было передано письмо бойцов 8-ой Гвардейской армии под командованием В.И. Чуйкова, удостоенных звания Героя Советского Союза. «И недалёк тот день, – говорилось в нём, – когда юные герои как победители пройдут по улицам Берлина... И когда мы вернёмся домой после Победы, мы принесём вам не один томик "Как закалялась сталь", с простреленными угленными страницами, чтобы люди могли видеть, как вместе с нами на всех фронтах сражался за Родину её бессмертный сын, наш друг и брат Корчагин – Островский».

За годы войны лекции и беседы сотрудников музея прослушали десятки тысяч бойцов.

В 2015 году в День Победы 9 мая Музей-центр реализовал проект «Музей на колёсах», приуроченный к 70-летию Великой Победы, 75-летию Музея-центра и Году Литературы. Машина военных лет, оформленная по аналогии с

1940-ми годами, разместилась в Екатерининском парке. Для ветеранов была показана программа, идентичная программе военных лет, с исполнением военных песен и лекциями о деятельности музея в годы войны. В этой акции активное участие приняли студенты Института гуманитарного образования и информационных технологий.

✓ *Девичева.* Я счастливый человек в своей причастности к событиям, происходящим здесь, в это доме. А ведь это история жизни России.

Мне повезло встретиться с Раисой Порфирьевной Островской. Она первый директор музея. Жена Островского. В романе «Как закалялась сталь» о ней рассказывается романтическая история. И вдруг, ты этого человека видишь воочию.

Я застала друзей Островского: Марка Колосова, редактора «Молодой гвардии», который сыграл определяющую роль в том, что роман «Как закалялась сталь» был напечатан. Ведь, сначала роман попал к какому-то проходному редактору, который сказал: «Нереальная история, печати не подлежит». И только когда к Марку Колосову попал текст, он прочитал и сказал: «Да, это вещь». И роман стал печататься. Была знакома я с ним. Он приходил к нам в музей. И друзья Островского – Пётр Новиков и Анатолий Солдатов. Им было тогда около 90 лет. Но они участвовали во всех мероприятиях музея. Можно было любому из них позвонить, и никто никогда не отказывался прийти. Они шли, рассказывали об Островском, об их дружбе и отвечали на вопросы сколько угодно. Это были люди с высоким званием человека. Завидуешь им.

? *Корр.* Когда вы вернулись в музей, главным делом для Вас было создание концепции?

✓ *Девичева.* Я хочу сказать, что не бывает плохих экспозиций или хороших экспозиций. Каждая музейная экспозиция – это живой организм. Она рождается. Она расцветает и потом, как человек, умирает. Когда я вернулась в музей, экспозиции прежней было более 20 лет. Она требовала модернизации с учётом и новых открытий, и новых документов, и материалов, которые поступили в музей, с учётом технического прогресса, подачи материалов и т.д. И, конечно, требовала расширения. Ведь за эти годы выяснилось, что необходимо обязательно показать, обязательно рассказать. Эти материалы, факты должны были дойти до людей. И, здесь, главное – мемориальная квартира, жизнь и творчество Островского.

Но есть и история дома. Необходимо рассказать о людях, чья жизнь была связана с ним. Они здесь жили. Они здесь бывали. С учётом этого была расширена экспозиция, закуплены с помощью Департамента культуры города Москвы материалы, подлинные предметы. История дома заговорила.

Люди, которые были в этом доме, составляют двухсотлетнюю историю культуры России. Тут не чувствовать невозможно. Кто сюда приходит, тот обязательно возвращается или начинает изучать эту историю. Во-первых, этот дом прописан в одной из самых знаменитых книг о Москве – Гиляровского «Москва и Москвичи» – «Дом с приведениями». Приведения живы и сейчас. Об этом знают все сотрудники (смеётся). Мы храним эту легенду свято и рассказываем её посетителям.

Во-вторых, надо вспомнить людей, которые здесь бывали. Сам дом построен знаменитым архитектором Матвеем Казаковым. Долгое время он оставался самым красивым домом на Тверской, одним из немногих сохранившихся после пожара 1812 года. Допожарная Москва – это тоже знаковость. И дом видел таких людей, которые составляют славу Отечества: в начале XIX века – знаменитый салон Зинаиды Волконской, где цвет культуры собирался – Пушкин и т.д.

Как сказал Вяземский: «Всё здесь носило отпечаток служению искусству и мысли». Лучше не скажешь. И сама княгиня, и её окружение, и все кто здесь бывал. Сейчас в новых экскурсиях и в концепции достаточно о ней собираем материала. Вообще княгиня, кроме того, что была умницей и красавицей, и обладала всеми талантами и поэтесса, и певица, и актрисы, и музыкантши, она, вообще-то, стояла у истоков музейного дела. Это ей первой пришла в голову мысль о создании музея изящных искусств. Иван Цветаев сказал, что он только воплотил в жизнь гениальную задумку княгини Зинаиды Александровны Волконской. Так что она тоже наша по крови дама.

Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) – княгиня, хозяйка блестящего литературного салона (1824–1829) в стенах дома на Тверской. Русская по рождению, большую часть жизни она провела в Италии. Но пребывание её в Москве оставило неизгладимый след в Российской истории. Вот только один день из жизни дома на Тверской, 14 – 26 декабря 1826 года. Проводы в Сибирь к мужу – декабристу Марии Волконской, «третьей невестки» Зинаиды Александровны. Мария Николаевна вспоминала: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской ... она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памятны навсегда; окружила меня вниманием и заботой, полная любви и сострадания ко мне. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, бывших тогда в Москве, и несколько талантливых девиц московского общества. Я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, ещё усиливала мой восторг. В дороге я простудилась и совершенно потеряла голос, а пели именно те вещи, которые я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участие в пении. Я говорила им: «Ещё, ещё, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки». Тут был и Пушкин, наш великий поэт; я его давно знала; мой отец приютил его в то время, когда он был преследуем императором Александром I за стихотворения, считавшиеся революционными».

Когда в 1870-е годы Н.А. Некрасов работал над поэмой «Русские женщины», он очень точно, почти документально описал картину проводов Марии Волконской в Сибирь из московского дома на Тверской:

*И сделалась я «героинею дня»,
Не только артисты, поэты –
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потёмкину ровня по летам,
Явились бывлые тузы – старики
С отменно учтивым приветом...*

.....
*Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
.....
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил (Д.В. Веневитинов),
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был...*

А.С. Пушкин называл З.А. Волконскую «царицей муз и красоты». Он уважал её ум и интеллект. Один из экземпляров поэмы «Цыганы», вышедшей в свет в мае 1827 года, был сразу же отправлен Волконской. Ей он посвятил стихотворное послание «Среди рассеянной Москвы», где увековечил «Северную Коринну» навсегда.

? *Корр.* На сегодняшний день создана программа уроков в музее. В чём её особенность?

✓ *Девичева.* Урок в музее – это совместный проект Департамента культуры и Департамента образования Москвы, чтобы на материалах литературных, исторических, музеев-усадьб, в соответствии со школьной программой расширять детям знания о предмете. Мы готовили программу этих уроков на основе нашей экспозиции. И, как нам рекомендовали, упор делали не просто на подаче материала, а на вопросах, чтобы школьники сами могли сосредоточиться на теме, сами формировали вопросы, работали сами, даже составляли домашние задания. Чтобы они не просто пришли и посмотрели, а поработали ещё и дома над ответом на вопрос.

? *Корр.* Темы будут только по Николаю Островскому?

✓ *Девичева.* Мы попали в советский период истории и истории литературы в соответствии со школьной программой. Учителя будут рекомендовать это для занятий. Я считаю, что это замечательно. Ученикам повезёт. Они по-настоящему соприкоснутся с драматургией творчества через знание жизни и судьбу писателя, времени, в которое он жил, на основе чего он делал свой нравственный выбор.

Я знаю это по себе, когда на интереснейшие лекции нашего преподавателя в институте приходили из других вузов. Это очень важно. Так, ещё учась в школе, побывав в Музее Маяковского, слушая даму, которая о нём рассказывала, я просто влюбилась в поэта, именно в него. Мне было лет 16 (смеётся). Я полюбила его самого. И после этого, естественно, я стала читать всё, что он написал.

Так что, это будет большая подмога и в обучении детей, и пробуждении у них интереса к истории, к литературе.

? *Корр.* А с Николаем Островским вопрос о включении в школьную программу остаётся открытым?

✓ *Девичева.* Уже не первый год мы выступаем с инициативой о возвращении в школьную программу романа «Как закалялась сталь». Мы собрали множество мнений в поддержку этой инициативы. Я могу сказать – это всё, всё значимые государственные и общественные организации, люди, чьё авторитетное мнение важно для граждан страны. Это политики, деятели литературы и искусства, науки, педагоги и т.д. ... Но кроме Министерства образования России. Оттуда мы получили отписку: «Да, Николай Островский – очень хороший писатель. И что мешает учителям в свободное от работы время изучать с детьми этот роман».

? *Корр.* Чиновникам не хочется заниматься воспитанием души. А книги и судьба Николая Островского именно о воспитании души молодого человека, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за подленькое и мелочное прошлое».

✓ *Девичева.* Мы можем сказать – мы поколение, которое выросло в другое время, воспитывалось в другой идеологии, но, как писал Булат Окуджава, «Совість, благородство и достоинство» – всегда оставались нашим «святым воинством», за которое «не страшно и в огонь».

? *Корр.* Музею 75 лет. За эти годы сделано многое. Теперь это Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление» им. Н.А. Островского. Его концепция говорит о больших замыслах. Чтобы Вы пожелали себе как директору, как человеку, отдавшему долгие годы этому дому и возглавляющему ныне всю работу?

✓ *Девичева.* Трудиться и совершенствоваться. Тема «Преодоление» – главный акцент нашей деятельности. Общение, контакты здесь должны приобрести новые формы. Эта тема, не теряя своего изначального смысла, вполне логично может расширяться до масштабов двухсотлетней истории нашего дома. Ведь миссия музея – гуманитарного центра «Преодоление» им. Н.А. Островского заключается в сохранении, популяризации и развитии гуманистических ценностей, способствующих самореализации человека, как главной жизненной задачи, через преодоление им сложных обстоятельств его индивидуальной судьбы.

С момента создания музея его коллекция уже комплектовалась материалами о «корчагинских судьбах» – о выдающихся людях, ставшими равными среди равных. Так была открыта сменная экспозиция «Преодоление. Рассказ о людях трудной судьбы». В запасниках хранится более 200 персональных комплексов героев-инвалидов. Среди них очень известные имена, которыми гордится Россия.

Музей-центр поддерживает контакт с различными благотворительными организациями, фондами, культурными центрами. У нас регулярно организуются выставки творчества инвалидов в циклах «Душа, открытая миру»,

«Через преодоление к творчеству», «Нерукотворное искусство». Об инициаторе выставок «Нерукотворное искусство» Алевтине Зиновьевой хочется сказать особо. Она живёт во Владимирской области. Инвалид с детства. Двигаться почти не может. Не выходит из дома. Но её энергии можно позавидовать. Пишет стихи, публикуется в печати, увлечена живописью и тоже успешно. Через интернет объединила массу таких же талантливых людей. Выставки их работ проходят на международном уровне.

На занятия в музей приходят ребята, имеющие физические недуги. Для них работает программа «Хрустальная палитра». В музее еженедельно репетирует театр «Открытое искусство», в котором играют инвалиды детства с синдромом Дауна. У них в репертуаре даже Шекспир. Для юных посетителей музея (и здоровых, и больных) организуются встречи с героями экспозиции «Преодоление» – героем России И.С. Задорожным, кавалером ордена Мужества А.В. Климовым – офицерами, потерявшими здоровье в горячих точках. Часто с молодёжью встречаются спортсмены – паралимпийцы М.К. Загорская, З.В. Емлина, С.Е. Истомин.

Музей активно популяризирует творчество инвалидов, не только устраивая их выставки, но и посредством издательской деятельности. В музее вышли 6 ежегодников «Преодоление» в серии «Богатыри духа», проходят презентации книг. С 2004 года проводится торжественное вручение дипломов и медалей лауреатам Международной премии Н.А. Островского. Музей – один из учредителей этой премии. На сегодня премией награждены более 110 человек с ограниченными возможностями здоровья, не сломленные духом.

Я бы назвала этих людей – люди с безграничными возможностями. Для них жизнь – уже подвиг. Эти люди позитивны. Их творчество яркое, жизнеутверждающее. С ними тепло и забываешь обо всех своих невзгодах.

Алевтина Зиновьева – инвалид детства с тяжёлой формой ДЦП, лауреат Международной премии Н.А. Островского 2007 г., лауреат Международной премии «Филантроп» 2014 г.

Владькина Олеся Юрьевна – инвалид, Чемпион Паралимпийских игр (Пекин, 2008; Лондон, 2012), многократный чемпион мира и Европы по плаванию, кавалер Ордена Почёта и Ордена Дружбы за большой вклад в развитие физической культуры и спорта, лауреат премии Паралимпийского комитета России «Возвращение в жизнь», Заслуженный мастер спорта России – на вручении Международной премии Н.А. Островского в 2013 г.

Награждение Международной премией Н.А. Островского Чениб Нафсет Муссардиновны незрячей певицы, выпускницы Академии хорового искусства им. В.С. Попова, 2014 г.

? Корр. Обо всём этом может рассказать дневник сегодняшнего дня музея.

✓ Девичева. Конечно. Всё новое, что полезно для развития музея, мы берём и реализуем. Мне бы хотелось довести до конца реконструкцию. Мы сделали пока только один зал. Хотелось бы сделать лифт. Когда-то он был, но при очередной перестройке дома его убрали. Пока работает только подъёмник для инвалидов-колясочников. Я везде, где ни бываю, смотрю – в историческом памятнике сделан лифт. Во многих городах Европы сделаны выносные лифты. Я была в командировке в Германии. Там в ратуше (тоже памятник) лифт сделан во дворе.

Хотелось бы, конечно, чтобы Николая Островского вернули в школьную программу, потому что очень жалко детей сегодняшних, которые лишены, лишены того, как кто-то сказал из великих: «Дайте мне точку опоры, я переверну весь мир». Нет у них сейчас такой моральной точки опоры. А я хочу, чтобы она у них была.

А вот Н.А. Островский, его жизнь, его пример – та точка опоры, с которой можно спокойно смотреть в завтрашний день. И тебе ничего не будет страшно. И ты будешь знать, что нет тех препятствий, которые ты не победишь. Это очень важно, особенно сегодня.

Государственному музею – гуманитарному центру «Преодоление» им. Н.А. Островского 75 лет. В этом тоже счастливая судьба дома на Тверской, 14. Его дневник заполняется каждый день. Совсем свежая запись датирована августом нынешнего, 2015 года. Это Приказ Департамента культуры города Москвы «О возложении на Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление» им. Н.А. Островского функций городского музейного центра по социокультурной реабилитации инвалидов музейными средствами». А это значит, на музей возлагается кураторство всей координации этой работы среди музеев Москвы и выставочных залов.

Роман «Как закалялась сталь» продолжает жить. Книга обрела свою биографию и вошла в «золотую сотню» книг XX века. Роман был издан на 56 языках мира тиражом более 70 миллионов экземпляров. Эта книга сыграла огромную роль в борьбе с фашизмом. История мировой литературы не знает подобной силы воздействия литературного произведения на жизнь.

Закljučая очерк «Мой день» Н.А. Островский писал: «Моя личная трагедия ... оттенена изумительной, неповторимой радостью творчества и сознанием, что и твои руки кладут кирпичи в создаваемое нами прекрасное здание...»

Творчество и созидание и ныне живут в старом московском доме в самом центре столицы России.

ПОЭЗИЯ

Игорь РАСТЕРЯЕВ

Игорь Вячеславович Растеряев – российский артист. Родился 10 августа 1980 г. в Ленинграде в семье художников. Потомственный донской казак. В 2003 г. окончил Санкт-Петербургскую Государственную Академию Театрального Искусства. Актёр Санкт-Петербургского государственного музыкально-драматического театра «Буфф». Лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады-2006. Известность артисту ему принесла снятая на мобильный телефон и размещённая на YouTube песня «Про комбайнёров». На начало декабря 2014 г. видеоролики с песнями в исполнении Растеряева («Русская дорога», «Казачья песня», «Ромашки», «Раковка», «Георгиевская ленточка» и др.) собрали на YouTube более 30 миллионов просмотров. Игорь Растеряев стал первым российским музыкантом, сначала получившим известность благодаря Интернету и лишь затем начавшим концертную деятельность. В 2012 г. выпустил книгу «Волгоградские лица» (альбом рисунков с комментариями автора). Книга посвящена другу, соавтору и продюсеру Лёхе Ляхову. 20 октября 2012 г. представлен второй альбом «Звонарь». Живёт в Санкт-Петербурге.

«Просто нам завещана от Бога Русская Дорога»

Песня о детстве

Наши руки не привыкли
 В Интернете ставить лайки.
 На советских мотоциклах
 В замусоленных фуфайках
 Мчимся по ночной дороге
 Меж полей из ржи и гречки,
 Где мерцает одинокий
 Наш костёр у чистой речки.
 Наш костёр у чистой речки.
 Мы в костёр дровец подбавим,
 Запечём в углях картошку,
 И плеснёт в реке голавль,
 И появится гармошка.
 От души играть вдруг станет
 До утра, без всякой меры,
 Нам – первейшим хулиганам
 И последним пионерам.

Нам пятнадцать лет настало,
 А стране – всего четыре.
 Поломали идеалы,
 А кто прав, сказать забыли.
 Мы костру с картошкой верим:
 Он-то точно не предатель,
 Он хорош на самом деле,
 Он – наш общий знаменатель.
 Он – наш общий знаменатель.

Каждый сам себя заквасит:
 Свой характер, ум и норов.
 Мы уедем восвосяси,
 Слушая наказ моторов.
 Будет в жизни много бедствий,
 Знать не будешь, куда деться.
 Но к костру своего детства
 Приезжай почаще – греться.
 Приезжай почаще – греться...

Комбайнёры

Далеко от больших городов,
 Там, где нет дорогих бутиков,
 Там другие люди живут,
 О которых совсем не поют.

Не снимают про них сериалов –
 Ведь они не в формате каналов,
 И не пишет про них Интернет –
 Их совсем, вроде как бы, и нет...

Они молоды, но не студенты,
 Ни «О-кея» не знают, ни «Ленты»,
 В суши-барах они не бывают,
 И в соляриях не загорают.
 У них нет дорогой гарнитуры,
 Наплевать им на эмо-культуру,
 Не сидят в «контактах», в «он-лайнах» –
 Они вкалывают на комбайнах!

Выпил C₂H₅OH, сел на «Ниву» («Ростсельмаш»),
 На «ДТ», «Дон-500», «Т-150»,
 Покормил перед этим поросят.
 И пошёл зябь пахать, молотить ячмень:

Будет долгим-долгим-долгим твой рабочий день,
Но зато ты знаешь каждый винтик в тракторе внутри,
Получаешь за работу в месяц тыщи три – комбайнёры.

Каждый из них был в армии родной,
Не отмазался никто, что у него там геморрой.
Комбайнёры, трактористы, грузчики арбузных фур –
Эти парни не являются мечтой гламурных дур.

И пускай там пидорасы беснуются в Москве,
Но пока такие пацаны есть у нас в стране,
Знают пусть враги все, знает сучка Кондализа Райс –
Никогда, отребье НАТОвское, не возьмёте нас!

Выпил C_2H_5OH , сел на «Ниву» («Ростсельмаш»),
На «ДТ», «Дон-500», «Т-150»,
Покормил перед этим поросят.
И пошел зябь пахать, молотить ячмень:
Будет долгим-долгим-долгим твой рабочий день,
Эта песня посвящается всем сельским пацанам,
Волгоградским комбайнёрам, трактористам, пастухам!

Выпил C_2H_5OH , сел на «Ниву» («Ростсельмаш»),
На «ДТ», «Дон-500», «Т-150»,
Покормил перед этим поросят.
И пошёл зябь пахать, молотить ячмень:
Будет долгим-долгим-долгим твой рабочий день,
Эта песня посвящается всем сельским пацанам,
Волгоградским комбайнерам, трактористам, пастухам –
Слава Вам!

Курган

Январь сорок третьего года.
Бомбёжка. Метель. Сталинград.
Несутся в Германию письма
Замёрзших немецких солдат.
Читают в далёких квартирах:
«Пришлите кальсонов и гетр.
Мы прошагали полмира,
Но здесь не пройти километр.
Мы загнанные, как волки.
Едва стоим на ногах.
На Тракторном, Красном, у Волги
Нас бьют в подвалах, цехах.
Они сумасшедшие просто!
Такого нету нигде!
Стреляешь – а он, как апостол,
В атаку идёт по воде.
Приказ их подобен бреду,
И это страшный приказ.
За Волгой земли для них нету,
Но нету её и для нас.
Мы помним, как с бравурным пением
Втоптали Европу в грязь,
Как жгли города и селения –
По ходу, с брони, веселясь...
Как ползали все, будто стадо...
И вот наказал нас за то
Обычный солдат Сталинграда,
Расстрелянный в решето».

Пекло, раки, пиво. Волгоград.
Двадцать первый век – на поле боя
До сих пор защитники стоят
В виде гордых каменных героев.

Часто думаю я почему-то,
Приходя на Мамаев Курган,
Очень скоро настанет минута,
И последний придёт ветеран.

И эпоха в руке у него
В одноразовом мятом стаканчике
Завершится. И встретят его
Сослуживцы – седые мальчики.

Они все его выйдут встречать
На своём небесном параде
И дыры в груди – как клеймо, как печать:
«Я был в Сталинграде!», «Я был в Сталинграде!»

Вместе с ними – лёгкий, словно пух, –
 Полетит он, сверху наблюдая.
 Не святой, а просто русский дух
 Над Курганом имени Мамаю,
 Как внизу идёт земной парад,
 Как цветы к подножьям возлагают,
 Про Мать – Родину всё верно говорят,
 Только одного не понимая:

То, что меч огромный нужен ей
 Не за тем, чтоб где-то люди ужаснулись,
 А держать повыше от людей –
 Чтобы никогда не дотянулись.

То, что меч огромный нужен ей
 Не за тем, чтоб где-то люди ужаснулись,
 А держать повыше от людей –
 Чтобы никогда не дотянулись...

И невыносимо ей стоять.
 Гаснет вера с поколением каждым,
 Что не будут больше убивать,
 Может быть, когда-нибудь однажды...

Ромашки

Весь день по небу летают
 Какие-то самолёты.
 Они на отдых в Паттайю,
 Наверно, возят кого-то.
 А я пешком в чистом поле
 Иду-бреду по бурьяну
 К погибшим от алкоголя
 Другьям Ваську и Роману.

У меня лежит не один товарищ
 На одном из тех деревенских кладбищ,
 Где тёплый ветерок на овальной фотке
 Песенку поёт о палёной водке.

Себе такую дорогу
 Ребята выбрали сами,
 Но, всё же, кто-то, ей-Богу,
 Их подтолкнул и подставил.

Чтоб ни работы, ни дома,
 Чтоб пузырьки да рюмашки,
 Чтоб вместо Васи и Ромы –
 Лишь васильки да ромашки.

У меня лежит не один товарищ
 На одном из тех деревенских кладбищ,
 Где тёплый ветерок скачет изумлённо,
 Синие кресты помня поимённо.

Но все слова бесполезны,
 И ничего не исправить.
 Придётся в банке железной
 Букет ромашек поставить.
 Пускай стоит себе просто,
 Пусть будет самым красивым
 На деревенском погосте
 Страны с названьем Россия.

БЕЗЫМЯНКА

БЕЗЫМЯНКА – ЭТО ОДНА ЕДИНСТВЕННАЯ УЛИЦА, ПРОТЯНУВШАЯСЯ НА ШЕСТЬ КИЛОМЕТРОВ. ТАМ СОХРАНИЛИСЬ УДИВИТЕЛЬНОЙ КРАСОТЫ ПЛЕТНИ, ХОТЯ НИГДЕ В СОСЕДНИХ ХУТОРАХ ИХ УЖЕ ДАВНО НЕТ.

В ДЕТСТВЕ Я ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ПЛЕТНИ. Я ЧАСАМИ ТРОГАЛ, РАССМАТРИВАЛ ИХ, СТАРАЯСЬ ПОНЯТЬ, КАК ОНИ ПЛЕТУТСЯ, НО ТАК ДО КОНЦА И НЕ ПОНЯЛ.

Ермак

Чтоб о предке моём Казаке
Разузнать правдивую версию,
Я пришёл к пересохшей реке
В без пятнадцати сорок по Цельсию.

Тут когда-то был наш хуторок,
А теперь – бугорки да садочки,
А теперь – перекрестье дорог,
В горизонт уходящих до точки.

Мои предки тут с детства жили,
Руку ставили рубкой хвороста,
А потом кому надо служили,
Вплоть до кризиса среднего возраста,

На привалах варили варево
И в походы ходили с пением.
С ними враг любой разговаривал,
Словно крепкий ремесленник с гением.

Где пройдут – там валяются флаги,
Стон чужих речевых оборотов –
Всё, как после попойки в общаге
Института дружбы народов.

Я стою у иссохшей реки:
Ни воды, ни лягушек, ни ряски.
Где народ, что рубил в две руки,
Взял Сибирь и дошёл до Аляски?!

Где все те, кто в бескрайнем бою
До Китая Россию раздвинули?!
Почему я сегодня стою
Здесь один, без земли и без имени?!

И смотрю на терновый кусток,
На осину, что между садочками?!
То – не тёрн, то – терновый веноч,
И осиновый кол с листочками.

Я поставил на родине крест –
Пусть стоит тут, как наваждение,
Как финальный аккорд этих мест,
Как пародия возрождения.

Представляю я прошлые века:
Шашка наголо, на щите – олень,

Будто я – казак батьки Ермака,
И наступает ночь, наступает день.

Атаман наш песню бодро голосит.
Бородища до пупа висит.

Будто всё в дыму, будто всё в огне.
Снова на Восток скачет наша рать,
Чтоб среди ковров в шахматной стране
С чёрным королем в шашки поиграть.

Нам по нраву эти горы и поля,
Значит, здесь казачья земля!

Скалы, бурелом, талая вода.
Прёт без всяких карт батька Атаман.
Где я запою – там и широта,
Где мой конь пройдёт – там меридиан.

Пусть ругают нас с западных столиц –
Нам на них плевать, нас не взять на понт:
У России нет никаких границ –
У России есть только горизонт!

Остаются позади от наших войск
Наши метки – Красноярск, Тобольск.
Завтра на заре снова будет бой,
Будет сталь на сталь налетать звеня,
Но, всему назло, я вернусь домой
Или со щитом, но скорей всего – с двумя.

Буду вспоминать, как я воевал,
Как на край Земли вывел Атаман.
И весь мир смотрел, как у Камчатских скал
Тихий Дон впадал в Тихий океан.

Как-то ты недобро щуришься, браток.
Отдавай-ка быстро островок!

Вот бы на чуть-чуть в прошлые века:
Шашка наголо, на щите – олень.
Вот бы впереди батьку Ермака,
И наступает ночь, наступает день.

Звонарь

Жаль, не выбираем мы эпохи,
Где рождаемся, тоскуем и живём.
Мне б родиться при Царе Горохе –
Был бы я отличным звонарём.

Я бы перед каждым колокольным боем
Духом собирался, как у алтаря.
Воскреси хорошее, погаси плохое,
Друг мой, медный колокол, в сердце у меня.

Друг мой, медный колокол, нету мне покоя,
На Земле так многим одиноко жить.
Нам сыграть сумеет бы что-нибудь такое,
Чтобы нашим звоном всех объединить.

Чтоб стоять могла в бескрайнем русском поле
Колокольня, как маяк,
Чтоб людские души плакали и пели,
Так же, как поёт моя!

Колокол, а вот бы нам до неба дозвониться!
Вот бы всю вселенную звоном обогреть.
Может быть, за это что-нибудь простится,
Может, сами ангелы захотят подпеть?

Богатыри

Разлетаются чёрные вороны,
Уползают в леса упыри.
Это мы едем, русские воины,
Называют нас «богатыри».

Богатырство не мерится возрастом,
Дело в силушке и кураже.
Вон, Илюха из Муромской области
К нам призвался за тридцать уже.

В поле камень стоит занимательный,
Три дороги указаны в нём.
Мы его прочитаем внимательно
И попрём как всегда напролом.

Змей Горынычу не покоряемся,
Пред Кашеем не падаем ниц.
Нашей силушки хватит, ручаемся,
На пятьсот Шамаханских цариц.

Да, не нужны те царицы нисколько,
Все они наших девок тощей.
Нам вернуться б к Анюткам, да к Олечкам,
Да к родному котлу кислых щей.

Да ещё бы печёной картошечки
И ещё бы солёных грибов.
Эх, давай заливайся, гармошечка,
Подпевай нам степной ветерок.

Георгиевская ленточка

За окнами весенний лес летит,
Я еду в ленинградской электричке.
Напротив меня девочка сидит
С георгиевской ленточкой в косичке.

Сегодня эту ленточку носить
На сумке можно, можно – в виде брошки,
Но я прекрасно помню и без лент,
Как бабка не выбрасывала крошки.

Как много лишнего мы слышим в дни побед,
Но только этой патоке с елеем
Не очень верят те, кто в десять лет
Питался, в основном, столярным клеем.

А время умножает всё на «ноль»,
Меняет поколенье поколением,
И вот войны подлеченная боль
Приходит лишь весенним обострением.

Над этой болью многие кружат,
Как вороньё, как чайки... И так рады,
Как будто свой кусок урвать хотят
Бетонной-героической блокады.

Я еду в поезде, смотрю на всё подряд:
В окно, на девочку с прекрасными глазами,
А за окном солдатики лежат
И прорастают новыми лесами...

Проезжаю я зловецкие места:
Там, где человек – главное богатство недр,
Где, ещё с войны, бойцы лежат –
По трое на один квадратный метр.

Там везде шаги, там голоса,
Чудные огонёчки по болотам,
Тени по ночам тебе поют,
Как будто просят и хотят чего-то:

«Откопай меня, браток, я Вершинин Саня!
Пятый миномётный полк, сам я из Рязани.
Много ты в кино видал о солдатах версий,
Щас послушаешь мою – эх, будет интересней».

И начнут они вещать
На языке стонов, недомолвок.
Хочешь убежать, но впереди они опять
Мелькают между ёлок:

«Откопай меня скорей, умоляю снова.
Я Моршанников Сергей, родом из-под Пскова.
Адресок мой передай в родную сторонку:
Восемнадцатый квадрат, чёрная воронка».

А под утро всё взревёт, полетит куда-то
И пойдёт на пулемёт в штыковую с матом.
И деревья все вверх дном: ввысь растут коренья
В этом славном боевом месте преступления...

Расчудесный уголок – не леса, а сказка.
Наступил на бугорок, глядь, а это каска...
Чуть копнул – и вот тебе: котелок да ложка,
И над этим надо всем – ягода морошка.

Над землёю месяц май, молод и прекрасен,
Электричка подъезжает к станции «Апраксин».
В небе караван гусей, скоро будет лето.
Девочка в своей косе поправляет ленту...

Русская дорога

По плачущей земле, не чуя сапогов,
Наш обескровленный отряд уходит от врагов,
Питаюсь на ходу щавелевым листом,
Ночуя в буераке под калиновым кустом.

Нам отдохнуть нельзя – бегом, бегом, бегом,
А наши якобы друзья засели за бугром

И смотрят, как нас бьют, не отрывая глаз,
И только длинные дороги полностью за нас!

Вытри слёзы, отдохни немного, я русская дорога,
Отходи, а я тебя прикрою грязью да водою.

Но по уши в грязи, в воде до самых глаз,
Через какой-то срок враги опять нагнали нас
И бьют ещё сильнее, вот-вот и порешат,
Но лютые морозы к нам на выручку спешат.
Погоди, утри горячи слёзы, мы – русские морозы!
Заморозим, заметём тоскою, поманив Москву.

Природа на войне нам как родная мать,
Но есть время хорониться, а есть время наступать,
И вскоре объявились мы во вражьих городках,
И стали всё крушить вокруг, разбили в пух и прах!

Порвали на куски, измолотили в хлам,
И, добывая, объясняли стонущим врагам:
«Запомните загадочный тактический приём:
Когда мы отступаем – это мы вперёд идём!»

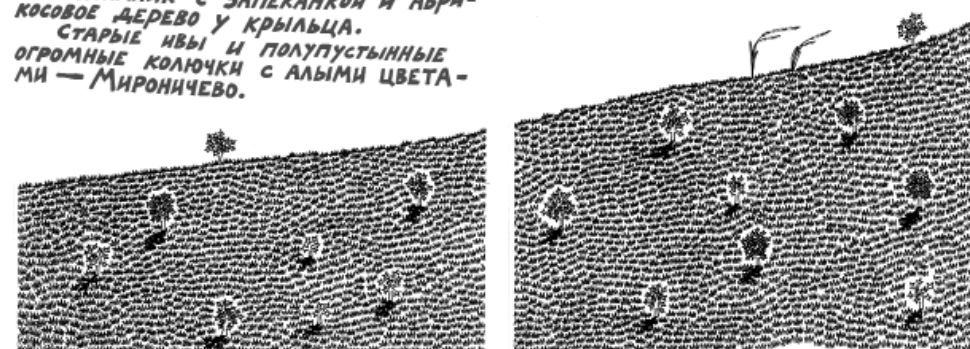
Вместе с холодами и лесами, впереди Сусанин.
Просто нам завещана от Бога Русская Дорога.

Любовь к Родине Живут в душе несвязные воспомина- ния

Под горой дремлет разбросанный
хутор: песчаные улицы и маленькие
облака. Коршун в высоком небе выгля-
дывает. Внизу цыплят. Растрескавший-
ся от жары грейдер. Длинные коровни-
ки обмазаны глиной, дом под чак-
новой крышей, обнесённый плетнём.
Пионерлагерь: детям-героям на пор-
третах пририсовали усы. Детская да-
ча – поланик с запеканкой и абри-
косовое дерево у крыльца.
Старые нвы и полупустынные
огромные колючки с альби цветами –
ми – Мироничево.

Раскалённая сухая трава растёт из суглинка. Перекати поле на прибитой дождём дороге.

Речка – белые кварцевые пески, раку-
шки и перекаты. Сумрачный душный
лес и смородина в посадке. Горячий
гречневый ветер и разбитый ком-
байн в обраге...
Но всё это так дорого, так близ-
ко.
Может быть чувство томящего
милого воспоминания и есть лю-
бовь к Родине?

ПОЭЗИЯ

Раиса ДИДИГОВА

Дидигова Раиса Абукаровна – родилась 9 февраля 1956 г. в с. Ванновка Тюлькубасского района Южно-Казахстана. По окончании в 1979 г. Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков осуществляла свою трудовую деятельность в сфере образования и управления, а позднее – работала заместителем главы Администрации г. Назрань, заместителем начальника организационного отдела Администрации Президента Республики Ингушетия, заместителем председателя Правительства Республики Ингушетия, начальником протокольно-организационного отдела Администрации Главы Республики Ингушетия. В настоящее время активно занимается творчеством, является заместителем главного редактора газеты «Литературный Кавказ», возглавляет Правление Союза писателей Ингушетии.

Живёт в Назрани.

Поэзия – мелодия небес...

Цвети, республика!

Цвети, республика родная!
Свет неба, красота земная
Сосредоточены в тебе...
Но... в непростой твоей судьбе
Бывали ночи затяжные,
А дни – короткие такие,
Что еле воспринять могли
Сиянье солнца после тьмы;

Лет молодых твоих теченье
И золотых лучей свеченье
Завесу мрака отвели...
Вновь веру люди обрели;
Благословенные деянья,
Воспрянувшие дарованья
И воплощённые мечты,
Республика, всё это – ты!

Родной язык

Язык – рассудка колыбель
И животворное блаженство,
Гармонии небесной трель,
Призыв к земному совершенству.

Как материнская любовь,
Родной язык нам души греет;
Он вписан в человечесью кровь,
В нём добродетель наша зреет.

То – благозвучная среда,
Где бесконечно постиженье;
И образность, и красота –
Корней глубоких отраженье.

А мудрость языка несёт
Свет таинства времён далёких,
Что человечество ведёт
Во сферу уровней высоких.

Но не востребуемым став
В своей взлелеянной Отчизне,
И от насилия устав,
Уйдёт язык совсем из жизни;

Исчезнет бытия устав –
Национальная твердыня,
С собой народа жизнь забрав
И доблестное его Имя!

Поэзия

Поэзия – мелодия небес,
Духовного прозрения стезя...
И в сфере поэтических чудес
Как будто перевоплощаюсь я;

Там плоть и душу исцеляет свет,
Не оставляя и следа от ран...
В стихах(!) ниспослан сущностный завет:
Священное писание – Коран!

Стихотворенья дышат и живут,
И строфы, словно Ангелы паря,
В мир очищенья и добра зовут,
Любовь и сострадание даря.

Лишь жалости заслуживает тот,
Кого не волновало пенье строк,
Или настолько захватил порок,
Что вникнуть в слог Божественный не смог.

В неутомимой суете мирской,
Гармонию являя и покой,
Высоких мыслей лаконичный строй
Усердно прославляет род людской.

Поэзия Кавказа...

Поэзии Кавказа дух сакральный
Объял собою мир континентальный;
Несёт он неустанно свет Творца,
Им очищая души и сердца.

Неизъяснимой красоты природа
В культуре запечатлена народов,
А в образах традиций глубина
И ценностная суть отражена:

Там древа жизни видится картина,
Где корни с кроной связаны единым,
Крепчающим из века в век стволом;
На нём изломов очевиден сонм.

Естественное это сообщенье
Объединяет зоны разветвленья:
Ту, что земной корой поглощена,
И ту, что к высоте обращена.

Родной земли живительные соки,
Вливаясь в плодородные истоки,
И продвигаясь по стезе своей,
Питают ткани молодых ветвей.

Гармонии незыблемой пространство...
Изменчивость в нём служит постоянству;
Живая предков и потомков связь,
Незримою энергией вьётся,

Определяет роль и место судеб,
Соединяя с прошлым всё, что будет;
Пронизывает сферы бытия,
Духовностью обогащая явь.

Она поэтов одухотворяет,
О сущности явлений возвещает.
Генетики же необычный код
К талантливим свершениям ведёт.

И, избранные для благих деяний,
Мыслители уходят вглубь познаний,
Чтоб, открывая тайны языка
Фольклорного, пройти через века;
Историей народа непростою
Проникнуться, чтоб быть в ладу с собою,

Весь самобытный изучить уклад,
И каждый знать обычай и обряд;
Постичь древнейших символов значенье,
Сокрытое в скупых обозначеньях
И в нравах жизнестойких старины,
Что беспредельной мудрости полны...

Так в мыслях появляются сюжеты
И образы героев невоспетых:
Возвышенны и целостны они,
Хотя в воображении даны;

Но вот... нисходит свыше вдохновенье,
И строки создают изображенье
Эпохи неисследованной той,
Столь противоречивой и лихой.

А кодекс чести горцев нерушимый
Венчает труд, поэтами вершимый;
И явленный лирический герой
Классический обогащает строй.

Он гордо предстаёт лицом кавказским,
Таким обворожительно прекрасным,
Носителем национальных черт,
В которых зрится нравственная твердь.

От всех влияний чуждых те творенья
Избавят молодое поколение,
И от глобализационных пут
Сознание его уберегут.

Была всегда спасителем народа
Поэзия бесписьменного рода,
Наследия бесценного собор
И охранитель языка – фольклор.

Так важно языка родного знание
В стремлении вершин самопознания
Достичь и идентичность сохранить,
Чтоб никогда манкуртами не слыть!

Служившее всему началом Слово –
 Всего земного вечная основа,
 Создателем ниспосланная в дар,
 Изяществом пленяющая чар,
 По-прежнему могущественно правит,
 Достоинство преемственности славит,
 И прикасаясь к таинствам её,
 Возносится в величии своём!

Стезю какую должно предпочесть?..

Уходят в Вечность целые миры
 Скоропостижно, скорбными рядами;
 То – души жертв немислимой поры
 Безвременья роднятся с небесами...

Там вопиют меж небом и землёй
 Насильственно оборванные судьбы,
 Не понимая сущности людской,
 Судьбину превращающих в разрубы.

Пронзительно звучит беззвучный стон
 Для тех, кто не утратил человечность;
 Призывно всем напоминает он,
 Что велика безмерно жизни ценность!
 И разуму застывшему сторон
 Вернуть напрасно жаждет безупречность.

Всё громче зов из Инобытия
 В сердцах живущих эхом отдаётся,
 Коварный, безысходный круг кляня,
 Что, кажется, уже не разорвётся.

Слепого умозрения итог
 Стать бедствием народа предназначен,
 В неодолимый воплощаясь рок...
 Немалой кровью он уже оплачен.

Ведь каждая утрата – это боль,
 Несущая вослед потерь обилье,
 Слёз материнских каменная соль,
 Отчаявшихся душ и тел бессилье
 И сонмище оставленных сирот
 Под градом разрушительным обломков
 Былых семей благополучных. Тот

Трагичный и бессмысленный исход
 Неотвратимо за собой влечёт
 Печальный и невосполнимый счёт
 На свет не появившихся потомков;

И, если тех событий мрачный ход
 Продолжится, след алый оставляя,
 Постигнет участь эта каждый род,
 Расплату за бездействие являя
 И вдоволь исстрадавшийся народ
 На гибель постепенно обрекая.

Национальный не приемлет код
 Несвойственных избыточных влияний;
 И заблуждений полный разворот
 Приносит горечь новых испытаний.

Другая есть реальность, путь иной;
 Он славится исконными корнями,
 Этнической культурой, красотой
 Палитры, создававшейся веками.

И выстроенный предками уклад,
 И роскошь самобытная традиций,
 И языка фольклорный звучный лад,
 Всех этносов определяя лица,
 И открывая существо вещей
 Под светлой сенью Божьей благодати,
 Вели по жизни исстари людей
 К познанию глубинному понятий,
 К разгадке сущих таинств бытия,
 Его духовной сути совершенной
 И к постижению самого себя:
 Народа или личности отдельной.

Самопознание – тонкий микромир;
 Энергией истоков он питает
 Того, кто в высший обращён эфир
 И в гармоничной сфере пребывает,
 Где благостью всегда исходит мысль,
 Где выбор только ею обусловлен,
 Составлен ею жизни главный смысл,
 Что света неизбывного исполнен.

Стезю какую должно предпочесть,
 Чтобы народ свой сохранить и честь?..

Бессмысленно мечется суетный мир...

Объяла тоска неземная опять,
Волнующих мыслей кружение;
Как будто повёрнуто прошлое вспять,
Чтоб не постигало забвение.

Жестокостью скованы души людей,
Печать отчужденья на лицах;
Блуждающим сонмищем мрака теней
Людское движение зрится.

Темнеющей ауры полон эфир,
Всё уже просвет благотворный;
Бессмысленно мечется суетный мир,
Вступивший на путь обречённый...

Проникнемся же сущностью молитвы...

Луна неспешной поступью взошла,
Собой украсив звёздное свечение;
Велюром чёрным ночь обволокла,
Ещё дыша прохладой вечерней.

Уносятся куда-то облака,
Воздушной негой душу увлекая;
Доносится азан издалека,
Молитвы время всем напоминая.

Преобразились очертанья все
В какие-то таинственные тени,
Как будто жизнь на тёмной полосе
Застыла, ожидая потрясений...

Так и сердца людей теряют свет,
А край стал жертвой непонятной битвы;
Пока народа не утрачен след,
Проникнемся же сущностью молитвы!!!

Вновь на волне эфирной этот блюз,
«Блюз грустного дождя» сентиментальный...
В звучании печальном растворюсь,
Улавливая смысл тех звуков тайный:

«Не разгадала жизненный кроссворд?» –
Протяжно плачет скрипка, вопрошая;
А вот – и обречённости аккорд
Ударил, все надежды разрушая...

И выстраданный слышится пролог
К истории мелодии прощальной;
Непостижимый льётся диалог,
В стихии замирая музыкальной.

Там, раненые крылья теребя,
И одержимо боль превозмогая,
Подстреленная птица, вне себя,
Возносится к простору, угасая...

Была ли она счастлива, любя?..
Но... замолчал «Блюз грустного дождя».

Смутная тревога

Душа моя торопит время;
Неосязаемое бремя
Усталостью вокруг глядит,
Безвременьем вновь тяготит.

Туманом застлана дорога,
С пути сбивая понемногу,
А в сердце – смутная тревога...
И свет, что струйками сквозит
Уж ничего не прояснит.

Проходит день, за часом час,
И ночь окутывает нас;
О только бы не длился мрак –
Печальной вежи верный знак...

И вопрошают мысли...

В воздухе что-то зависло,
Душу тревожа мою...
Путаясь, скачут мысли
О том, как в родном краю

Всё гуще алеют зори
И чернью закаты глядят;
Эхом нежданного горя
Все голоса звучат.

Неясные вихри кружатся,
Клубится, темнея, туман...
И камнем на сердце ложатся
Следы от глубоких ран.

С неба струятся ливни
Непрерывных дождей,
Словно несут обилие
Боли и слёз людей.

Незванные, вновь нависли
Игры мрачных теней...
И вопрошают мысли:
«Кто нам вернёт сыновей?»

Кружатся в наших судьбах вьюги,
И ранит боли острота...
Сердца свои смягчите, люди,
Пусть селится в них доброта.

Покоя никогда не будет
В душе, где бродит темнота;
Свет с милосердием придёт,
С раскаянием – чистота.

Все испытание проходим,
Живя в отрезке временном;
Но время чаще мы проводим,
Забыв о мире том... ином;

И оправдание находим
Тому, что делать не должны;
Когда же в Вечность переходим,
Не смерть страшит, а груз вины...

Ковром тернистым устлан путь:
Не отступить, не повернуть...
Цепь исторических тех пут
Всё тяжелее разомкнуть;
Но ты пути достоин будь!

О, сколько мнений тут и там:
Суждений философских гам,
В них – правда с ложью – пополам;
Старайся цену знать словам,
Будь в чистоте своей упрямым.

Умчится время... Оглянись!
От изменного – к свету, ввысь!
Ниспосланы блага – делись;
Суди себя, с собой борись,
И над людьми не возносись!

Memento mori...

Звёзд сиянием многогранным
Синева объята моря,
В совершенстве первозданном
Слышится «Memento mori»;
То... к деяниям гуманным
Звёздные зовут просторы.

Душу сотрясая, льются
Слёзы радости и горя;
Мысли суетные вьются,
Бытию земному вторя...
Эхом жизни раздаются
Звуки слов «Memento mori!»

Не истязай достоинство чужое...
Не изменяет свойствам бумеранг;
И справедливый суд – не за горою,
Ни чин твой не спасёт тебя, ни ранг.

Желаю людской приязни, не укора...
Чтоб исцелиться следует тебе
Почаще вспоминать слова Тагора,
И голову свою склонять к себе.

Осенняя нега

Негой осенней
Овеяны дни,
Боль потрясений
Уносятся они;

В золото кроны
Я погружусь...
В мыслях бездонных
Вся растворюсь.

Свежесть прохлады
Ум отрезвит,
Чувство отрады
Вновь озарит;

Небо туманное,
Ты прояснись...
Боль несказанная,
Не повторись!

О, с чем же соизмерить вред,
Что идеалов разрушение
Несёт цинично столько лет,
Все ценности предав забвенью,
В умах посеяв смуту, бред,
А в душах – боль и отчужденье?...

Как страшен – на вопрос ответ,
Когда теряем поколенья!

Неизбывная боль

Редуют ряды ветеранов войны...
Сверкает их жизнь серебром седины;
Их память хранит фронтовые дела,
В воспоминаниях – мало тепла.

Значение подвигов, ратный их труд
Репрессии чёрные перечеркнут...
На лицах – сердец уязвлённых печать,
Глаза безысходностью прошлой глядят.

В морщинах вопрос безответный застыл:
«За что же народ наш наказан так был,
Как мог повториться былой произвол,
Что позже по детям и внукам прошёл?»

Кровавых зарубин печальная нить
Мешает военные раны лечить;
Но травмы душевные ранят больней,
И боль неизбывная стала сильней!

Живущим и жившим – нет им цены...
Войны ветераны – народа сыны!
Был стойкости полон их горький удел;
Так будем достойны их праведных дел!

Осколки льда

Во что я вкладывала душу
И что казалось дорогим,
Далёким стало и чужим,
Вокруг и изнутри всё руша...

Что обретением считала,
Во что я верила всегда,
В осколки превратилось льда
С потерями, каких не знала;

А то, что называла силой,
Бессилием обернулось вдруг,
Когда жестоко предал друг,
Обрекший душу на недуг...

Душа заблудшего простила,
Его безмолвно отдалила...

Райские трели

Вслушивайтесь в птичьи голоса,
Что переливаются так томно;
Их звучанье не случайно полно
Неги, проникающей в сердца.

Той полифонии чудеса
Людям открываются не сразу;
Взоры, затуманенные вязью,
Реже созерцают небеса...

Вслушивайтесь в птичьи голоса,
В это удивительное пенье;
Трелям райским не дано забвенья...
И польются слёзы очищенья,
Светлой лентой умиротворенья
Заиграет жизни полоса.

Светлый дух

Памяти Владимира Высоцкого

В бешеной слепой погоне
Привередливые кони
Приближали твой конец,
За одним другой рубец
Нанося на область сердца...
Но, как пелось, будет петься;

Ты, едва простившись с нами,
Возвращаешься с лучами,
Как и обещал, в мечтах,
В мудрой правде и в друзьях.
Проникаешь в наши души,
Всё неискреннее руша
Райской звуковой волной...
Голос с милой хрипотцой,
Слёзной дрожью зазвени:

Вспомним жёлтые огни,
Васильки во чистом поле,
Волчью скорбную неволю;
Тех коней, что пляшут в такт,
И о том, что всё не так!

Всё совсем не так, как надо,
Тьма не ведаёт преграды,
Белый свет уже не бел...
Без тебя он опустел;
Песенный об этом плач,
С ним несётся дух твой вскачь,
Светлый... не как все.

Светлая лира

Олегу Акимовичу Чупрову

Случайно на плечо опершись Ваше,
«Простите», – покраснев, сказала я...
«Вы опираться можете и дальше», –
Ответили Вы, глядя на меня.

И взгляд был полон мягкости и света,
Проникновенно голос прозвучал;
Я как-то угадала в Вас поэта...
Поэзия – и Ваш, и мой причал.

Общались, прерываясь, и недолго,
Был слишком краток пребывания срок,
Но встреча та запомнится надолго,
Духовностью насыщенная впрок.

Быть может, Вы, прощаясь с белой ночью,
И вглядываясь в утреннюю рань,
О чём-то размышляя, между прочим,
Вдруг вспомните далёкую Назрань...

Нас, несомненно, ожидают встречи,
Их озарит Парнаса яркий луч!
И светлой лирой будут литься речи,
Завесу рассекая серых туч.

Смущённая душа

Доносятся молитвенные звуки,
Насыщены мольбою голоса...
Живые в исступленье тянут руки
Вослед душе, летящей в небеса,

В неведомой потусторонней дали
Ей помогая выше вознестись...
Есть светлый знак в неистовой печали,
Что устремляет мысли наши ввысь:

В минуты скорби думаем о смерти
Или о том, как не умеем жить,
Как в непрерывной этой круговерти
Лишь сущностное следует ценить.

Доносятся молитвенные звуки,
Они, как слёзы, льются, не спеша...
О будет ли от предстоящей муки
Избавлена смущённая душа?

Так упоительны о Вас воспоминания...

Виктору Пеленягрэ

«Как упоительны в России вечера...»,
Так упоительны о Вас воспоминанья...
Явилась светлой вехою пора
Общенья с Вами и... очарованья;

Задор и непосредственность в словах,
Радущие, которым Вы объяли,
Остались негой тёплой в сердцах,
А души ближе и роднее стали.

Вы вспоминали ингушей – друзей:
И тех, кто жив, и тех, кого не стало...
О них сказали так, словно людей
Их совершенней вовсе не бывало;

Тоской излились задушевной Вы,
Поведали о творчестве совместном,
О том, как были объединены
Вы устремленьем к истинам небесным...

И поволока грустная в глазах,
И смех, столь заразительный и громкий,
Так живо отражаются в стихах
Мелодиею тихой или звонкой...

Энергией духовной Ваших строф
Пронзаете сознание людское,
Освобождая души от оков
И очищая бытие мирское.

Уходим в Вечность, не спеша,
Из жизни – сонмища сомнений;
И мечется в тисках душа,
То посещая свет, то – тени.

Всё глуше, глуше сердца звук,
Хотя учащено биение...
А бытия бессмертный круг
Мольбой насыщен о прощении.

И раздаются голоса
Уже ненужных откровений...
И превращений чудеса
Высвечивают суть явлений.

Вечный зов

Памяти Идриса Базоркина

Всех судеб лихолетие презрев,
Ты написал великий свой «Запев».
То – не пролог к роману – вечный зов,
Ведущий к свету нас из тьмы веков;

В нём мудрость назидательно звучит:
«Кто слушает, с тем время говорит...»,
Ты истину в том времени нашёл
И сущность человечью превзошёл.

Над нами ныне в небесах паришь.
Мы слушаем, ты с нами говоришь;
Духовная не оборвётся нить,
Ты в нас живёшь, нам помогая жить.

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердын-ский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России.

Живёт в Перми.

Парень с Урала

Седой Сизиф наверх камень катил,
Он знал, что делать этого не нужно.
Но философский камень этим жил,
И потому Сизиф пыхтел натужно.

О, Камень-Алатырь – Седой Урал!
О, камень исполнения желаний!
О, сколько ж он людишек перемял,
Пока не впал в сизифовские длани.

Летит с Урала Камень-Алатырь –
Ревёт над городами атмосфера!
Вся ваша подлость перед этим – пыль,
Неважная для хода нашей эры!

Он мнёт, и жжёт, и рвёт меридиан,
Горит рубец, огнём сочась, планеты!
Но философский камень людям дан,
И камень сам никак не канет в Лету!

Но твёрже камня твёрдая рука
Рабочего, Крестьянина, Солдата.
В России, чтоб вам знать наверняка (!),
Работают во время камнепада!

Мой сын! На камень руку положи!
Давай-ка не потворствуй, а участвуй.
Каким бы ни был выверт у судьбы,
А камни с неба только нам подвластны!

Сидит Сизиф и камень сторожит,
И философски всё воспринимает.
Здесь камень философии зарыт,
И это уважение внушает.

ПОЭЗИЯ

Евгений РАЧИН

Евгений Иванович Рачин – родился в 1945 г. в Москве. В 1963 г. окончил Московский автомеханический техникум по специальности автотракторное электрооборудование. Работал на Электрозаводе им. В.В. Куйбышева слесарем-сборщиком, электромонтёром на стройке, техником в НИИ автоприборов. С 1964 по 1967 гг. служил в Советской армии – в знаменитой Таманской дивизии – механиком-водителем средних танков. В 1973 г. окончил философский факультет МГУ им М.В. Ломоносова и с этого времени преподавал философию в различных ВУЗах Москвы, стал доктором философских наук, профессором. Профессия философа наложила отпечаток и на стихи, которые Евгений Рачин стал активно писать уже после пятидесяти лет. Стихи наполнены поисками духовной гармонии, откровением великих истин бытия: Любви, Красоты мира, Добра в жизни людей. На стихи Евгения Рачина записано четыре музыкальных альбома, пятый альбом находится в производстве. С творчеством поэта можно познакомиться на сайте www.rachibard.ru Живёт в Москве.

«Выйду в поле я ноченькой звёздной...»

Звёздная ночь

Выйду в поле я ноченькой звёздной.
Наверху кружевной хоровод,
И сияют алмазные россыпи,
Белым жемчугом вышитый свод.

В близкой роще берёзки зашепчутся,
Чуть волнуясь и будто маня,
И в тревоге душе померещится:
Голос ангельский кличет меня.

Ветерок нежно-лёгкой прохладой
Вдруг повеет в лицо с высоты,
В душу чувства нахлынут отрадные,
Полусбывшиеся мечты.

Сердце милым восторгом наполнится,
И полъётся с небес благодать,
Запоёт душа радостной звонницей,
Перестав умолять и страдать.

И захочется светлой Надеждою
Освятить свою бrenную жизнь,
Юность давнюю и безмятежную
Вновь вернуть и Любовь воскресить.

И страдания сердца забудутся,
И желания вновь оживут:
Во что верилось, это и сбудется,
И мечты свою жизнь обретут.

Выйду в поле я ноченькой звёздной,
В небесах кружевной хоровод,
И сияют алмазные россыпи,
Белым жемчугом вышитый свод.

Откровение

Природа нас соединила
Незримой нитью навсегда:
Твой образ ласковый и милый
Несу я в сердце сквозь года.

Небесный взгляд, зовущий в тайну –
И сердце замерло в груди.
Господь, наверно, не случайно
Меня той встречей наградил.

И я поверил в Божью милость
И восхитительный твой взгляд.
Мне тайна глаз твоих открылась:
Они Мечту боготворят.

С тех пор любовь мне душу греет,
Зовёт в космическую высь.
Она все беды одолеет,
Наполнит радостью всю жизнь.

Я говорю с тобою часто
И песни нежные пою.
Услышу, может быть, когда-то
Из уст твоих: «И я люблю...»

И нету в мире выше силы,
Что Богом вложена в сердца,
Что нас с тобой соединила
И не разлучит до конца.

Свет души

Какой ты излучаешь свет своей душою?
Тот, что безжалостно сжигает всё вокруг?
Иль греющий сердца возвышенной любовью
И исцеляющий добром чужой недуг?

Мы душу для себя никак не выбираем.
Она живёт в нас словно гость в чужой стране.
Наш разум иногда её совсем не понимает:
Зачем она подчас вредит самой себе?

Но в трудные минуты горьких испытаний
Душа способна возродиться для Любви.
В ней появляется живой фонтан мечтаний:
Он серость будней превращает в радостные дни.

Родник искрящегося света в ней живёт,
Переливаясь дивной радугой цветною.
Душа воспрянет и с надеждой запоёт,
Чтоб люди чудно воспарили над землёю.

Душа судьбой тебе дана от Бога,
Чтоб ею ты надеялся, и верил, и любил
И даже у последнего прощального порога
Добром и радостью оставшимся светил.

Рябина

Рябиновые гроздья с веток
На нас встревоженно глядят.
Они нахохлились под ветром,
О чём-то тихо говорят.

Осиротелые деревья
Повсюду сбросили листву,
Одна рябина ошалело
Встречает гроздьями зиму.

Чем ближе холода, тем слаще
Её чуть терпкие плоды –
Наверно, где-то есть заказчик
На её божии труды.

Душа волнуется и плачет
Как будто бы в последний раз:
Рябиновые гроздья значат,
Что жизнь кончается у нас.

Несправедливая природа
Одним даёт плоды весной,
Другим чрез многие невзгоды
Лишь в утешение зимой.

Сними рябиновые гроздья –
Получишь чудное вино.
В нём есть знаменье силы грозной,
Оно от божества дано.

Твоя душа, как и рябина,
Родить ведь может и зимой.
И не кляни весь свет уныло –
Ведь ты пока ещё живой.

Живи и радуйся восходу.
На склоне дней и ты поймёшь:
Несправедливой нет природы,
Покуда любишь, не умрёшь.

Танец живота

Посвящается Кате Нагаевой

Она влетела, словно вихрь,
Искрящийся чудесным светом,
Смешав восточный колорит
И европейские сонеты;

Многозначительной загадкой,
Животворящею Мечтой
Манила взоры негой сладкой
И бесподобной красотой.

В её движеньях – сила страсти
И дерзкий вызов временам.
Дух старости над ней не властен,
Уподобившейся богам.

Играющая радость плоти
В движеньях бёдер и груди.
В пленительном водовороте
Чуть слышен зов: «Я жду... Приди...».

Во всех изгибах живота
Ликует женская природа.
В ней нет смущенья и стыда,
В ней – ощущение свободы.

О, демонстрация Любви,
Смятенье чувств и их единство!
К себе Мечтою позови
И тайной силой Материнства.

Чудесный символ Бога

Невидимая нить связала наши судьбы,
Её не заменить, не спутать, не порвать.
В ней с прошлым связь и та, что только ещё будет
Надеждой на любовь, на божью благодать.

И сердцу не прикажешь: «Позабудь мечтанья!»
Оно в порыве нежном тянется к тебе,
К тебе одной родной, по имени Светлана,
Спасающей меня в печали и беде.

Смотрю в твои глаза и вижу в них Богиню,
Рождающую свет и жизнь моей души,
Хранящую от зла, богиню Берегиню,
Дающую завет: «Люби и не греш!»

Ты мой, навеки мой, чудесный символ Бога,
За что и не пойму дарованный Судьбой:
Любовь и Красота, Надежда и Тревога,
Заветная Мечта, зовущая с собой.

Куда бы ни пошёл я, страждущий паломник,
И что бы ни искал – Добро иль Правоту,
Вернусь к тебе как сын к родимому порогу
И припаду к ногам, прощение найду.

Стремлюсь к тебе одной как пламенный мессия,
Навеки одержим твоею Красотой.
Ты дорога мне так же, как и моя Россия,
Мне суждено прожить с одною лишь тобой.

Года пройдут – уйдём из этой жизни тленной,
Но Дух оставим свой потомкам на земле.
Любовь моя к тебе воскреснет сокровенно:
Другой её слова споёт – и вновь тебе.

И снова полюблю я солнечные дали,
Душою обниму родную синь небес.
Любовь не умирает, что бы ни сказали –
Живёт в ней светлый Бог, как чудо из чудес.

Небесная Натали (песня)

I

Удивительным напевом
Голос слышится вдали
И прекрасной, и волшебной,
Бесподобной Натали!

Голубою акварелью
Взор таинственно манит,
Словно сказочной царевной
Над землёй она парит.

Припев:

Моя радость, красотой
Освети мне путь земной,
В поднебесное раздолье
Унеси меня с собой.

И в тревогах, и в сомненьях
На любом конце Земли
Всем
укажет путь к спасенью
След
небесной Натали!

II

В нежно-солнечной лазури
На предельной высоте,
Позабыв земные бури,
Полетим к своей Мечте.

Разноцветьем ярких красок
Удивит нас мир земной,
Волшебством заветных сказок
Сон навеет золотой.

Припев:

III

Разноцветьем ярких красок
Удивит нас мир земной,
Волшебством заветных сказок
Сон навеет золотой.

И в тревогах, и в сомненьях
 На любом конце Земли
 Всем
 укажет путь к спасенью
 След
 небесной Натали!

Сотвори!
 (песня)

1

Сотвори на земле Красоту.
 Сделай так, чтоб она победила.
 Покори для себя высоту,
 Одолей её доброю силой.

2

Устремись, устремись за прекрасной Мечтой,
 Растворяясь в заоблачных даях.
 Нарушая привычный покой,
 Распишись на старинных скрижалях!

3

Будь силён, словно яростный лев,
 Мудрым стань, будто в сказке змея.
 Страх опасности смело презрев,
 Приструни озорного коня!

4

Засверкай, засверкай путеводной звездой
 Среди хаоса тёмных традиций.
 Удиви мир своей чистотой
 Как великий духовный патриций!

Припев:

Живи, свети, твори не уставая,
 И верь в Добро, Любовь и Красоту!
 И что б тебе среди невзгод ни угрожало –
 Не предавай, не забывай свою Мечту!
 Не предавай, не забывай свою Мечту!

5

Как мальчишка вдруг спрыгни с трамплина:
 Ощути триумфальный полё-ё-ё-т !
 И в речной оголтелой стремнине
 Проведи среди скал хрупкий плот.

6

Хоть однажды, однажды в искусстве дерзни,
 Нарушая отсталые формы,
 И зажги золотые огни
 В душах юных и непокорных!

7

Во всеобщих кумиров не верь,
 Сам дойди до глубинных истоков.
 Не страдай, не страдай от никчёмных потерь!
 Не плати в этой жизни оброков!

8

Не склоняй ни пред кем головы,
 Если твёрдо за правду стоишь.
 И не бойся обидной молвы –
 Ты её всё равно победишь!

Припев:

Песня ветеранов

1

Проходит всё неспешной чередою:
 Недели, месяцы, года – вся жизнь.
 И остаётся только холмик над тобою
 И тьма забвения, куда ни оглянись.

Тогда зачем стремимся мы к богатству,
 В тщеславной суете гордимся чепухой,
 Постов ненужных достигаем понапрасну,
 Становимся бессмысленной толпой?

Припев:

Но ты верь всё равно,
Как бы ни было трудно,
В тот далёкий прекрасный предел бытия,
Где в туманной дали
Вдруг засветится чудно
И любовь, и надежда, и радость твоя.

Веруй в утренние
Серебристые росы,
В то тепло, что несёт с собой солнечный свет,
В очищенье души,
Что несут с собой слёзы,
И в счастливую мудрость на старости лет.

2

Оправдано твоё житьё на свете
Хотя бы тем, что ты творил добро,
Что слабым защищал, талант приветил,
Что жил со всем народом заодно.

А если ошибался, то невольно,
Но верил в справедливость и любовь,
Дружил с людьми, боролся с произволом,
Уроки брал у Бога самого.

Припев:

3

Нет, не проходит жизнь, не исчезает
Бесплотной дымкой в непроглядной мгле.
Она всё время нам напоминает,
Что люди – это боги на земле.

И рождены они для вдохновенья,
Для дел красивых и свободного труда.
Их жизнь как светлый праздник воскресенья
Горит огнём бессмертия всегда.

Припев:

Студенческая песня

I

Если ты молодой
И тебе тяжело:
Денег нету нисколько в кармане
И весенней порой
На душе не светло –
Радость в призрачном скрылась тумане,

Ты не плачь, не тужи,
А засмейся назло
Всем преградам, которые встретишь,
И себе докажи,
Как тебе повезло,
Что в немилость судьбы ты не веришь.

1-й припев:

Грызи гранит науки,
Но зубы не сломай!
Беги от хмурой скуки,
Но в жизни не зевай!
В уныло-серых буднях
Ищи свой яркий цвет,
И даже если трудно,
В удачу верь, студент!
И даже если трудно,
В удачу верь, студент!

II

Будь отважен и смел
В битве новых идей,
Сокрушай бастионы в науке.
Как когда-то умел
Легендарный Орфей,
Зажигай вдохновенные звуки.
Терпеливо ищи
Тайный смысл бытия
В нераскрытых загадках природы.
И в порывах души
Своё светлое «Я»
Сохраняй как святую свободу.

2-й припев:

Сегодня ты не бедный,
А сказочно богат
Душою своей светлой
И верой в свой талант.
И для тебя настанут
Иные времена:
Заслуженно от жизни
Получишь всё сполна!
Заслуженно от жизни
Получишь всё сполна!

Не грусти...

(песня)

I

Если тебе взгрустнётся немного,
Если тебя настигнет печаль,
Ты собирайся скорее в дорогу,
В тихо манящую светлую даль

За чудесами в таинственной роще
И за журчаньем лесного ручья,
За водопадом, что в дымке рокошет,
И яркой радугой после дождя.

Припев:

Не грусти, мой друг, не грусти.
Вот увидишь, пройдет всё пустое.
Ещё встретишь ты на пути
И удачу, и сердце родное!
Ещё встретишь ты на пути
И удачу, и сердце родное!

II

В утренней свежести синего моря
Ветер полощет флаг корабля.
Он позовёт тебя к новым просторам,
Где волшебство ожидает тебя.

Дальние страны, чудесные страны
С их удивительной красотой
Сердце опять возродят для желаний
И увлекут тебя сладкой мечтой.

Припев:

III

Там, где торжественно светятся звёзды
И открываются Божьи врата,
Дух оживёт, снова будет воссоздана
Его смиренная чистота.

Спустишься с неба в земные тревоги,
Вместе с Надеждой пойдёшь по земле,
Чтобы найти после долгой дороги
Душу, что будет рада тебе.

Припев:

IV

Вместе с друзьями воспой эту землю,
Где ты живёшь всего крохотный миг,
И обрети в себе радость прощенья,
Счастье и горе дели на двоих.

Мир засверкает ярко и нежно,
Ветер развеет грусть и печаль
И позовёт тебя новой Надеждой
Тихо манящая светлая даль.

Припев:

Воскресшая

В тот день я пришла в садик за трёхлетней дочкой рановато, группа ещё ужинала, предстояло подождать минут двадцать. Одна мамочка оказалась здесь ещё раньше меня, это была немолодая женщина, как потом выяснилось – за сорок лет, и мне показалось странным, что у неё ребёнок ходит ещё только в детский садик; в таком возрасте пора уже и бабушкой становиться... Об этом же говорили её седые-седые волосы, заметно уже подросшие после покраски и хорошо видимые в проборе белой полосой... Она мне-то годилась в матери. Мне тогда был всего двадцать один год.

В ожидании, пока дети покушают, женщина задумчиво сидела на бортике песочницы, и, поздоровавшись, я подседа к ней. Как это водится, слово за слово – мы разговорились. Её звали Оля.

Дело было двадцать два года назад, поэтому детали и подробности уже стёрлись в памяти, да и не в них дело. Я помню хорошо – главное, потому что забыть такое невозможно. Конечно, было бы интересно узнать, что с этими людьми стало к сегодняшнему дню. Но след их для меня затерялся и, видимо, навсегда.

Прежде они жили в Прибалтике, муж её был военным, рос у них сын; после школы он мечтал пойти по стопам отца и тоже стать военным, пошёл в десантники служить. Но в начале девяностых, когда Прибалтика закипела вулканической ненавистью к «советским оккупантам», к русским, сын погиб. Можно представить без труда, какая это была трагедия для родителей – потерять единственного и уже взрослого сына...

Решили уехать на жительство в город Пермь, на Урал, к Олиной маме. Здесь Валерий устроился на завод имени Ленина. Но в ельцинской России в ту пору уже вовсю шли «подводные землетрясения», и на страну накатило цунами развала, везде начался гигантский бардак, разгулялся бандитизм и широкой лавиной шёл распад... На заводе в те дни случилась авария, отлетела какая-то

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавда Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в Перми.

болванка, муж Оли получил смертельную травму головы и прямо в цехе скончался...

Женщина была буквально убита и раздавлена горем! После похорон супруга она слегла в депрессии. Не было ей больше места на земле: сын погиб, муж погиб, всё рухнуло, жить дальше не хотелось. Зачем было жить?! Ноги не носили, не держали. Мать, видя, что дочь который день подряд лежит неподвижно на кровати и безучастно смотрит в потолок, металась в беспомощности по квартире, не зная, что предпринять.

И вдруг, рассказывала Оля, её начало тошнить, вырвало. Мать перепугалась, в ужасе вызвала «скорую». Увезли в больницу...

В этом месте своего рассказа Оля смущённо улыбнулась, потупив глаза: «...Я решила, что всё. Возраст... А оказалось, что я беременна. Интоксикация. Во мне аж затрепетало всё от счастья: это же ниточка, ещё не оборвавшаяся между мужем, сыном и мной. Вы не поверите – это стало чудом! Вот с той минуты, как узнала об этом, я и стала воскресать. Беременность подняла меня на ноги, я пришла в себя; мысль, что ребёнка надо выносить и сохранить, – подстёгивала меня. Я ожила! Вот Валерке моему три годика уже теперь. В память о муже так назвала».

Тут дверь детского садика распахнулась, и группа шумных детишек высыпала на прогулочную площадку. Один мальчик радостно закричал: «Мама! Мама!» – и сразу бросился в объятия просиявшей и счастливо засветившейся Оли. А за ним и моя Санька прибежала. Удивлённо остановилась передо мной и спрашивает: «Мамочка, ты почему плачешь?» А у меня по щекам слёзы катятся...

Второй выстрел

Среди детей старшим в семье был Иван, с 1930 года. После него народилось ещё пять девчонок, а младшенькая, Зоя, появилась на свет в 1941 году, перед самой войной.

Отец их ушёл на фронт и где-то в боях сложил свою честную головушку, погиб. Много полегло в то время народа на полях сражений с нечистой немецкой. Это крепко подорвало тогда деревню-кормилицу. Но мать, несмотря на военную голодуху, сумела поднять детей и поставить всех на ноги. С ранних лет помогал в этом и старшенький Ваня.

Прошли годы, Ивану стукнуло уже двадцать восемь, но он ещё не был женат. Работал в городе Челябинске на заводе. Приехал в отпуск к матери в село погостить, отдохнуть. Парень статный, красавец, весь положительный, по селу идёт – народ любит Иваном. «Эх, какой сынок у Емельяновны, любо-дорого посмотреть! Вот отец-то бы увидел, так порадовался!» А матери-то как лестно всё это слышать – такой завидный жених её сын!

В местном детском доме работала воспитателем девушка Нина. Иван познакомился с нею и (видимо, тут его время пришло) – до беспометства влюбился. Не может и минутки без Нины прожить... Девчушка симпатичная, приятная, весёлая и светлая. На семь лет моложе его. Самая пора замуж. Но ростом Нина оказалась маловатенькая, рядом с нею Иван великаном смотрелся. Да разве любовь примеряется к росту, когда она любовь, да тем более – взаимная. Нине-то льстило, что такой богатырь в неё влюбился. И сама она с ним растаяла.

А матери Ивана это оказалось ножом по сердцу: какой-то нетопырёныш и такую власть над Ваней ухватила, что хоть верёвки вей из него. А для матери он что теперь? Как чужой?

Надо сказать, что Иван дородностью своей и статью выдался в мать, но характера оказался мягкого. А мать была женщина самолюбивая, властная, жёсткая и характера очень деспотичного. Бывают такие.

У Ивана отпуск кончается, скоро ехать надо. Он завёл разговор о женитьбе, а мать – против: нет и всё, не по нём невеста! Такой парень! И эта пигалица, этот натоptyш – смотреть не на что. Лучше, что ли, нет? Ни в какую. Чтоб мой сын-красавец да на такой бородавке женился?! Не бывать этому! Не бы-вать!

Плюнуть бы Ванечке на такое решение матери, ему ведь коротать век с женой. Ему с ней в постели спать, нежиться, детушек желанных плодить. Забрать бы Нину да уехать с нею. Нет, не посмел он послушаться матери, так был воспитан. И определил материнский эгоизм судьбу её любимого сыночка...

В последний вечер проводил Иван свою ненаглядную Нинушку-Нинулечку, попрощался с нею. Завтра уезжать. Пришёл домой, чует сердцем – это судьба, без Нины ему не жить. И с нею, выходит, не жить. Тут бросилось ему в глаза отцовское ружьё на стенке. Как самая дорогая память о погибшем на фронте отце осталось в семье это ружьё. Взял Иван его в руки, подержал, задумчиво покрутил.

И всплыла, как подсказка, горькая память, которую хранило это ружьё, пробудило оно тяжёлое воспоминание: восьмилетним мальчиком Иван застрелил из него свою семилетнюю сестрёнку Марусю. Навёл на неё ствол, и в шутку сказал: «Застрелю!» Хотел просто щёлкнуть курком. А ружьё оказалось с патроном. Грянул выстрел, и разнесло девчущечке грудку... Двадцать лет носит он в душе этот ужас... Двадцать лет его терзает и мучает неповинная детская кровь сестрёнки.

Вот, знать, и подошёл срок искупить ему вину. Иван снял с полки коробку с патронами, стал перебирать: этот с крупной дробью, вот с картечью...

Он выбрал с пулей, вложил в ствол, взвёл курок. Разул левую ногу, лёг на пол, сердце колотилось в груди бешено, а в душе было невыносимо горько и тоскливо, он приставил к голове ствол, пальцем ноги нащупал спусковой крючок, закрыл глаза и нажал...

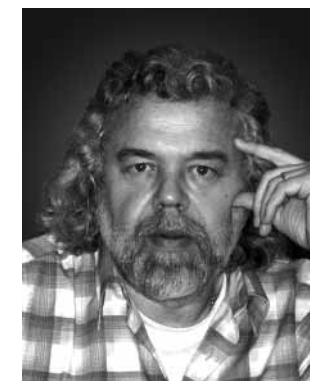

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Игорь Николаевич Тюленев – родился 31 мая 1953 г. в посёлке Новоильинский ныне Нытвенского района Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 г. в Москве. Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1989). Секретарь Правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий. Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других общественных наград.

Живёт в Перми.

«Зол наш мир и жесток...»

Когда мы возвратимся в Крым

Когда мы возвратимся в Крым,
То станет явью сон России.
Отдали Крым – нас не спросили,
Сейчас решать пришлось самим.

От крика: «Русские идут!»
Бандеровцев охрипнет свора.
Бог даст, в Крыму мы будем скоро.
Здесь наши флешы, наш редут!

Весна в Крыму. Огонь и дым,
И Балаклавы бормотанье...
Нас Пушкин вновь обложит данью,
Когда мы возвратимся в Крым

Вновь станем рифмами бряцать.
В снах героических купаться.
Глаголы пчёлами роятся,
Впиваясь строчками в тетрадь.

Я этим летом въеду в Крым
Верхом, как бородатый сотник?
Нет! Въеду, как стихов работник
Вслед за светилом золотым

Когда мы возвратимся в Крым,
Лицо умоем в Русском Море.
Белеет парус на просторе,
Россия, с именем твоим.

Дети Новороссии

День кровит, как щека от пореза,
Укры прут на Луганск и Донецк.
Грохот из чугуна и железа!
В небе слышен летающий треск.

Пролетают над крышей «Апачи»,
Обнажая ракеты-кльки.
Снова дитяtko чьё-то заплачет,
Ибо ангелы смерти близки!

Что ж приделал ты, мистер Сикорский,
К мясорубке военной – винты?
Посмотри, как жлобы по-ковбойски
Русь расстреливают с высоты...

Плачут дети, а как им не плакать,
Если рядом родителей нет...
Новороссия – русская плаха!
Где любой поскользнётся поэт.

Но любовь лишь любовь отражает
И не ставит поэту в вину,
Что тончайшее облако тает,
По которому к Богу бреду...

По-другому войны не бывает,
Даже свет от светила просел,
И луна, как баркас, проплывает
По кровавой от горя росе.

Словно тени мелькнут мародёры,
Обобрав стариков и старух.
Но в двустволке Отчизны патроны
Вышибут из грабителей дух.

Из Донецка на Запад сбежала
Вся мажорная шелупонь.
Им же доллары слаще, чем сало,
И под гвоздь не подходит ладонь.

Я не знаю, кто будет в раю,
Но в аду они будут уж точно,
Потому что Отчизну свою
Предали, убегая по волчьим.

Снова жизнь раскололась от треска –
Кто забыл в небесах бильярд?
Может, это был выдумщик Тесла?
С нами четников-сербов отряд.

Мозг у Киева Штатами выпит,
Оселедец со лба состриги!
Окунуть бы вас по уши в Припять,
Чтобы стронций прочистил мозги.

Лётчик сбит – его словно собаку
По Донбассу солдаты ведут.
И ржавеют трезубцы – зла знаки,
Что позднее под рёбра воткнут...

Все на фронт! На священную битву!
Нет зверя фашиста страшней.
Превращён Киев в церковь свиной –
Их не выбить одной лишь молитвой.

Станет грустно и очень печально,
Так что жмётся к сандалиям кот.
Отражает картину глобально
Чудо детства – ковёр-самолёт.

– Улететь бы... – Подумают дети,
Прямо к русской России скорей...
Может чудо и есть на планете,
Но пока не для русских детей.

На Родине

Кубок полон! Жизнь – малина!
Пусть осталось четверть дня...
Вместо Саскии – Ирина
На коленях у меня.

Наконец с тобою вместе
Станем пить и песни петь!
Божий Сын уже Воскресе,
И Его не тронут впредь.

Ни пилаты, ни иуды,
Ни гнилой Европы дым.
Атеисты-шалопуты
Пусть глотают аспирин.

Мы же выпьем «Саперави»,
 Позабытое вино.
 Нынче мы здесь балом правим
 И в сельпо берём его.

Тучи, как женские боты,
 Мнут на лугах городьбу...
 Слышишь, гудят пароходы,
 Месяц залез на трубу.

Скоро им в дальних затонах,
 Словно солдатам стоять,
 Где во вселенских загонах
 Прячется белая рать...

Нынче ко мне не доедешь
 Ни по воде, ни по льду.
 Слышу над ухом: – Ты бредишь? –
 Слышу, а встать не могу.

Не потому, что не верю
 В тихое счастье своё –
 Стерпит ли эту потерю
 Бедное сердце моё?

Пермские боги

*Голодный огонь христианства
 Пожрал деревянных богов.*

Ю. Кузнецов

Сошлись деревянные боги
 В музее. И встали кружком.
 Пришли они с Камы и Волги,
 Пришли, как пехота пешком.

Рубежная Русь замутила
 Уральским туземцам глаза.
 В ковше солеварниц смочила
 Калёные стрелы – буза.

Всё ждут деревянные боги,
 Что им, как в лесах Перуну,
 Притащат лосиные ноги,
 И кровью измажут губу...

Не зря угро-финские лица
 Подправил крестьянский топор.
 Хотелось к Руси притулиться,
 Крестом раздвигая простор.

Пока деревянные боги
 Дремали, храпя за версту.
 Гвоздём деревянные ноги
 И руки прибили к кресту.

Стоят они в пермском музее
 И впредь никуда не уйдут.
 Ручьями текут ротозеи
 И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
 Пожрал деревянных богов»...
 А мы возвратили гражданство!
 Вернули из праха веков!

Пускай благодарные дети
 В музейный торопятся храм.
 Отводят грядущие беды,
 Припав к деревянным стопам.

Сентябрь.
 Бежит с учебниками ранец,
 По вытопанной долларом земле...
 «В своей стране я словно иностранец» –
 Твои слова, Сергей, открылись мне.

Открылись и Рязани, и Союзу.
 Я что-то сам стараюсь изменить,
 Словно собаку прогоняю музу –
 Пытаюсь русских Родине учить.

Не рыжики солить или волнушки,
 А как реке остаться в берегах!
 Где даже лошадь говорит по-русски,
 Стреноженная в заливных лугах.

Плюнуть, что ли, в Днипро...

И. Бродский

Отделилась Украина.
До свидания, хохлы.
На холме горит калина –
Вам без нас тушить – увы...

Сшили новые жупаны,
Свой язык учить вам лень.
Носят в Украине паны
Оселедец набекрень!

Брату старшему вас жалко,
Что сбежали впопыхах.
И теперь вам спать вповалку
Чёрт те где и чёрт те как...

Можно плюнуть, как Иосиф,
И о Киев растереть...
Но летят за Днепр стрекозы –
Любо-дорого смотреть.

Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой – классиков тома...

Ты гений? – Нет! Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты,
Не зная, что за солнцем – тьма...

Империю сейчас не сладко –
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия – чума!

*Не любил я, признаться,
Большого Курносого Брата...*

В. Ханан

Зол наш мир и жесток
И слепому слезы не прощает.
По лицу бьёт безжалостно
Заморского хрома сапог...

С Благодатию Божьей
Отрезок судьбы заблестает,
Свет берёз и равнин,
Животворный родительский слог.

Кто утёк из России,
Пускай, разве это утрата?
Как улитки ползущие
Из багажей-барышей.

«Не любил я, признаться,
Большого Курносого Брата».
А он спас «Длинный Нос»
От горящих фашистских печей.

Одному поэту К.

Он бросил Родину и убежал в Париж.
На радио «Свобода» там завис,
Чтоб отработать Запада щедроты.
Россию предал, как мальчиш-плохиш.
А в это время русский Кибальчиш
Бить буржуинов набирает роты.

Я там всегда, где русский Кибальчиш.
«Свобода», ты о нас уже молчишь,
Как о Корчагине с Космодемьянской?
Шестой колонны чувствую тиски.
Между «Дождём» и «Эхом из Москвы»
Войдём в Москву тропую партизанской.

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

НИКОЛАЙ ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живет в Ульяновске.

«Мы – сыновья времён и чувств железных...»

Одуванчик

Я помню,
Как я – тот далёкий мальчик,
Каким-то чудом выживший в войну, –
Держу в руке
Поспевший одуванчик
И слушаю живую тишину.

Вокруг меня,
Древнее, чем былина,
Лежит до неба звуками полна
Просторная
Столовая равнина,
Нетронутая плугом целина.

Полынь горчит,
Татарник пахнет мёдом.
Степные травы встали в полный рост.
Следят за грозным
Ястребиным взлётом
Перепела испуганные с гнёзд.

В лицо летит
Полынный терпкий ветер.
Вдали клубится смерчевой поток.
И простодушно
Веруя в приметы,
Держу в руке я сорванный цветок.

Он вырос
Под степным горячим небом.
И, как дымком, окутан был пушком.
Его упругий
Чуть шершавый стебель
Был переполнен горьким молочком.

И сердцем,
Не обманутым ни разу,
Я верил слову каждому тогда,
Что если сдую
Все пушинки разом,
То воплотится в явь моя мечта.

Но я не знал,
Когда пух разлетался,
Ни жизни, ни её добра и зла.
Мой детский мир бесхитростный
Кончался
В те годы за околицей села.

Мой дивный мир:
Землянки, огороды,
За ними даль без края и конца.
Здесь я набрался
На всю жизнь свободы
И запахов пьянящих чабреца.

Я видел всё
В сиянии Победы,
И подвига народа на войне.
Я, как и все,
Не думал и не ведал,
Что лишь полвека жить моей стране.

Вокруг кипела
Праздником работа,
И время густо свадьбами цвело.
Уставшее
От войн и недорода
О близком счастье грезило село.

Добро и зло,
Надежды и сомненья,
Как остро это всё переплелось
В моём таком наивном
Поколеньи...
И мне пора о нём сказать всерьёз.

Мы – сыновья времён
И чувств железных,
Когда войною шёл на брата брат.
С тех пор страна
Колеблется над бездной,
Из душ никак не выгорит разлад.

Хоть правда нам страшна,
Кровь заблуждений духа
Уж скоро век, как гложет совесть нам.
И либеральный бред,
Усталость и разруха
Надолго стали свойственны умам.

И нет замены
Рухнувшим кумирам.
В почёте только золото-серебро.
Нас ждёт война самих с собой
И с миром,
Который ополчился на добро.

И я уже не тот
Наивный мальчик.
Познавший нашей жизни виражи,
Я вновь срываю
Пыльный одуванчик
И вдалёк гляжу с опаханной межи.

Штатается,
Кипит пшеница в поле,
Спешит волнами спелыми ко мне.
И, как осколок
Дивной детской воли,
Кружит над степью ястреб в вышине.

До ясных звёзд
Набито небо громом.
От высоты захватывает дух.
Сдувает
Гулкий рёв ракетодома
С цветка белёсый невесомый пух.

Кто русский есть

1

Славянские ль ручьи сольются в русском море?..
Решит ли Русь свой роковой вопрос?
Иль не найдёт согласия в братском споре
На радость тем, кто кинул украинства кость,
Чтоб из народа сотворить народы,
Раздуть вражду меж ними, чтобы злость,
И даже ненависть, перечеркнула годы
Спасительного братства во Христе
Слепым грехопадением в свободы
Утратой правды и блужданьем в пустоте.

2

Нестойка Украина, как тростник,
Колеблемый то Западом, то нами.
Но я не верю, что в какой-то миг
Враждебными мы станем племенами.

Ведь мы равны в несчастьях своих –
Развал Отечества, и правда воровская.
И вера в то, что из краёв чужих
Нас явится спасти судьба чужая.

Она пришла – и запылал Донбасс.
И ложь, и гнёт равно терзают нас.

3

Мир все прошёл этапы бытия
От рабства и почти до коммунизма.
Все классы общества исчезли. Вижу я
Народ полуживой в поруганной Отчизне.

История России – не погост.
Она, и в этом больше нет сомненья,
О русском единении вопрос.
Он должен быть решён без промедленья,
Вопрос вопросов, русскими людьми
На поле от Одессы до Перми,
От Чопа и до бухты Провиденья.

Кто русский есть и как им быть?
 Про это надо знать и говорить
 Ни немцам, ни татарам, ни евреям,
 А нам самим – и проще, и смелее.

Как русским стать тому, кто по природе русский,
 Но объяснить не может, кто он есть
 Ни самому себе, ни недругу, ни другу?
 Он ведаёт одно: гнетёт его болезнь
 «Тоска по справедливости», и муку
 Считает он за сокровенный смысл
 Стоянья человека перед Богом.
 Познание правды станет тем итогом,
 К которому его стремится жизнь.

Кто русский есть – вопрос души:
 Что для неё всегда всего святее?
 Кто в правде жив и мёртв во лжи,
 Тот русский есть, и нет его русее.

Валентина Фёдоровна Телегина – родилась в г. Уральске (Казахстан). Жила и работала в Сыктывкаре, Воркуте. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников: «Притяжение», «Зелёный август», «Ветреной ночью», «Богородская трава», «Однажды ясным днём», «Шёл Егорка по пригорку» и других. Публиковалась в журналах и альманахах Москвы, Екатеринбург, Вологды, Санкт-Петербурга, Симферополя, Красноярска, Оренбурга. Лауреат литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Живёт в г. Березники.

«Кому дано, с того и спросится...»

Станиславу Золотцеву

Мы все – из пушкинской метели
 На перепутье ста дорог,
 Мы крещены в её купели,
 Как только вышли за порог.

Плывут ли звоны с колоколен,
 Взошла ли рожь, гудит ли шмель, –
 Но всё равно над русской долей
 Метёт метель, метёт метель.

Ни зги не видно в мутном поле!
 Кто там живой?.. Куда свернуть?..
 И лишь молитва Божьей воле
 Спасительный укажет путь.

И пусть в неистовом смятенье
 Нас крутит жизни карусель, –
 Но мы выходим из метели
 И возвращаемся в метель...

Иди домой!

Осталось детство далеко-далёко!
Река, пески, полынный дух и зной...
– Иди домой! – кричала мать с порога,
Глаза от солнца заслонив рукой.

Есть много мест, пристанищ и кочевий,
Где рады нам и с нетерпением ждут.
И всюду слышен голос в час вечерний:
– Иди домой! – все матери зовут.

То не буран свистит, не вьюга стонет,
Не тучи гонит ветер-вековой,
То с древности – исконное, святое:
Россия кличет всех своих детей.

И если в сердце смута и тревога,
И тень беды кружит над головой,
Я слышу голос матери с порога:
– Иди домой!.. Скорей иди домой!..

Голоса

Разгулялись январские ветры,
День и ночь нити вьюжные вьют.
Если правда, что души бессмертны,
Не они ль так печально поют?
Над светящейся русской равниной,
Над пугающей темью лесов –
Как из мира иного, надрывный,
Нескончаемый рой голосов.

То ль гудит и волнуется вече
В ожидании грозных вестей,
То ли малые дети лепечут,
То ли матери кличут детей...
А за тёмной околицей, в поле,
Там, где ветер колюч и свинцов,
Всё мне слышится: «Коленька... Коля!»
Безответное: «Коля Рубцов!..»
Что за смысл в этом белом круженье?
Что за мука и боль в голосах?
В леденящие ночи Крещенья
Это имя горит в небесах.

То горяч, то задумчив и кроток,
Светом русского неба пленён,
Где теперь тот неведомый отрок
Удивительных вольных племён?
Может, там – в высоте запредельной,
На распутьях вселенной глухой?
Может, здесь, в этой пляске метельной,
Между небом и грешной землёй...

Кому дано, с того и спросится...
Грядёт веков разногласица:
Свист ветра и звериный рык,
Земных племён живой язык.
Гул моря, схожий с гулом крови,
И гул Вселенной в каждом слове.
Молчание надгробных плит
Слепыми буквами кричит;
И мошкаррой ночами звёздными
Толкутся звуки в зыбком воздухе...
Вся жизнь – одно большое Слово,
Как эхо зова неземного.
Ты, жаждущий, его услышишь,
Не здесь – так выше, выше, выше!
И муку примешь, как прощенье,
И скорбь перерастёт в прозренье.
И свет, и огонь палящий – по сердцу!
Тебе дано – с тебя и спросится.

Матушка Русь

Пустырями, туманом облитыми,
Мимо ржавых плугов на стерне
Ходит с тихой и кроткой молитвою,
Как в чужой, незнакомой стране.

Видит: в рощах, в глуши берендеевой,
Посреди заповедной красы,
Вдруг – кирпичные чьи-то владения,
За воротами – злобные псы.

Завопили, завыли, заохали:
– Не хватало ещё нам обуз!..
Кто там ходит, маячит за окнами!?
– Это я, ваша матушка Русь...

На порог не пустили, облаяли,
Хохоча, освистали вослед.
Лишь на выгоне, там, за сараями,
Поклонился ей ласково дед.

Да какая-то бабушка вынесла
Молочка от любимой козы;
Да какая-то девочка вытерла
С её щек две горячих слезы.

Вот и всё. Лишь крапивными тропами
Разлилась неизбывная грусть.
Только слышно среди плача и ропота:
– Это я, ваша матушка Русь...

Свадьбы, юбилеи да поминки –
Вот и все мирские торжества.
Ах, какие грустные картинки
Подлинных страстей и шутовства.
Запереться бы в своей каморке,
Мяту луговую заварить,
Радоваться чёрной хлебной корке,
Ни на чьё застолье не спешить.
Мочи нет смотреть на фарисейство!
Но, доколе сам Господь глядит,
От людского горя и злодейства
Отвернуться – совесть не велит.

Не презирайте прозу, рифмачи,
За то, что ей подчас не до полёта.
Когда вы перед строем – трубачи,
Она – тот самый строй, она – пехота.
В пучину жизни брошенная рать,
Которой, в никому не видных битвах,
Окопы рыть и насмерть в них стоять,
И кровь смывать, и хоронить убитых...

Свете мой тихий

В. Бахревскому

Русские избы в вечерних полях,
Вас узнаю по светящимся окнам:
Россыпь огней на уральских холмах,
Свет фонаря в хуторке одиноком...

Свет сокровенный живёт на земле,
Льётся он, льётся, а меньше не стало.
Кто говорит, что Россия во мгле?
Мглы над Россией вовек не бывало.

Церковь белеет у дальней версты,
Отблеск зарницы над полем гречихи...
Сколько нетленной в тебе чистоты,
Свете мой тихий, о свете мой тихий!

Жизнь

Жизнь! А слово-то какое!
В этих звуках нет покоя,
Не было и нет.
Всё гремит, звенит и вьётся,
Всё – круги, спирали, кольца,
Всё – кометы, луны, солнца,
Всё – огонь и свет.

Эти роци да поляны,
Да крапивные бурьяны,
Да колёсный след,
Эти птичьи караваны,
Эти рек меридианы
Начертал какой-то странный
Мудрый Архимед.

Сумасбродный математик
Зашвырнул в котёл галактик
Формулу любви,
И она, из тьмы Вселенной,
Из морской явилась пены
Афродитой вдохновенной
С пламенем в крови...

И пред тайной многоликой,
Как перед раскрытой книгой,
Я – дитя Земли,
На каком стою причале?
Жизнь в конце или в начале?
И о чём мне прокричали
Гуси-журавли?

И ещё один день мне Господь подарил,
И лучом огненным край небес отворил.

Как орган, зазвучал нарастающий свет.
И на каждое слово приходит ответ.

Тихий солнечный ветер коснулся лица,
Но я знаю, что это – дыханье Творца.

Пусть все воды Его надо мною прошли,
И все громы небес, и все токи земли;

И давно обратились в песок жемчуга,
Реки жизни сравняли свои берега,

И любовь отгорела, и пепел остыл...
Но ещё один день мне Господь подарил!

И опять совершилось в душе волшебство...
Как принять этот дар и всю радость его?

И ещё один день мне Господь подарил...

Ударьте в колокол!

Ударьте в колокол
над брошенной деревней,
ударьте в колокол
над гибнущим селом!
К нам вопиют усадьбы и деревья,
сожжённые, ушедшие на слом.
Чудовищные вражеские силы,
в овечьей шкуре – хищник, лжец и вор,
разграбили крестьянскую Россию
и норовят – живую! – под топор.

Звоните над поруганным погостом,
над тишиной разрушенных церквей:
там тени предков жалуются звёздам
на дикое беспамятство людей.
Берёзы опустили руки-плети,
река свои забыла берега.
Где ржали кони и плескались дети, –
лишь вязкий ил да ржавая куга.
Вода ушла из речки, из колодца,
и некому зажечь в избе светец,
и не телёнок на лугу пасётся,
а рыщет хищный «золотой телец».

А мы ведь все, корнями, – люди пашен.
Язык увековечил красоту
и высоту уклада жизни нашей:
крестьяне, крест, окрестность, –
гимн кресту!
Ещё – *крестить, кресало, воскресенье...*
Высокий смысл нетрудно разгадать.
Зачем же нам такие потрясения,
что сокрушают жизни благодать?
Неужто всё поглотит безвременье?
Неужто мы не справимся со злом?
Ударьте в колокол
над брошенной деревней!
Ударьте в колокол
над гибнущим селом!

Не сказка, но чудо и тайна:
В какой промыслительный миг,
С каким замираньем дыханья
Дарован нам русский язык.

В нём всякая искра – искряща,
Всех высей видна глубина,
И всякая пропасть – пропаща,
И всякая бездна – без дна.

А если молитва, моленье,
Сердечная к Богу мольба,
То рядом – любовь и смиренье,
И совесть, и суд, и судьба.

О слово! Славянское слово –
Наследие отчей земли!
Твои корневые основы
Сквозь сердце моё проросли.

Молиться нас не научили
Ни в час ночной, ни на заре.
Мы все заветы позабыли,
Как строчки в старом букваре.

Не знали мы духовной школы,
 Не приняли её венца,
 Её азы, её глаголы
 Не проникали нам в сердца.
 Вот потому душа страдает:
 Есть память духа у неё,
 И к небесам она взывает,
 Ища прибежище своё.
 И вот нисходит озаренье,
 И чувствуешь – душа жива!
 И в покаянном очищенье
 Находишь нужные слова.

И открылась взору ширь земная...
 Раздвигая небо и простор,
 Куполами яркими сверкая,
 Встал Крестовоздвиженский собор.
 Марево дрожит у горизонта,
 Всё синее, всё прозрачней высь.
 Колокол ударил – чисто, звонко,
 И кругами звуки разошлись.
 Враз умолкли мелкие пичужки.
 Только издалёка, от реки,
 Долетал щемящий плач кукушки –
 Отзвуком надежды и тоски.
 И душа ещё не прозревала
 Ей судьбой назначенный удел.
 О земном кукушка куковала,
 О небесном колокол гудел.

Белогорье

Москву хранит святой Егорий,
 Врагов копьём своим разит.
 А пермским землям Белогорье –
 Опора, благодать и щит.

На высоте нерукотворной
 Из тьмы забвения воскрес
 Храм всеобъемлющий, просторный,
 И осиянный Царский Крест.

Протяжно, гулко, просветлённо
 В округе колокол поёт...
 К стенам уральского Афона
 Честной стекается народ.

Паломники, а не туристы,
 Мы входим, головы склоня.
 Ведь Белогорье – Божья пристань
 Для всех... Для вас и для меня.

Приди сюда с душой усталой
 Или с повинной головой,
 Чтоб сердце благодать впитало,
 В тиши молитвенной постой...

Русь куда-то по-прежнему мчится!
 Дай-то Бог нам с дороги не сбиться,
 За туманом ни зги не видать.
 Дай-то Бог нам в бреду не забытья,
 Не гневить наши светлые лица,
 Помнить имя своё...
 Исполать!
 Русь моя, золотая жар-птица!
 Прежде чем с белым светом проститься
 И травой из земли прорасти,
 Я приду ещё раз помолиться
 На твои колокольни, божницы,
 На былины и былль-небылицы,
 Монастырскую строгую статью;
 На водицу твою и пшеницу,
 На польнь твою и медуницу,
 На светлицу твою и темницу...
 Здесь родиться
 и здесь помирать!

У карты России

Всё рedeют птичьи стаи,
 Всё скудеет старина,
 Соловьинными устами
 Не поёт теперь она.
 Но у нас в любой сторонке
 Сохранилось испокон
 Столько ласковых, и звонких,
 И таинственных имён.
 Вот стою: Москва – ошуюю,
 Одесную – вся Сибирь.
 Что у Бога попрошу я?
 Убережь всю эту ширь.

Слышу звоны, ближе, громче:
Погоняй, ямщик, не спи!..
То – валдайский колокольчик
Во саратовской степи.
А ночами, в час печальный,
Озаряя глухомань,
Улетает Гусь-Хрустальный
К тихой речке Лебедянь...

А на муромской дорожке,
Где стояли три сосны,
Манит тёплый свет в окошке,
Песни грустные слышны.
Широта, раздолье, удаль...
Ох, сведут меня с ума
Кострома, Калуга, Суздаль,
Палех, Гжель и Хохлома!

Грады, веси и просёлки,
Мать Божья, воскреси!
Ну, а как прожить без Волги,
Стержневой реки Руси?..
Рано, рано ставить точку
Да к Европам на крючок,
Коль жива ещё Опочка,
Дышит Вышний Волочёк!
Пусть Кольчугино очнётся,
Тула, Муром встанут в рост,
И в Смоленске рать проснётся
И на свой заступит пост.

Вот пришло такое время –
Русь по крохам собирать.
Пусть растёт младое племя
Дедам-прадедам под стать.
Кроме нас никто не скажет:
– Родина – она одна,
Родина – не для продажи,
Не для торга нам дана!
...Смута. Скорби. Испытанья.
Шёпот: «Господи, прости...»
И дано нам послушанье –
Русь, как веру, обрести.

Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Татьяну Грибанову
с юбилеем!

Лицом к воде

Если спуститься чуть ниже деревушки Игино по течению непетливой нашей Кромы, к самым Русальим омуткам, где (каждый соплюган у нас знает) невиданный клёв, а на зорях зачастую ударяет и тяжёлая рыбина, то попадёшь на место большого древнего селища Степь, у которого, как заметили бы краеведы, аж три (!) культурных слоя: IV-VII, VIII-X, XI-XIII вв. Вот где во всём дышит, отовсюду смотрит память веков!

Нижний слой относится к IV-VII вв. нашей эры. Невольно окунаешься мыслями в те, рассветные времена. Подумать только: пятнадцать веков назад здесь уже строили – пусть нехитрые, но всё

Татьяна Ивановна Грибанова – родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырёх поэтических книг «Апрель», «Прощённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль», книги деревенских рассказов «Лесковка» и книги лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Печталась: в журналах «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век» и др.; на сайтах: «Росписатель», «Великороссь», «Камертон», «Русское поле», «Славянские традиции», «Славянская лира» и мн. др. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных конкурсов.
Живёт в Орле.

же жилища, – мои пращурь! Матери, как велось с начала Божьего света, вскармливала детей, радовались их первому слову, первому шагу, расчёсывали кленовыми гребнями их золотистые локоны.

Собравшись вместе, родичи смиренно оплакивали отошедших к их языческим богам стариков. Сеяли на знакомом мне с детства поле хлеб. На заре, под шёпот муравы и речной переплеск, совсем как, бывало, бабушка или мама, оглаживая: «Стой, кормилица, стой, Красавушка!», доили в обнесённых загородью загонах в грубо сработанные кринки коров. Детвора, так же как и мы в детстве, прожигала у костров, когда пекла яблоки-лесковки, мамкой сшитые рубашонки. Девки ввечеру играли свои протяжные песни...

*На грядно-ой неделе русалки сидее-ееели. Гу! Рано-раа-ой!
Сидели русалки на кривой берё-оозе. Гу! Рано-раа-ой!
На кривой берё-озе, на прямой доро-оозе. Гу! Рано-раа-ой!
Просили руса-алки и хлеба, и со-оли. Гу! Рано-раа-ой!
И хлеба и со-оли, щей, горького луу-ку. Гу! Рано-раа-ой!..*

Так же: «Дон! Дили-ли-ли-дон!» – стучали, отбивая косы, за селищем молотки; грохотала, прокатывая по глинистому, набитому просёлку, телега-костотряска, в которой, свесивши ноги в грядки, посиживал какой-нибудь мужичонка-доброхот, понукая лошадку: «Н-но! Ходи шибче, залётная-а!», – пошвыстывал над её ушами хлётским кнутовищем.

Охотились, наверно, так же азартно, как сейчас сосед мой Лёха, на всяческую, пушную и не очень, дичь. Конечно, ловили в речушке меж длинных бород тины на ореховое удилице ленивую сонную плотицу. В той самой Кроме, в дремлющей, тягучей, словно гречишный мёд, заводи, в которой мы до посинения – бр-р! – барахтались ребятишками, кормили комаров, гоняли гревшихся на мелководе головастиков и жуков-плавунцов. На берегах этой речушки и по сей день нет-нет да встретишь притаившегося в красноталах кировского рыбака, научившегося ловить рыбёшку, таскать её ведрами, наверно, раньше, чем говорить.

Кроме наша несёт свои заилённые воды в аukaющую на долгие вёрсты Оку, нежную и голубоокую, которая, может быть, значит даже больше, чем Волга или Дон, для среднерусской глубинной сути; Оку (Уку), впадающую, по верованиям пращуров, в небеса.

Предки наши всегда селились по берегам рек, «лицом к воде», в углублённых в почву на два метра полуземлянках. И здесь, на нашей Кроме, выявлены стоянки первобытных людей. Изрезанные оврагами непроходимые лесные чащобины и мириады непролазных трав, что запросто могли скрыть коня вместе со всадником, мешали развитию наземных путей. Дорогами в те стародавние лета были реки.

Как утверждают историки и краеведы, в далёкие времена (III-IV века) в моей родимой стороне обитали мощинские («праславянские») племена. Домостроительство, обрядность, керамический материал и украшения позволяют отнести их к балтоязычному населению. И название нашей неказистой, застенчивой речушки открывает, вероятно, ту же страничку древней истории. Оказывается, реки с окончанием на «ма» – балтийского происхождения. Значит, можно предположить, что в окрестностях моей деревушки Игино на Кроме в давние-предавние века жили племена балтов – голядь.

Из тех времён, из стародавней мги, изредка, но проступают, встречаются кое-где заплесневелые черепки толстостенной ручной керамики.

Если помнить, что древних руссов весьма произвольно относили то к скандинавам, то к славянам, то легко понять: балты – это русы, наши предки. Они вернулись в Западную Балтию и сгнули в пучине времён. «...В год 859. Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... В год 862. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть...» – вещает нам «Повесть временных лет». Правда, среди учёных бытует и такое мнение: на самом деле балты не покинули прежних мест расселения, а вступили в культурное взаимодействие с пришедшими славянами. Последними же прибыли на наши земли русы и покорили славян, взяли их – где миром, а где и силой. С тех пор славяне стали называться русскими («чьими»).

А вот верхний культурный слой поселения принадлежит периоду Древнерусского государства. Жаль, что место этого древнейшего селища Степь было когда-то распаханно. А теперь (видно, снова наступили для Руси тяжкие години!) и вовсе запущено, лишь татарник, да полынь, да щёлк сухих, лопающихся стручков акаций. Ни скрипа колодезного ворота, ни заполошного кудахтанья, ни «Акулька! Я – на кулигу, за хозяйку остаёшься. За Мотькой да Минькой доглядывай. Молоко – в кринке, краюха – под рушником. Да глядите у меня: сразу-то всё не слопайте, на день растяните!»

Правда, название селища оказалось удивительно живучим! Сейчас совсем недалеко от его места коротает свои дни крохотный посёлочек Степь.

О переселении в VI-VIII веках в наши края славянского племени вятичей в древней жемчужине, «Повести временных лет», ведётся такой сказ: «...радимици же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли, и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимици, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили название вятичи...». Правда, есть и другое мнение о том, откуда произошло название «вятичи». Vetitji связывают с корнем «vet», что в переводе с праславянского обозначает «большой», и такими именами, как «венеты», «вандалы» и «венеды» (Большие люди или Великий народ). Как упоминает о вятичах летописец Нестор, они: «...обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще всё нечисто».

В середине IX века, ведя замкнутую, полуохотничью, полуземледельческую жизнь, предки наши подчинились хазарам, так и не создав собственного государства (несмотря на то, что появились зачатки государственности, укрупнялись города, образовывались племенные объединения).

Вероятно, потому, что вслед за героиней И.А. Бунина и «...я русское летописное, русские сказания так люблю, что до тех пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу...». Помнится со школьной скамьи опять же из «Повести временных лет»: «...в год 859... хазары... брали с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма...» («по щелягу на рало и по велице с дыму»).

Погружаюсь в строки летописи, и грезится мне сквозь пелену времён давнее-давнее прошлое: перегыркиваются на возвышении, может, даже на моём Мишкином бугре, ранним утром конные хазары. Запах очага коснулся их широких ноздрей – топятся печи, пахнет крестьянской стряпнёй в деревушке, разбросанной по обеим сторонам реки. Затаившиеся вороги считают «дымы».

Над заутренней округой текут, как вода, струи молодого солнца. Не ведая напасти, на грани добра и зла, пробуждается селение вятичей.

Мало-помалу из размывчатых теней, линий и движений всё ясней является... вот уже роится народ. Мужики, вскинув на плечи косы, гуртом

спровадились в сизовато-прозрачное марево лугов. Бабы спозаранку хлопают вальками на курящейся Кроне. Перекидываются шуточками, перемальвают извечную «полюбовную» муку.

– Девки, слышали? Стыдоба-а! Аринка-то, Макея Хромого дочка, с Феклушиным Стёпкой стакалась? Уж как парня осетила огнеглазая! – распускает язык – хоть тресни, чёрт её не перековеркает, рябая нравная Палашка.

– Не скаль зубы-то, не мели пустого, Пелагея! – кинув суровый взгляд, осекает её Маланья, – не оттель ветер дует! Вчера корову у росстаней ввечеру пасла, дак слышу: вроде кто в березняке пересмеивается. Догляделася: Аринка с Миколой, с Феклушиным старшеньким обклись, папороть мнут. Парень девку с рук ягодкой кормит... А брательнику Стёпке, чтоб на зазную его не паялился, не тарачился, он ещё в прошлом годе надавал тумачков. Отбузовал, поговаривают, всласть. Чего уж теперя попусту языком-то трепать? Хлоп! Хлоп! – пральником. Шлёп! Плюх! – по камушкам.

По правде сказать, вятичи особо не сокрушались: дань хазарская была им не в большую тягость, благо кругом леса, и уж кого-кого, а белок водилось несчётно. «Откупались кунами», вероятно, отсюда возникло и слово «выкупить». Да и жестокостью хазары великой (по сравнению с иными кочевниками, «бичом Божьим» для Руси: гуннами, печенегами, половцами) не отличались.

Когда осенние, с ядрёными утренниками, воздуха пропитываются берёзовыми, сосновыми смолами и свежеколотые светящиеся колодцы полениц подваливают под бока отцовских сеней, когда озимыми яблоками дышит забитый сеном чердак, когда в полях полыхают стога соломы, а ветер по сухобилью разносит их лоскуты и клочья пожарища на игинские холмы и пригорки, мне снится один и тот же беспокойный сон, уносящий меня в задымлённое прошлое.

Будто кочевники-завоеватели – первейшее для русичей зло и напасть – мчат на своих лихих конях по моей земле, предавая огню всё, что встретится им на пути. Уводят в полон из разорённых русских городищ по нашему Репейному просёлку, устремившемуся на юг, полонянок, убивают нещадно, на месте, гордых мужчин, никогда бы не смирившихся с пленом. А вослед им ревмя ревит обезлюдевшая, разбуженная злодейским набегом, тишина.

Сны мои – может, память крови?.. Не витаю с ними между небом и землёю в облаках, а приближают они меня к канувшим в былое, напрочь проржавевшим векам. И солью набухают мои ресницы... И длится, длится крошечный рассвет.

Кто только не зарился на земли наши!? И ведь не ради того, чтобы осесть, с потом добывать на полях-лядинах свой хлеб. Куда там! Одно желание у дикой кочевой степи – налететь, награть, разорить, обложить данью, мол, повернём Русь по-своему, будет наша! Ещё бы! Ведь по землям, населённым вятичами, проходил ко всему прочему путь из варягов в арабы (одно из разветвлений Великого шёлкового пути). Это хлебное место, в прямом и переносном смысле, было лакомой добычей, желанной для многих.

Судя по найденнымкладам, археологи заверяют, что племя вятичей, прямо скажем, не бедствовало. А в арабских источниках даже утверждается, что вятичские купцы считались в Древнем мире самыми богатыми из славян.

В нескольких верстах от игинского поля – деревни Гончаровка и Волчьих ямы. На их месте в те, скрытые веками времена, судя по находкам, было

небольшое хазарское становище. Но если с этим кочевым племенем ещё как-то можно было сжиться, на худой конец, от его набегов откупиться, то с печенегами сладу вовсе не было. Ведь они не умели жить в мире даже друг с другом, а уж для того, чтобы сговориться пограбить Русь, их и приглашать не нужно, хлебом не корми. Сколько вреда и убытков причинили они нашим землям – и не счесть!

Обычаи и кулинарные предпочтения этого степного народа были странны и удивительны для вятича. Питались, к примеру, они почти сырым мясом. А кобылье молоко было их любимым напитком. Не брезгали и тёплой кровью убитого животного. Подвернётся случай – пожирали и мясо нечистого зверя (такowymi считались волки и лисицы). А в качестве лакомства – на взгляд нашего пращура, ещё гаже! – мясо хомячков, сусликов и других землеройных обитателей степи.

В 972 году, «приидоша печенеги на Русскую землю», коварно убили князя Святослава Игоревича, а из его черепа сделали (по скифскому обычаю) чашу. Речь идёт о том самом князе, Святославе Великом, родной плоти и крови первого киевского князя Игоря Старого и Ольги Мудрой (как называется их Начальная летопись), который незадолго до своей гибели, в 966 году, «вятичи победи, и дань на них възложи», и они, деваться некуда, прекратив платить дань Хазарскому каганату, вошли в состав Древнерусского государства. (Двумя годами ранее вятичи вступили в войско Святослава и помогли ему справиться с хазарами). Следует заметить, что пращуры наши и не мыслили подчиняться Святославу, да и Владимиру Красно Солнышко тоже (хоть и утверждает летописец, что в 981 году Князь Владимир «...возложи на ня дань от плуга, якоже и отець его имане...»). В письменном наследии Владимира Мономаха упомянуты предводители вятичей – Ходота с сыном: «...А в вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ первую зиму...».

Давно исчезли кочевые племена. И кровь их в какой-то доле смешалась с кровью русского народа. Шла миграция племён. Соединялись воедино наследники балтов, остатки хазар и «пришедшие из шляхты вятичи».

В роду моём все светло-русы. А бабушка Наталья, отцова мать, из тех краёв, где когда-то обосновалось небольшое хазарское становище. И удивительно – коса у неё была чёрная как смоль! Откуда?.. Может, капелька древней кочевой крови окрасила волосы русской (во стольких поколениях!) бабы в «жуковой» цвет? Может, бесстрашный пращур мой умыкнул из хазарского становища под покровом ночи приглянувшуюся степнячку? Всё может быть... «Повесть временных лет» свидетельствует, что такое у вятичей водилось – красть для себя жён в иных племенах: «умыкаху жёны себе, с нею же кто съвещашеся, имяху же по две и по три жены».

Калики переходящие – странствующие певцы, проходя Русь от края и до края, разносили сказания о том, как хороши красные девки половецкие. Прежде-то что было? Если русские брали в жёны степнячек, то и степняки уводили русских жён не только на продажу, но и оставляли для себя. Нередко среди кочевников можно было видеть рослых, как на подбор, светловолосых и голубоглазых мужчин – потомков русских невольниц.

Доказательством того, что среди вятичей, добровольно участвовавших в походе «Вещего» Олега на Царьград в 907 году, были и мои храбрые предки, являются строки из «Повести о взятии Олегом Царьграда»: «...Идее Олег на

грекы, ...поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и древляны, родимичи и поляны, и северо, и вятичи, си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь...».

Населяя одну из отдалённых местностей Древнерусского государства, они жили достаточно обособленно, сохраняли языческую веру, свои древние обычаи, и вплоть до конца XII века, в отличие от полян и северян, кипела их непокорная кровь – воинственно сопротивлялись они крещению, неоднократно восставали и отказывали в выплате дани Киевским князьям. Об одном из таких восстаний, против Владимира, о подавлении князем мятежа и возобновлении выплаты дани Начальная летопись сообщает: «...заратишася вятичи, и идее на ня Володимерь и победие второе...»

В то время, когда вокруг торжествовало победу Христианство, земли, принадлежавшие свободолюбивым вятичам, были своеобразным заповедником, в котором роды с завидным упорством продолжали держаться старой веры своих праотцев, где всё ещё теплились угли погребальных костров седой языческой старины.

Спустя триста лет после крещения Руси князем Владимиром вятичи ещё держали характер – оставались верными своим обычаям. Патерик Киево-Печерского монастыря сохранил рассказ о печальной судьбе монаха этого монастыря блаженного Кукши и его ученика-сподвижника, прибывших на Окские берега, чтобы «донести слово Божие» язычникам-вятичам: «его же вси сведают, како бесы прогна и вятичи крести и дождь с небес съведе и озеро исъсуши и много чудеса сътворив и по многих муках усечен бысть с учеником своим» двадцать седьмого августа 1113 года.

И сейчас ещё нет-нет да втайне помолются потомки тех вятичей деревьям, повязывая на них ленты, чтоб исполнились заветные желания, чтоб излечиться или предостеречься от хворей.

Кому не известна былина «Об Илье Муромце и Соловье-разбойнике»! Но не все знают, что один из своих подвигов богатырь совершил в землях вятичей, правда, князь Владимир на слово-то ему о том не поверил, мол, «завирается детина», похваляется. А было всё так. Ехал как-то молодец на коне из Муром в стольный Киев-град. Торопился, потому и махнул от развилка на прямки. А проходила та «прямая дорога ко граду Киеву на леса на Брынские». Мало того –

*...Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела да замуравела...*

«Заколодела» ж прямая дороженька не оттого, что ведьмы-колдуны на её рощах ворожили, а по одной простой причине: пролежала она по землям вятичей, проезд по которым в IX – XII веках слыл самым настоящим подвигом.

И Владимир Мономах в своём «Поучении» (конец XI века) повествует о походе через земли вятичей как о подвиге, при этом и намёка не делает на их покорение или обложение данью.

Видимо, так же, как ранее, в 860–870-х годах, киевские князья медлили с принятием уже известного у русов христианства, понимая, что при тогдашних богословско-юридических воззрениях Византии принятие крещения означало переход новообращённого народа в вассальную зависимость от неё, так и пращуров мои, свободолюбивые вятичи, переполненные жаждой жизни, опасаясь любой зависимости, защищали свою религию (а заодно и – волю,

свободу) с оружием в руках. Ведь народ, который не готов умереть за свою свободу, утрачивает её. Природное стремление человека к свободе неистребимо.

Но чему быть, как говорится, того не миновать...

Ой, льняная Русь

С Игинского поля хорошо видны окрестные холмы и пригорки. Где-то здесь, на одном из них (попробуй теперь сыщи под спудом стольких веков!), должно было находиться языческое капище – место, куда приходили древние мои родичи совершать свои ритуалы, обряды и моления. Они-то и легли потом, как золотые драгоценные нити, в основу нашей русской народной культуры и, пережив века, сохранились в глубинных пластах фольклора и самым благим образом повлияли на развитие нашего народного мышления.

Скорее всего, в седые времена было такое капище и на горе Поповке, где недавно на месте исчезнувшей в 1926 году поставлена новая церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. Обычно именно такая возвышенность служила местом для языческих капищ, позднее – для церквей и монастырей. Над горой этой всё кажется всегда: рассвет занимается.

Площадка капища могла быть вымощена камнем с берегов Кромы или ручья Жёлтого, а могла быть и куда проще – затёрта несколькими слоями глины.

Я представляю, как всем миром устраивали обитатели деревушки жилище для своего божества (а быть может, и своих божеств). Иногда им был огромный валун-камень, а иногда – идолом являлся округлый или четырёхгранный столб высотой до двух с половиной метров.

Древний умелец, наверно, с великим благоговением (оттого, что именно ему доверили соплеменники такое важное дело) усердствовал над деревянным божком. Правда, изготавливали богов и из других материалов. Из «Слова об идолах», летописи XI века, узнаём: «начаша кумиры творити, ови деревянные, иinei медяны, друзеи мраморяне и золотеи и серебряны».

Внутри капища обязательно располагался жертвенник, вокруг же священного места выкапывались неглубокие, но достаточно широкие рвы или ямины, в которых разжигались очистительные огни. Именно в таком месте гадали пращуров о будущем своего рода.

Откуда впечаталась в память очень древняя ворожба при помощи священного коня, уж и не припомню. Может, в далёком деревенском детстве, в ожидании бабушкина зачина: «Начинается сказка, начинается побаска – сказка добрая, повесть долгая, не от Сивки, не от Бурки, не от вещега каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику...» – вьюжным вечером нацвенькал мне ненароком сверчок запечный?

Суть гадания сводилась к тому, чтобы узнать, с какой ноги начнёт движение введённый в круг капища священный конь. Если с правой, то всё будет хорошо, можно чин чинном приступать к задуманному (к полевым работам, к военному походу). Ну а как ступит коняга с левой ноги, так и род постигнет беда: живота кто лишится, мор навалится, или ещё что страшное, неведомое постигнет. Лучше уж отложить дела до добрых времён – или хотя бы до

следующего гадания. Не отсюда ли пошло «встал с левой ноги», что значит – день или дело не заладилось?

Со временем, на таких, из года в год выжигаемых местах, мог произрастать только кипрейник. В народе этот огненный, роскошный цветок кличут иванчаем. Стоит на каком-либо пригорке объявиться хоть малой его куртинке – крошечной искорке, как уже через год безудержно разрастается она во все стороны, и, не успеешь оглянуться – буйным полымем занимают соседние косогоры.

Взять хотя бы маковку Царь-горы, что когда-то высоченным холмищем грудилась посреди Ярочкина лога. Всё, бывало, бабуля талдычит нам, ребятишкам: «Не шляйтесь туда-тко понапрасну, не ровён час и шею свернуть – запросто!» (А для острастки, за ослушание посулит берёзовой лапши с ремённым маслицем).

В теперешние времена «Царёк» неказистой копёшкой прячется в мареве лени – в густом молодом березняке (от древних лесов-то и гнилых колодин не осталось). Лето напролёт пылает эта горушка охватившим её с самой Пятидесятницы незатухающим пожарищем. Местечко укромное, потаённое. Красотища-то какая – сиренево-лилово! Даже ручей на дне лога пропитался кипрейным ароматом, вода в нём, как есть, – чай.

Может, именно здесь и воскурляли свои ритуальные костровища древние жители моей деревушки? Кто теперь о том поведает? Мне же хочется верить, что неугасимый кипрейник священным огнём пылает в память о моих свобододлюбивых, непокорных пращурах – вятичах.

Богов у наших предков было видимо-невидимо. Всего в древних письменных источниках упоминается более четырёхсот сверхъестественных существ. *Перун* ведь – заглавный бог в Киевской Руси, а наиглавнейший у вятичей был бог ветров – *Стрибог*. В нём вятичи видели Единое, верховное божество, отца Вселенной. И *Сварог* (небесный творец), и *Стрибог* (бог-отец), и *Род* (рождающий) – все эти определения могли обозначать одно патриархальное мужское божество. Пращур наш чуял себя всецело в его руках.

Легенда гласит, что Стрибог явился на свет в начале времён из дыхания бога Рода. Ярясь ветрами, вместе с Перуном он повелевал громами и молниями. Ему приписывается немало подвигов: вместе со Сварогом Стрибог победил Чёрного Змея, на пару с Перуном сражался со Скипером-зверем, с Хорсом бился против Месяца. Куда ни загляни, в каждом краю у великого этого бога имеется потомство: ветры – *Посвист* (старший – не приведи Господь! – бог бури, живёт в горах, на севере), *Подага* (живёт в южных пустынях, иссушающий ветер), *Погода* (тёплый, лёгкий ветерок). В полдень и полночь время от времени резвятся внучата Стрибога – ветры *Полуденник* и *Полночник*.

Идол Стрибога, в числе иных языческих богов, был установлен в 980 году князем Владимиром и в Древнем Киеве. Упомянут дед ветров и в «Слове о полку Игореве»: «...се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы...».

Богом любви у вятичей слыл *Лель*, богиней брака и семьи – *Лада*. Кроме них – и *Даждьбог*, и *Велес*, и *Макошь*, и многие, многие другие. Среди них – и такие как *Домовой*, *Банник*, *Овинник*, *Водяной*, *Леший*.

Пращуры одушевляли природу, сакрализовали её стихии (анимизм). Наиболее ранними у них являлись культы огня, воды и земли. Воде и огню приписывались очищающие и охраняющие функции, земле – животворящие

и охраняющие. Ещё в XII веке церковный деятель Кирилл Туровский, порицая наших древних родичей, восклицая в одной из своих проповедей: «Уже бо не нарекутся богом стихия: ни солнце, ни огонь, ни источници, ни дресеца!»

Вятичи веровали в родственную связь между племенем, с одной стороны, и определённым животным, растением или явлением природы, с другой (то-темизм). Были у пращуров и священные птицы, и священные травы, и священные животные, и даже священные деревья. Одно из них, например, раки-та. Даже представить себе невозможно, из какой дальней дали пришло к нам выражение «венчаться у ракитового куста». Это теперь такой (гражданский) брак считается неофициальным. А вот предки-язычники вступали в брак у священных раки-т, и вода (тоже священная стихия) являлась свидетелем нерушимой клятвы молодых.

Каждый год двадцать третьего июня отмечался праздник *Купала* – бога земных плодов – когда солнце даёт наибольшую силу растениям, когда собирались целебные травы. Считалось, что в ночь на Купалу деревья, разговаривая меж собой шумом ветвей, переходят с места на место. Тот, кто добудет в глухую полночь цветок папоротника, обретёт способность понимать язык растений и животных.

В том же, что предки поклонялись животным, можно убедиться, рассмотрев орнаменты на предметах быта, в изображениях на стенах древнерусских соборов, а особенно в устном фольклоре – волшебных сказках и сказках о животных. И поныне живы ещё в народе Святочные гулянья, когда колядующие надевают на себя звериные шкуры и маски.

Бытует поверье: мол, в стародавние времена все животные были людьми. Но совершив дурные поступки, обратились они в животных, рыб и птиц. Правда, взамен того, что утратили дар речи, теперь они всё слышат и не только всё видят, но и предвидят.

И моё Игинское поле имело своего божка – *Полевика*, который строго следил за правильностью исполнения земельных работ. К примеру, чтоб хлеб-жито сеяли только мужики, упаси Бог допустить к этому делу бабу! Держи, мужик, ухо остро! И нечего голову морочить – она даже присутствовать, глядеть во время сева на поле не смела. При этом мужичок раздевался почти донага. А посевное зерно нёс в особом мешке, что пошла ему хозяйка из его же портов. Так заключался «священный брак» между мужиком и полем.

А вот репу вятчанки мужьям сеять не доверяли. Разоблачались опять же донага и, отдаваясь работе, верили, что передают матери-земле часть своей детородной силы.

Без ясна Солнышка, без *Ярилы*, без его всевидящего ока, которое за всем земным устройством, за соблюдением законов присматривает, предки наши и жизни не представляли. Неудивительно, что христианский крест сразу же прижился с принятием православия в землях русских – священным знаком Солнца в стародавние времена был тоже крест. Помню, скажет, бывало, бабуля в яркий солнечный день (диву даюсь, вспоминая, чего только она не ведала!): «Прищурься, голубка, посмотри на солнышко, вишь ты, родимое, Божий крестик нам кажет!»

В те, сокрытые веками, времена, когда на землях наших стояли кондовые – дерево не охватишь – леса, пращуры представляли солнце в виде золотого коня, бегущего по небесным луговинам, а позднее – бога солнца, едущего

в золотой колеснице. До сих пор, для острастки, оберегая солярными знаками своё жилище от нечистой силы, водружают у нас на крышу дома металлического или деревянного конька и на счастье дарят подкову.

А время неустанно движется, «аки вихорь», вперёд, только вперёд... и нет ему поворота назад, туда, где всё любило, всё пело хвалебные песни: отцу – Яриле и матери – Сырой Земле. Вздохнёшь порою, сожалея о безвозвратно канувшей старине, пытаясь на авось поймать уходящие тени... Попробуй-ка нынче у кого спросить про Ярилу, про Стрибога, про царь-огонь, про купальские костры – никто и слыхом не слыхивал. Помнят об этом лишь седые звёзды...

Да, как бы ни была нам дорога русская старина, канула в вечность Русь языческая, сожалею, не сожалею, но пути-дороги истории не проторишь на свой манер. И не разобрать уже: на холме, где прошлогодним осенним ветрищем повалило дерева комлем вверх, напрочь повыворотило корни, а нынче в новолетье, под Троицу, высыпало уймище поплавушек, – божок ли стоит, просто ли камень-глыба...

Оглядишься вокруг: поля да перелески, сиреневые склоны – осыпанные шалфеем да земляничником бугорки... даль плывёт за далью. Быть может, вон под тем, почти сгладившимся от дождей и ветров курганом, лежат останки моих предков. В самой древней древности, в Голубиной Руси, вятичи для сожжённого праха умерших родичей обустроивали деревянную «домовину» – «столп». Позднее над могилами стали насыпать земляные курганы.

Возникшие из глубины тысячелетий языческие верования, развиваясь из века в век, достигли к той поре высокого уровня, многопланового понимания мироздания.

Гордые, непреклонные пращур-вятичи, не пожелавшие подчиняться даже верховной княжеской власти, спервоначалу и аж до XIII века продолжали погребать своих соплеменников под насыпями величественных курганов (головой к западу), обряжая родичей в последний путь в богатые свадебные одежды со множеством украшений, которые щедро испещряли языческой заклинательной символикой.

«Аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику и възлажахуть и на кладу мертвеца, сожъжаху, а посеем собравши кости, вложажу в судину малу и поставяжу на столпе на путех», – продолжает свой сказ «Повесть временных лет».

Нередко встречается описание вятичского погребального обряда и в арабских источниках, например, удивителен рассказ о воротах-виселице у «клады великой» Ахмед ибн-Фадлана из «Сказаний мусульманских писателей о славянах и русских». Через эти ворота жена покойника заглядывала в потусторонний мир и видела там своих умерших родичей: «И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба; их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперёк, привязывают посреди этой перекладины верёвку. Она становится на скамейку и конец завязывает вокруг своей шеи. После того, как она так сделает, скамью убирают из-под неё, и она остаётся повисшей, пока не задохнётся и не умрёт, после чего её бросают в огонь, где она и стораёт». Через эти же ворота и все участники погребального обряда заглядывали в царство мёртвых.

Арабскому путешественнику запомнилось не только сожжение, но и поминки: «На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника, берут они бочонков двадцать мёда, отправляются на тот холм, где собирается вся семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся».

Весной и осенью, соблюдая свои обычаи, устремлялись вятичи поклониться своим умершим ближним, отошедшим из Яви в Навь (потусторонний мир), принося им угощения. Совсем как и мы на Пасху или на Радоницу, в один из главных родительских дней – во вторник второй недели после Пасхи (Фоминной недели), – как бы ни поясняли нам священники о языческих корнях тризны, не удерживаемся: «мёртвым и Божьим пташкам на еду» крошим яичко, кусочек куличика, а на Спас кладём на погосте к подножию голбца душистые дули и медовки. Ещё в «Кормчей книге» запрещены были всякие пирования, попойки и возлияния вина и напитков, но обычай пировать (творить тризну) на могилах усопших родственников существует и поныне.

Современные русские поминальные обряды представляют собой смешение чудным образом переживших столетия языческих представлений, унаследованных от предков, с христианскими понятиями и церковными уставами.

Рано утром в родительский день варим поминальную кутью – рассыпчатую рисовую кашу на воде или молоке, с изюмом и сахаром. Укладываем её на блюдо горкой и несём в церковь вместе с хлебом, мёдом и записочкой с именами почивших родных. Мёд, хлеб, фрукты-овощи оставляем причту, а кутьёй, возвратившись домой, угощаем близких на помин усопшей души. Трапеза эта и есть отголосок древней тризны. Всеобщие народные поминки совершаются у нас в день Радоницы, в Троицкую, Дмитровскую и Покровскую субботы.

А разве не языческими обрядами являются причитания и вой по покойнику? Не раз во время посещения Кировского погоста приходилось мне видеть, как падала-пласталась на гроб, на могилку, какая-нибудь нашенская баба, обливаясь горячими слезами по родичам, кричала, пела, словно старинные народные песни, свою полынную кручину, свою незатухающую боль.

*Ещё как-то мне, горяшечке,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повиннут,
Все люди помолвят
Да меня ограмянут!
Снесможнёхонько мне, горяшечке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С печали, со кручины!
Куда мне броситься?
Али в тёмные леса –
В тёмных лесах – заблужуся,
В лесу зашатаюсь!
А неможнёхонько молодёшеньке
По сырой земле ходити,
На красное солнце глядети!*

Ознобила ты, кормилица,
Без морозу без лютото,
Ознобила, родитель матушка,
Без вьюги, без мятелицы!

К концу первого тысячелетия нашей эры бог Перун уже возвысился над другими богами политеистического пантеона и подчинил их себе. Но насильственная христианизация, происходившая с VII по XII век, не позволила славянскому язычеству пройти до конца естественный путь развития, судьба богов была связана или с полным забвением, и дребезгов не собрать, или с переименованием (Илья-пророк, св. Никола), или ещё хуже – языческие боги становились бесами (Волос, Макошь).

Правда, они всё ещё живы и в фольклоре, и в изобразительном, и в прикладном искусстве. До сей поры нет-нет да вспомним мы обряды пращуров язычников, поддадимся древним суевериям, а то и вовсе – при хворях-недугах вместо того чтобы прибегнуть к традиционной медицине, постучим в двери бабки-целительницы.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА

**Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Татьяну Хлебянкину
с юбилеем!**

Татьяна Александровна Хлебянкина – член Союза писателей России, член клуба писателей ЦДЛ, председатель комиссии по литературному наследию С.А. Клычкова при СП России, лауреат и дипломант ряда литературных премий, заведующая Домом-музеем С.А. Клычкова в д. Дубровка. Окончила аспирантуру при Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Татьяна Хлебянкина стала инициатором создания Музея журавля в Талдоме и двух межрегиональных фестивалей: экологического Фестиваля журавля (с 1995 г.) и литературного – проходит один раз в два года – авторской поэзии и песни «Серебряный журавль» (с 2005 г.). Живёт в Талдоме.

«Сегодня торжество стихов...»

Летящие во Вселенной

Одуванчики цветут вдоль дороги...
Будто распустились тысячи солнц
И пришли в гости на нашу землю.
Как-то она их примет?
Сварит из одуванчиков варенье
Или грустно поцелует увядающие лепестки,
Превращающиеся в парашюты,
Летящие во вселенной.

Владимиру Андрееву

Я никогда не была в Нью-Йорке.
Но с помощью фотографий
Владимира Андреева
Мне кажется, я уже
люблю этот город.
Его поэмы – небоскрёбы
и светлые окна,
В которых отражается
американское небо,
Его широкие авеню
и знаменитые музеи...
Его, его, его...
Цвета Осени и Весны...

Сегодня торжество стихов.
Я сочинила их целый букет:
Белых и зелёных,
Красных и синих,
Плохих и хороших.
Радуйтесь вместе со мной
И сочиняйте стихи, если можете.
Спасибо.

Кажется, меня расколдовали.
Кто и зачем – не знаю.
Надолго ли – тоже.
Ещё одной тайной
в мире стало больше.
Главное, вовремя проснуться
Или – уснуть.
Какой мир реальной –
Неизвестно.
Наверно, тот, где лучше
Душе.

Я и ты

Вам хорошо...
– А Вам?
Если не хватает тетрадей для стихов,
Если каждый день
дарят букеты цветов.
Если оживают родные и близкие,
Хотя бы в памяти,
Значит, жизнь прожита была не зря.
Заря.
Как фантастично розовеет небо!
Уходят печали и заботы,
И погружаешься в сказочный мир
Веры. Надежды. Любви.
Доброты.
Всё правильно. На Земле
Я и ты.

Плавание в Вечность
Не лукавьте с собой.
Это плохо кончится
После Дня не наступит Ночь
Или – наоборот.
Так-то.
А в саду цветут вишни.
А где-то уже осыпаются лепестки,
Но это неважно,
Если вовремя напиться прекрасным
И запечатлеть его в своей памяти, то
В одну реку войдёшь дважды.
На корабле подняли паруса
Штиль? Шторм?
Семь футов под килем!
Так далеко до Солнца
Нам ещё плыть и плыть
В Вечность, в Вечность,
в Вечность...

Сущность

Как странно устроен мир!
Мы быстро приходим
и быстро уходим,
пытаясь что-то оставить после себя.
Теперь я знаю, что:
СУЩНОСТЬ.
У Вас она – в детях,
у меня – в стихах.
Что лучше?
Всё – прекрасно,
Если будет и дальше
вращаться Мир,
А не улетит в другую
Галактику
Как секстимиллионы лет назад,
Забыв про всё на свете.
...Мы – снова – дети.
Улыбнитесь, пожалуйста. Мне.
Так-то лучше.
Санта Мария...
Спасёт ли Христос нас?
Не знаю.
Как запотело Стекло Вечности.
Больно. Или уже нет? –
Если меня – нет.

Я узнала: ждёт нас вечность,
И она почти что рядом –
Обнимает тихо плечи
И струится синим взглядом...
Я постигла эту тайну
И, наверное, неслучайно
Над притихшим зимним садом
Звон несётся погребальный...
Пусть я в Смерть почти не верю
И назло судьбе и страху
Отмыкаю в сон те двери,
Что ведут меня на плаху.
Преклоню колени долу –
Горек путь и тяжек крест.
Звуки ввысь летят, к Эолу –
Но восстал на душу бес.
Он, хвостатый, тоже рядом,
Он, рогатый, бьёт копытом...
Где ж мой витязь ненаглядный?
Сердце, кем же ты убито?

Неужели наступит вторник,
А за ним быть среде возможно?
И поверить, что в этом мире
Рядом с горем живёт и счастье –
Счастье видеть Вас в новом платье
И ловить нежный взгляд, улыбку,
Прикасясь в мечтах губами
Там, где вы оставляли след
...И чего-то всё ждать в ответ...

Проблемно очень
без сомненья
Писать стихи
на день рожденья,
Тем более –
не первый раз!
И что сказать?
Люблю я вас?!
Поверите ль?
Не знаю, право...

Но только жизнь без Вас –
Отрава,
Как мир без солнца и цветов,
Без звёзд, без песен
и стихов
Без Талдома и без луны...
А вы так холодны –
Увы...

Я родилась в ахматовской
России,
Я выросла в гагаринской
России.
Пусть с этим кто-нибудь
Из вас поспорит.
Но древний космос, что
Открылся в небе,
Но этот дивный
Звон колоколов
Меня своей окутывает тайной,
Как городок с названьем
славным – Талдом...
Тай-дом... Мой дом...

Белой пылью при дороге
Приделались наши ноги.
Пусто и светло кругом...
Входит странник в Божий Дом...
Тихо в угол поклонился,
Тихо Богу помолился,
Из ковша воды напился...
...Словно Ангел к нам спустился...

Памяти соседа Жени

Холодно. Холодно. Холодно
в душе
Нет тебя. Нет тебя. Нет тебя
больше
нигде уже.
Ветер. Ветрило. Ветрище.
Призрачный снег.

Был незаметный средь тысячи
 ты человек...
 Дом покосился облезший,
 Хлопает дверь...
 Верил ли ты в Воскресение?
 Верил?! – Поверь!!!
 Таинство Жизни и Смерти.
 Всё – круговерть:
 Может быть, скоро меня
 выберет Смерть.
 Может быть, может быть скоро –
 жизни итог.
 Что же, помолимся Богу,
 чтобы помог,
 Чтоб все простил прегрешенья,
 Господи мой...
 Тихо укроюсь я саваном –
 этой зимой...

Обо мне в Париже пишут,
 Из Италии – звонят.
 В Петербурге речи слышат,
 В Киеве – благодарят.
 Из Твери шлют приглашенье;
 Блок и Пушкин в день рожденья
 В гости ждут... et cetera...
 Александрову – ура!
 «Очень, – написали, – просим
 К нам на "Золотую осень" ...
 Из Америки – пакет,
 Благодарность и привет.
 В Прагу тоже приглашали,
 Жаль, что визу не прислали.
 ...Только вот молчит Талдом.
 Как всегда, он не при чём...

Памяти Николая Волкова

Как вечны и небо, и звёзды.
 Казалось мне, вечны соседи.
 Но вот понемногу уходят
 В иную обитель они.

Сначала ушла баба Клава,
 Затем дед Егор... Потеряла
 Я счёт – за последние сорок
 Пол-улицы нету в живых...
 Но снова рождаются дети,
 Но род продолжают их внуки.
 Черты я знакомые вижу –
 Ушедших – в их лицах опять.
 ...Не вечны ни небо, ни звёзды...

Облепила жёлтая
 И рябина чёрная
 Белым снегом-саваном
 Нынче занесённые...
 Где же их хозяйева,
 Где же те радетели,
 Что дары осенние
 Да с любовью встретили?
 ...Облепила жёлтая
 И рябина чёрная
 Пропадают, бедные,
 Снегом занесённые...

Н.

Я к Вам приблизиться боюсь.
 Ведь знаю точно, что влюблюсь...
 Да я и нынче влюблена –
 И медленно схожу с ума...

Зачем-то жертвую любовь
 Я тем, кто предаёт Вас вновь,
 Жалею Вас и их жалею –
 Но сердцем лгать я не умею.

Быть может, просто я стара
 Играть и в чувства, и в слова,
 И слишком всё опять всерьёз.
 ...И ждут нас миллионы роз...
 Из грёз.

Сказ о Талдоме

То не ветры веют буйные,
 То гудят леса дремучие,
 То болота стонут вязкие:
 На речушке малой Талдомке
 Деревенька подымается –
 Семь дворов да к сотне жителей.
 Мастeryт её-то беглые,
 Да творят её всё пришлые...
 А старшой – Гаврилко Меншиков,
 А другие-то Подъячевы
 Да Никитушка Турской...
 Много люду православного...
 Собрались во славу Божию,
 Нарекли деревню Талдомом
 (Тай-домом)
 Тайным домом – коль по-нашему
 Иль «хозяйственным» – так
 с финского
 Переводят нам историки...
 Так вот долго или коротко
 Жили люди православные,
 Люди добрые, церковные,
 Но однажды заскучили вдруг:
 Нет им в жизни утешения,
 Нет им в жизни светлой радости,
 Не звучат молитвы Божии,
 Не звенят колокола...
 И тогда решили миром всем
 Написать, подать прошение
 Своему отцу духовному
 И владельцу сирых душ
 Симеону-то Епископу
 По Твери и стану Кашину:
 «Уж ты, батюшка наш, смилуйся,
 дай своё благословение
 Церковь строить деревянную
 Да во всём-то благолепии,
 Дать ей имя в честь Архангела
 Михаила, да с приделами
 Николая-то Угодника
 И пророка Илии».
 Отвечает вскоре талдомцам
 На прошение Симеон:
 «Храм построить – дело Божие.
 Рад я вашему прошению
 И даю благословение.
 Буду сам на освящении».

Так деревня наша славная
 На речушке малой Талдомке
 Стала Талдомом – селом.
 И по всей округе славилось
 Мастерами да умельцами
 Да своей широкой ярмаркой.

Вы – умираете? – Умрите!
 ...Как много новых душ в зените...

Скоро-скоро сбросим
 мы оковы,
 Скоро-скоро улетим
 на небо...
 Скоро-скоро... В мире
 не хватает
 Ласки нам, тепла, любви
 и хлеба...

Здравствуй, друг мой,
 побывавший
 У Распятия Христа.
 Что ж теперь остальное?
 – Суета, маета...

ПОЭЗИЯ

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

Юрий ЯХОНТОВ

О вечном и о простом

Когда придёт осенняя прохлада,
До лета смолкнут птичьи голоса,
В саду увядшем есть ещё отрада –
Цветов последних тихая краса.

До холодов в них жизнь не засыпает,
Они и в осень дивно хороши.
Вот так и мы, нас время не сгибает,
Наверно, дело в вечности души.

Нам не резон стареющее тело,
Мы в жизни свой не умеряем бег.
Так, своего не ведая предела,
Ещё мечтает старый человек.

Странное в душе возникло что-то,
В эти лица вглядываюсь я,
Рядышком лежат мои два фото –
В юности и тридцать лет спустя.

Вижу я, что время преуспело –
На лице следы былых утрат.
Не во внешних измененьях дело,
Изменился внутренне мой взгляд.

В юности не ведаешь о горе,
Сердце бьётся радостно в груди.
Словно бы читается во взоре,
Лучшее-то будет впереди.

А позднее, жизнь трудней и круче.
Что понятней через тридцать лет.
И во взоре – то, что будет лучше,
Точно уж уверенности нет.

Я мальчишка, что мне надо?
Чтобы солнышко светило,
День беспечный был бы долог
И клевали окуньки.
Чувство лёгкости какой-то,
Словно свыше, приходило.
Оттого, что были мысли
И дела мои легки.

По уделам ароматным
Шмель мохнатый проносился.
Луговое разнотравье
Ненавязчиво цвело.
Босиком по тёплой тропке
Я к обеду торопился.
Дома, там была забота
И домашнее тепло.

Это время, мне казалось,
Бесконечно будет длиться.
И не верилось, что быстро
Пролетят мои лета.
Что об этом тихом доме
Только память сохранится,
Что родителей не будет,
И не думалось тогда.

Засыпал я, снилась речка,
В колокольчиках дорога.
Вот такой был день из детства –
Ни успехов, ни потерь.
Заурядный день, обычный,
Их за лето было много...
То, что это было счастье,
Понимаю лишь теперь.

Глазу не на чем здесь отдохнуть.
Эти заросли – царство упадка.
Там в крапиве кирпичная кладка –
От усадьбы осталось чуть-чуть.

Но сквозь заросли всё же видны
Очертания прежних дорожек.
Без людей всё угрюмей и строже,
И не благостно от тишины.

В сотню лет время удалено.
По дорожкам здесь бегали дети.
Их, наверно, давно нет на свете,
Имена их забыли давно.

Ветерок что-то шепчет опять,
По траве, по листве пролетает.
Что-то давнее мне навевает,
Только что, мне никак не понять.

А я могу, ведь я ещё могу
Забить про время, снова стать беспечным.
Лежать в траве и размышлять о вечном,
И о простом на солнечном лугу.

Внутри какой-то чувствую подъём.
Легко, легко, как трепетная птица
Душа, она к высокому стремится,
Там в небесах её, как видно, дом.

И там пространства дивно хороши.
Но здесь внизу у нас полно коросты.
И на земле нам жить совсем непросто,
Чтоб совпадать с движением души.

Непросто это, вечно на бегу
Нам думать, чтоб душа не омрачалась,
И чтобы лёгкость эта сохранялась.
Но я могу, но я ещё могу.

Шторм на озере, я в лодке,
Берегов и не видать.
Очертания нечётки,
Плыть куда? И не понять.

Лодка вдруг перевернётся,
Понимаю – быть беде.
Долго плавать не придётся
В ледяной такой воде.

Волны хлещут, тёмны тучи,
Рук не чувствую своих.
В пресных водах волны круче
И опаснее морских.

Мне б не дрогнуть и всего-то,
Смерть так близко на пути.
У меня одна забота –
Поперёк волны грести.

И совсем я не уверен
То, что мне достанет сил.
Я гребу, гребу... Но берег
Из тумана проступил.

Громко лодочник ругает,
Что беспечный я такой.
По ладоням кровь стекает,
Счастлив я, что я живой.

Нет у вас мечты, полёта.
Только деньги вам важны.
А ведь стоящее что-то
Не должно иметь цены.

Что даровано с рожденья,
Нам в деньгах не оценить:
Не купить любовь за деньги,
И здоровье не купить.

Благодать не продаётся,
И друзей не обретёшь.
Где за деньги всё даётся
Мир не очень-то хорош.

Но уходит наважденье,
И становится легко...
Это деньги, только деньги,
И не более того.

Как-то постепенно, незаметно вроде,
Утекает время и пустеет дом.
Унося богатство, старики уходят,
А богатство это – память о былом.

Утекает время, расточая силы,
Старики вздыхают – молодость, как дым.
Кто ж ещё расскажет, как там раньше жили,
Но зачем нам это, мы ведь всё спешим.

Осенью острее чувствуешь потери,
Но богатство красок восхищает глаз.
Может, оглянёмся, может, бег умерим?
Прошлом, родное ходит среди нас.

Племя звонкое – дети,
Чистый тон задают.
О проведённом лете
И о детстве поют.

Бестелесное что-то
В голосах у детей,
Невесомость полёта,
Ни грехов, ни страстей.

Всё высокое – ближе,
Над собой поднимусь,
Мысли выше и выше,
Словно и не вернусь.

Там в небесном просторе
Благодать и покой.
.....
Я когда-то пел в хоре,
Я и сам был такой.

Гладь воды и бездонное небо,
От прибоя ребристый песок.
Дышит вечностью древнее Нево¹
На слиянии древних дорог.

Время всё пеленою покрыло,
И разлуки, и горечь утрат.
Что когда-то вода схоронила,
Иногда возвращает назад.

Помнит озеро нашу отвагу.
На глухом берегу, вдалеке,
Штормом вывернет старую шпагу,
И оставит торчком на песке.

Здесь над полем дух осенне-грустный,
Дрёма, дрёма об ушедшем лете.
Поедает заяц лист капустный,
А меня вблизи и не заметил.

Мир вокруг в осенний цвет окрашен.
Тишина на опустевшем поле.
Я смотрю – меньшие братья наши
Так красивы и чисты на воле.

Место здесь, подалее от дороги,
Всё-то видно, все пути открыты.
Станешь тут пугливым, если ноги
Всё, что есть у зайца для защиты.

Здесь я гость – твои пространства эти.
Каждый миг в тревоге ожидаешь...
Не скажу я никому на свете,
Что на этом поле ты бываешь.

На весёлой улице песня раздаётся,
Люди улыбаются, я им тоже рад.
Всё здесь получается, всё-то удаётся,
И садов цветение дарит аромат.

¹ Нево – др.-рус. название Ладожского озера

Небо – синь бездонная, сфера голубая,
На весёлой улице и душа легка.
Шёл бы так и шёл по ней, встречным улыбаясь,
Только жаль, что улица эта коротка.

На печальной улице – за спиною лето.
Всё вокруг смиреннее мне бы ощущать.
И не ценно тщетное, понимаешь это,
Если что обидное – хочется прощать.

Лето всё прохладнее, всё неувлимаей.
Тайной неразгаданной, время всё быстрей.
На печальной улице и душа ранимаей,
И чужие горести чувствуешь острей.

Заманить удачу!

Соседка раздавала вещи умершего отца, и Виктория взяла себе палку-трость. Изумление такой выбор вызвал и у соседки, и у Викиного мужа. Когда она принесла палку, Алексей спросил:

– Для кого вещь сия? Для каких целей в нашем доме этот достаточно экзотичный для непожилой семейной пары, их дочери-подростка и годовалого сына предмет?

Своими шуточками супруг порой раздражал Вику. Он подтрунивал над её рачительностью, её девичью фамилию «Караваева» как только не обыгрывал в своих остротах! «Караваева, – лицедействовал он, придавая лицу степенности и значительности, – это побочная ветвь помещика Павла Плюшкина. Как известно, господин сей не состоял в законном браке, однако девки, шельмы, таскавшие у него сухие корки, кое-что и ему притащили – в подоле. И все благородные черты милого Павлуши передались по наследству, в частности, моей супруге, прямому потомку Плюшкина, не могущего по пустым причинам формальности и сословных предрассудков передать и благородную, прославившуюся по всей Руси великой фамилию родимому дитяти. Так что де-факто мы Плюшкины, и лишь де-юре – Караваевы». Или обращался к ней после появления в доме бывших в употреблении вещей: «Караваева, на чьё на этот раз рот разеваево?»

А свекровь вообще чуть ли не мещанкой Вику считала. И потому в случаях, подобных этому, приходилось как бы оправдывать прописку в доме ненужных вещей. Не скажешь же мужу, мол, взяла вещь потому, что металлический набалдашник трости вполне может оказаться серебряным, сама трость очень изящна – хоть сейчас в кино её снимай в паре с каким-нибудь дореволюционным профессором. Это придаёт хозяевам трости, даже новым, аристократичности. И уж тем более не поделишься, что все приличные вещи уже разобрали, пока Вика была на даче. Не брать же старую рубаху! Показавшийся странным выбор трости

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, закончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

соседке был объяснён так: «Мне не выгода нужна, возможность попользоваться самой вещью, а чтобы о дяде Боре напоминало». А мужу просто ответила:

– Пригодится. Что, места ей не найдём?

Отцовские вещи соседка раздавала, искренне желая, чтобы о нём осталась хорошая память и в воспоминаниях, и в вещах. Потому отдавала знавшим его людям не только старые, но и хорошие, добротные предметы. Как вот трость, с которой в последние годы, будучи ещё ходячим, и гулял во дворе Борис Акимович.

Пригодилась трость ранее, чем можно было ожидать. Стала Вика что-то прихрамывать. Колено не держало: как будто под коленку кто-то стучает, и нога невольно сгибается. Так мальчишки в школе шутили: подбегут сзади незаметно – и поддадут своей коленкой. Ты чуть не падаешь. Поначалу Вика не очень обращала внимание, тем более, что ходила мало и редко – почти всё время на машине муж возил. Потом уж так стало побаливать, что не то что идти, а и приступить на ногу больно. Обезболивающее пришлось принимать. Пригодилась тут трость – с ней и стала ходить Вика.

В больнице поначалу ничего определённого не говорили. Сдала кучу анализов, которые ничего не показывали, ничего не выявляли. А потом бабахнули, как громом среди ясного неба: инфекционный полиомиелит. И палка-трость стал постоянным атрибутом Виктории. Она как-то сказала мужу:

– Видишь, пригодилась палка. Никогда не знаешь, что и как потребуется. Запас карман не тянет. Лежала вещь – есть не просила.

Рачительность и стремление запастись впрок, особенно если даром что-то в руки идёт, не раз уже пригождались Вике. Она то и дело мужу подчёркивала, мол, пригодилось, а ты вечно против, говоришь, что хламом дом заполняю.

Шла как-то она к метро, а около женщина продаёт приборы для измерения давления. Даром почти. Зарплату этими приборами выдают, и она, чтобы побыстрее продать, совсем дёшево предлагала. Вика купила. Принесла домой – муж, конечно, мол, зачем купила, ни у кого у нас давления нет. Ему что ни принеси – всё, зачем да на что. Да вот на то. На всякий случай. Ну и она мужу, мол, сейчас нету – завтра будет. В каждом доме должен такой предмет быть. И что же? Приходит как-то супруг с работы, говорит – голова болит. Да так сильно к вечеру разболелась, что «Скорую» вызвали. Давление! Вот тебе и нету! Не было, и вдруг! А дома уже готовый аппарат для измерения. Чрезвычайно дёшево купленный. В аптеке такой раза в три дороже стоит.

Принесла она раз удобную вещь на случай, если руку сломаешь: это как бы такая муфта на широкой тесьме, куда можно руку в гипсе положить, чтобы не на весу держать. Обычно бинтовую привязь используют, но это специальное приспособление в таких случаях очень удобно. Вике предложила коллега по бывшей работе. Вернее, спросила, не надо ли кому: выбросить жалко, а рука у сына, для которого и была эта подвязка куплена, срослась. Вика сказала, что нужно, мол, у соседки муж руку сломал. Но взяла для себя – мало ли что? Пусть впрок будет. И буквально месяца не прошло – муж на ровном месте по сухому чистому асфальту шёл и упал – закрытый перелом. Так что пригодилась вещь.

Кстати, касалось это не только вещей, но и услуг, специалистов разных, которые запасливой Виктории пригождались. Возвращались однажды с дачи, и пришлось в объезд ехать – дорога перекрыта. Смотрит Вика из окна – щит с рекламой ритуального бюро, все виды услуг, скидки 20%. Она достала ручку,

записала на полях газеты телефон и адрес этого бюро: в черте города фактически, а цены наверняка ниже. Вот случись что. Куда? К кому обращаться?

И буквально через две недели свёкор, молодой мужик, только на пенсию вышел, умирает от сердечного приступа, хотя никогда не жаловался. А у Вики уже и телефон есть, куда обратиться, чтобы недорого. Через ту фирму всё и сделали.

А протезист зубной детский? Заговорили с приятельницей, что у той есть знакомый стоматолог, который специализируется на протезировании детей и подростков, у кого зубы уже коренные, но по каким-то причинам то ли выпадают, то ли выбивают. Вика сразу телефоном запаслась: двое детей всё-таки. Тем более, мужик этот под какую-то программу городскую подстроился: у него налоги не берут, а он делает скидки значительные. Только об этом поговорили, приезжает Настька с экскурсии в Новгород без переднего зуба – играли в гостинице, дурели, она неудачно с кровати упала, губу рассекла и зуб сломала. Ну и тут же этому доктору позвонили, он ей и вставил. А вот кто бы мог подумать? Но Виктория – всё вперёд предвидит и на всякий случай запасается.

Слава Богу, есть дача, там кладовка большая, можно вещи туда увозить. Вика почти ничего не выкидывает, если что-то ещё может пригодиться, и не раздаёт ни детские, ни свои вещи, пусть даже из моды вышли. Детские тем более. Сыну ни ползунки не пришлось покупать, ни распашонки – от дочери осталось, хотя разница у них 12 лет. Дождались и эти вещи своего часа. Да и когда соседка вещи от подрастающей дочки раздавала, Вика всё забирала, якобы для кого-то, но оставляла себе, вернее, для внуков. И даже коляску взяла, поскольку своя заржавела окончательно и совсем уж старомодно смотрелась. А внуки пойдут (когда это ещё будет!), стыдно станет со старой прогуливаться. Настьку и не заставишь потом с такой пройтись. Муж опять ворчал, но она заставила его увезти на дачу эту самую коляску.

Сдавая экзамены, дочь очень волновалась. Так волновалась, что её и рвало, и голова болела – нервное напряжение. Слава Богу, сдала, стала готовиться в 10 класс. Поехала с подружкой к её бабушке в Орёл, отказалась ехать к своей бабушке – та достаёт всё время, воспитывает, да и с подружкой веселее. Ну, звонили, конечно, что всё хорошо. Когда приехала в конце лета, живот лез на лоб, что называется. Родителей поставила перед фактом – скоро рожают. Вика чуть чувств не лишилась. Еле выпытали с отцом, от кого. Пошли разбираться. Парень – выпускник их школы, он и не против был отцовство признать, жениться, только содержать семью не мог и жить к себе привести тоже не мог.

Свадьбу, конечно, не играли, зарегистрировались, он переехал к жене. Выделили им комнату. Он не зарабатывал, учиться пошёл. Дочка – тем более. Вика со своим полиомиелитом на инвалидности, один Алексей добытчик. Ну, вот вещи детские и пригодились. Помянула она ему коляску. Мол, сейчас бы вот поди купи, когда считать каждый рубль приходится. А он ей в сердцах:

– Да ты своими запасами как накликаешь все эти напасти! Хоть бы что доброе произошло! Ты на что хорошее запасись. Кошелёк, что ли, купи большой или Христа ради у кого возьми после покойника богатого – может, выиграешь денег кучу в этот кошелёк или наследство от неведомого благодетеля получишь.

Тут-то Вику как молнией мысль и пронзила: действительно! Она перebrала в памяти подобные эпизоды и обнаружила поразительную связь: как только в доме появлялась специфическая, на тот или иной особый случай,

вещь, как и этот самый случай не заставлял себя ждать. Предмет словно тянул за собой событие, для которого был предназначен. Или эти происшествия волоклись вслед за своими вещами.

Поначалу Вика даже испугалась. Нет, она не больно суеверная, но тут уж очень явная связь. А потом даже обрадовалась. Прекрасно! Если это так, то получается, что судьбу можно направлять в нужное русло, расставляя на её пути своеобразные вешки, манки. Надо будет просто приносить вещи в дом, для счастливых случаев, а они за собой потянут удачи и приобретения! И начать с кошелька, упомянутого мужем. Он, конечно, поиронизировал, но Вика-то точно теперь уже знает, что простыми совпадениями тут дело не обошлось. Попробовать можно, поэкспериментировать, половить вещами, как сетями, удачу. Попытка – не пытка.

И тут как по заказу, придя в магазин, Вика попала на распродажу портмоне. У неё был, в новом не было нужды, но и распродавали по таким низким ценам, что грех не купить. Но самое главное – он должен был послужить приманкой. Приобретён был самый солидный: со множеством отделений, для мелких и крупных денег, с отделением для визитных карточек. Одним словом, ставку Вика на этот раз сделала на большие деньги.

Вскоре вопрос больших денег стал для семьи по-настоящему актуальным. Дочь, юная мама, постоянно, несмотря на помощь бабушек, невысыпающаяся, стала наполнять ванну водой, чтобы помыться, пока малыш спал. Но и сама, ожидая наполнения, прилегла на минуту и заснула. Разбудили её прибежавшие со второго этажа соседи: Настя залила со своего шестого этажа всех нижних. Денег в семье, чтобы оплатить ремонт пострадавшим, не было. Боясь исков и отчуждения имущества, квартиру срочно оформили на живущую отдельно бабушку, а машину не удалось продать или переоформить быстро, хотелось всё-таки какую-то цену взять, в итоге пришлось её продать, чтобы выплатить соседям хотя бы частичный ущерб. Вот тебе и большие деньги!

Услышав, что в городе существует программа обеспечения жильём молодых семей, Виктория, наведя справки, собрала документы на получение дочерью субсидии для приобретения квартиры, причём ей как совсем молодой матери можно было рассчитывать на выплату кредита организациями, опекающими малолетних. Не просто пассивно ждать, а действовать решила Вика, используя свою способность вещами влечь события. И когда сделавшие ремонт знакомые, решив обставить квартиру новой мебелью, предложили свою старую, находящуюся в прекрасном состоянии – диван и шкаф, Виктория сразу послала за ней мужа, расценив это как знак, будучи уверенной, что мебель окажется востребованной и потянет за собой новоселье.

И действительно оказалась востребованной! И действительно было справлено новоселье: из деревни, где жил её дед, пришла весть – тот уснул с затопленной печью, из неё выпала головешка, начался пожар, в котором дотла сгорел дом, дед в последний момент выскочил в окно, сломал шейку бедра, госпитализирован в поселковую больницу, выписываться оттуда ему совершенно некуда, поскольку только баня и осталась от всего хозяйства, в ней жить не будешь, да и он стал инвалидом, и едва ли вообще в его возрасте после такого перелома когда-то поправится и сможет двигаться самостоятельно. Деда после выписки из больницы привезли к Виктории, поселили в комнату к матери, переселившейся к ним из своей собственной квартиры от снохи-шизофренички, которая просто жить не давала в буквальном смысле. Туда и впахнули диван со шкафом, ставшие скарбом и всем хозяйством

погорельца. Для деда, не будь дивана, пришлось бы приобретать какую-то лежанку, поскольку ни одного лишнего спального места в перенаселённой квартире не было.

«Вещи на счастье и удачу» ни счастья, ни удачи в дом не приносили. Но Виктория и не думала отступаться от идеи вести судьбу по заготовленному ею маршруту, на котором она оставляла предметы-знаки, ловушки желаемых событий. Это всё были разминки перед серьёзным матчем с судьбой, скоро игра пойдёт по-крупному. Всё получится! Надо просто выбирать правильные знаковые предметы, надо неустанно заманивать фортуны, уже продемонстрировавшую своё внимание к Вике. Надо, чтобы судьба двигалась по благонесущему маршруту. Необходимо учитывать и те знаки, которые кажутся случайными. Ведь когда и трость, к примеру, была принесена, и привязь для сломанных рук, эти самые околособытийные признаки не учитывались, а они были! Их надо непременно фиксировать, когда планируешь обуздать счастье. И обращать особое внимание на неявные знаки. Просто жизнь должна стать законом, куда гнать фортуны и захлопывать дверь. Житие своё сделать ловушкой, куда, как сыр, класть вещи-приманки, на которые, словно на живца, и пойдут желаемые, планируемые события. И если заметишь такой знак, то сразу приобретать вещь – тогда подобное сочетание и станет залогом поимки удачи.

Такой неявный знак подала судьба, когда Виктория не на автобусе поехала в собес, как обычно, а решила пройти остановку пешком, и чтобы скостить путь, вышла на соседнюю улицу. Будто внутренний голос подсказал: «Пешком иди». А там этот самый знак: вновь открывшееся казино, где мелькающая реклама сообщает: каждую субботу разыгрывается автомобиль «Хонда». Сам автомобиль красовался тут же на пьедестале. Просто садись и уезжай! Только выиграй сначала. Вот это да! Ведь семья, вынужденно продавшая свою, очень нуждается в машине. Вообще-то сервис импортных машин дорого обходится. Однако, можно выигранную «Хонду» продать, купить подешевле, поддержанную. Разница в деньгах получится хорошая. «Ничего, – уговаривала себя Вика, – выиграв дорогую, всегда можно её поменять на дешёвую». Сама она в игроки не пойдёт – мужа надо послать. От дома недалеко, пусть пару фишек купит, попытает счастья. В том, что оно уже близко, Виктория не сомневалась. Все знаки налицо! Пусть даже не с первого раза выиграет. Второй раз, третий сходит, ну и на четвертый-пятый на машине к подъезду подкатит.

Ну а когда она зашла в магазин за хлебом, а там проходила рекламная акция собачьего корма, при покупке двух пакетов которого давали брелок для ключей от машины и среди них были наряду с «Мерседесом», «Лексусом», «Ягуаром» и «Хонда». Викторию как громом поразило: вот оно! Все знаки! И она немедленно купила два пакета корма, хотя собаки у них не было. Конечно, «Ягуар» лучше «Хонды» было бы выиграть. Но поскольку в казино разыгрывалась «Хонда», то такой брелок Виктория и взяла.

Долго уговаривать мужа не пришлось. Предложение пойти в казино вечером, когда все – и кричащие дети, и кряхтящие и ворчащие старики – дома, он принял с восторгом, взял приготовленные деньги и был таков. Выиграл! В первый же вечер. Правда, не машину, а тысячу рублей. Но чистыми, с учётом денег, поставленных на кон, так и того больше. Долго и возбуждённо, в предвкушении большого куша, обсуждали успех. С этой тысячей на другой выходной, муж был вновь послан за удачей в соседнюю улицу. Ему велено было купить на все. Спросить с судьбы «по полной». И вновь улыбка фортуны!

Чуть меньше – 700 рублей чистыми. Но всё-таки не в проигрыше. И это – несомненные знаки, что дело идёт к запланированному, по-крупному, выигрышу.

Теперь муж каждую субботу, как на работу, только с большей охотой, ходил в казино. Возвращался под утро. Благо, на завтра был выходной. Всё воскресенье, конечно, спал, потому что в казино отдых лишь относительный: дым, жуткое, до нервных срывов, напряжение, когда следишь, на что карта ляжет или шарик закатится.

Когда наступил дачный сезон, Алексей попросту отказался ездить на участок – он рвался в казино. Мотивировал тем, что с дачи нет никакого проку: дорога, семена, плата за воду, прочие расходы, безусловно, не окупают себя. А автомобиль, который можно выиграть в казино, стоит того, чтобы не таскаться на опостылевший участок. Тем более, Алексей уже высчитал формулу, действуя в соответствии с которой, точно можно в скором времени сорвать куш.

С трудом удалось затащить мужа в одну из пятниц на огород, и то лишь потому, что сосед ехал один и смог взять с собой и Викторию, и Алексея, и Настю с ребёнком. На электричке муж бы не поехал. Но Алексей в буквальном смысле сбежал в субботу днём, никому не сказавшись, чтобы пойти в казино – именно сегодня по его формуле он должен выиграть. Семье, конечно, не говорил, но участок, на котором осталось брошенное в угоду игре семейство, был заложен. Под него взята сумма, практически вся спущенная в игорном заведении, которое всё меньше баловало Алексея.

...На даче очень хорошо спалось: воздух, тишина. А сны какие тут снились! Ложась спать, Вика представляла, как будет выигран автомобиль, как на разницу между проданной новенькой «Хондой» и подержанной «десяткой» они пристроят к дачному домику террасу. Виктория – значит, победа. Она вывела формулу успеха в жизни, чувствовала себя человеком, который уже почти помыкает судьбой, заставляет идти у себя на поводу. Да, фортуна куда ещё брыкается. Но ничего: не сегодня – завтра...

Это непередаваемо приятное, волнующее ощущение – чувствовать себя властелином судьбы. В самых радужных тонах Вика все эти будущие дары прирученной судьбы представляла. И не представляла, что спит уже не на своей даче, что ездит сюда последний сезон. Но обволакиваемая сном золотым, который сама себе наваяла, Виктория была совершенно счастлива.

Под эти сладкие мысли повелительница судьбы засыпала.

ЮБИЛЕИ

Василий ПОЛЯКОВ

К 120-летию со дня рождения Сергея Есенина

Военный санитар № 9999, ефрейтор Сергей Есенин

3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в селе Константиново Кузьминской волости Рязанской губернии родился Сергей Александрович Есенин. Его родители – Александр Никитич Есенин и Татьяна Фёдоровна (в девичестве Титова) были потомственными крестьянами помещика И.П. Кулакова, имевшего свои ночлежные дома в Москве на Хитровом рынке и получавшим от них огромные доходы. Родители Сергея поженились

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

рано: Александру Никитичу было восемнадцать, а Татьяне Фёдоровне – шестнадцать с половиной.

Александр Никитич рано стал самостоятельным человеком. Когда ему исполнилось 12 лет, умер его отец, Никита Осипович. Мать, Аграфена Панкратьевна, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Старше Александра была его 14-летняя сестра, а из мужчин в доме он остался за старшего (двое братьев были моложе). Его образование было завершено в 13 лет с окончанием трёхклассной сельской школы. Через знакомых мать тут же определила его в «мальчики» в один из московских магазинов, где он работал только за еду и одежду, не получая жалованья. При такой жизни каждый приезд на побывку в родное Константиново был для Александра праздником. На одной из деревенских вечёрок и приглянулась ему его будущая невеста и жена.

Татьяна Титова была стройной, красивой и яркой девушкой, любила организовывать весёлые игры, была лучшей песенницей на селе, хорошо играла на маленькой гармонии «черепашке».

Семья Есениных нуждалась, поэтому сыграв свадьбу, Александр Никитич сразу же вернулся в Москву, на работу. Он уже получал жалованье и большую его часть отсылал в деревню матери и жене.

С первых же дней на плечи молодой женщины, Татьяны Есениной, легли большие хозяйственные заботы. Чтобы прокормиться с тремя своими детьми, её свекровь, Аграфена Кондратьевна, набрала квартирантов из числа каменщиков, маляров и живописцев, работавших в это время в церкви и часовне. Игры, песни и пляски под гармони, веселые вечёрки и посиделки в жизни молодой женщины оборвались сразу и сменились нуждой, стиркой, уборкой, хлопотами обо всех членах семьи и многочисленных постояльцах, тоской по мужу и ожиданием родов.

Полновластной и жёсткой хозяйкой в крестьянском доме была свекровь. Восприятие жизни и характеры у Аграфены Кондратьевны и Татьяны были уж очень разными. Не сошлись они характерами. Не наладились и нормальные отношения.

После родов и смерти первенца положение Татьяны Есениной в чужом доме стало ещё труднее. Дело в том, что довольно скоро женился брат мужа Иван, появилась новая невестка Софья, которая сумела поладить со свекровью, не перечила ей, угождала. Софья скоро стала любимицей Аграфены Кондратьевны. А Татьяна вновь была на сносях, ждала второго. Вторым родился Сергей.

Татьяна Фёдоровна прожила у свекрови восемь лет (из них четыре вместе с Сергеем). Когда сыну исполнилось четыре года, мать Сергея не выдержала обстановки в доме свекрови и ушла в родительский дом, к своему отцу Фёдору Андреевичу и матери Наталье.

У Фёдора Андреевича было четверо детей. При возвращении в дом Татьяны двое её братьев были уже женаты, у одного были свои дети. У Фёдора Андреевича Татьяна была единственной дочерью и любимицей, но, поразмыслив, он понял, что в его доме положение дочери ничем не будет отличаться от её положения в доме свекрови. И тогда дед Фёдор взял внука Сергея к себе в дом на воспитание, а его неграмотную мать послал в город на заработки, приказав высылать на содержание Сергея 3 рубля в месяц.

С этого времени беспаспортная крестьянка Татьяна Фёдоровна Есенина жила и работала в людях то прислугой в Рязани, то работницей кондитерской фабрики в Москве. Оскорблённая своим положением, эта гордая русская

женщина, несмотря на трудную жизнь и маленький заработок, всё время просила у мужа развод. Александр Никитич любил свою жену, но не имел денег снять комнату в Москве. И вообще, как всякий русский крестьянин, он считал развод позором, понимая, что ждёт его разведённую жену-работницу в городе.

Пять лет продолжалась эта мучительная неопределённость. В конце концов, Татьяна Фёдоровна вернулась к мужу и через год родила ему дочь Екатерину (1905-1977), а ещё через 6 лет – дочь Александру (1911-1981). Сёстры namного пережили своего брата.

А Сергей воспитывался в доме деда, где даже спал с ним на печке. Фёдор Андреевич был человеком общительным, умным и довольно зажиточным. В молодые годы он каждую весну уезжал в Петербург, где нанимался в извоз дров на барках. Через несколько лет такой работы он скопил денег и приобрёл свои баржи, которые начали приносить довольно приличный доход. После многодневного изнурительного труда в сыром Петербурге без выходных и праздников дед любил осенью погулять и повеселиться в родном селе Матово. Обладая широкой русской душой, дед любил размах во всём: в работе, в гулянье, в песне. Часто по случаю возвращения Фёдора Андреевича Матово гуляло неделю, причём вино тогда выставлялось ведрами, а гулянье, пляски, песни, игра на гармонии, смех катились по селу круглые сутки.

Бабушка Наталья была совсем другого склада. Она была доброй, ласковой, но тихой и кроткой. Последние качества развились в ней смолоду от большой страсти ходить по монастырям и церквям для очищения души и приближения к святости. В доме часто собирались духовные странники, слепцы, пели молитвы и духовные стихи о неведомом граде и прекрасном рае. С малых лет Сергей Есенин сопровождал свою бабушку Наташу в Радовецкий монастырь, располагавшийся от их села вёрст за сорок.

В 1904 году Сергею исполнилось 9 лет. Дед отдал его в 4-х-классное Константиновское земское училище (сельскую школу). Сергей был очень способным учеником, а в неурочное время верховодил среди сверстников. Он рано пристрастился к чтению, обладал хорошей цепкой памятью, особенно на стихи. Есть сведения, что и сам он начал писать стихи с девяти лет. По характеру Сергей был непоседа, шалун и драчун. Из-за драк и шалостей в третьем классе его оставили на второй год, но в 1909 году он окончил школу с похвальным листом. По свидетельству сестры Екатерины, в это время неожиданно из Москвы приехал отец, Александр Никитич, привёз гостинцы и две красивые рамки со стеклом. Отец снял со стены свой потрет и портрет Татьяны Фёдоровны, а на их место повесил похвальный лист Сергея и выданное сыну свидетельство об окончании школы. Потом снятые портреты он повесил под этими документами. Когда пришёл Сергей, отец с улыбкой показал ему свою работу. Сергей тоже улыбнулся в ответ. В Константиново редко кто имел похвальный лист.

Кроме того, в качестве поощрения Сергею Есенину дали рекомендацию для поступления в Спас-Клепиковскую 3-х-годичную церковно-учительскую школу или в Рязанское духовное училище. Карьера священнослужителя была Есенину не по душе. А школа готовила преподавателей для сельских начальных училищ и церковноприходских школ. Захватив сундучок с книгами и постельными принадлежностями, Сергей вместе с матерью отправился на лошадях, а потом по железнодорожной узкоколейке в большое торговое село купеческого склада Спас-Клепики, располагавшееся на полноводной и

судоходной реке Пре. Сергей без труда сдал вступительные экзамены и, прощавшись с матерью, поселился в интернате на втором этаже этой школы. Сейчас в этой школе музей Сергея Александровича Есенина. В классной комнате, выходящей окнами на речку Совку, второй во втором ряду от окна стоит парта. Большим кленовым листом помечено место, принадлежавшее Есенину.

Несмотря на бурсацкие нравы, царившие среди довольно развязных и наглых одноклассников, необходимость отстаивать свою независимость неуступчивостью и драчливостью, строгий интернатский режим под наблюдением дежурного учителя, неоднократные попытки «убежать из этого ада», Сергей был многим обязан Спас-Клепикам. Здесь произошло качественное возмужание Есенина. Он сам осознал себя поэтом и получил полное одобрение учителей и товарищей.

Однако смею утверждать, что настоящим поэтом Сергей стал ещё во время учёбы в Константиново. Перечитайте...

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска весёлая в аlostях зари.*

А теперь посмотрим на дату написания этих стихов – 1910 год. Просто невероятно! Этот шедевр создан в 15 лет...

В 1912 году Есенин окончил Спас-Клепиковскую школу с аттестатом «учителя школы грамоты». Родители мечтали, чтобы сын окончил ещё и учительский институт, но Сергей уже всерьёз обдумывал другое.

С 1912 по 1915 год он жил и работал в Москве. Сначала Есенин был конторщиком в лавке купца Крылова, затем продавцом в одном из книжных магазинов, экспедитором в типографии И.Д. Сытина, корректором в типографии Чернышёва-Кобелькова. С 1912 года познакомился он с литературно-музыкальным кружком имени крестьянского поэта Ивана Захаровича Сурикова (1841-1880). Этот кружок был содружеством людей творческого труда, выросших в среде крестьян, городских ремесленников и рабочих. Своей деятельностью кружок решал задачи по выявлению, объединению, помощи и воспитанию музыкантов, певцов, «писателей-самоучек».

В 1913-1915 гг. Есенин посещал вольнослушателем лекции по истории, логике, философии, политической экономии и литературе на историко-философском факультете академического отделения Университета имени А.Л. Шанявского.

Во время работы в типографии И.Д. Сытина, в 1913 году, Есенин познакомился с Анной Романовной Изрядновой (1891-1946), работницей типографии. Был он, по её свидетельству, «кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом». Из-за

безденежья, невозможности напечатать свои стихи, серьёзно заниматься литературной работой был он угнетён, но самолюбив и заносчив. Изряднова оказалась тем человеком, которому Есенин открыл свою мечту стать профессиональным поэтом. В 1914 году они вступили в гражданский брак, а в декабре у них родился сын Юрий (1914-1938). Но жизнь была неустроенной, безденежной. Работа отнимала все силы, стихи было писать некогда. В декабре Есенин бросил работу в типографии Чернышёва-Кобелькова. В это трудное время иногда выручал деньгами отец, Александр Никитич, но постоянно при этом журил сына, что он занимается не делом, что надо работать, а он стихи пишет. Разве это занятие для серьёзного мужика?

А в это время вместе с «суриковцами» Есенин участвовал в выпуске журнала «Друг народа», являясь секретарём нового издания, а затем и членом редколлегии. Но уже в феврале 1915 года, при подготовке второго номера, выяснилось, что Есенин относился к поэтическому творчеству очень серьёзно. Как член редколлегии он был против публикации несовершенных в художественном отношении материалов. Его коллеги, учитывая невысокий образовательный уровень «авторов-самоучек», считали, что Есенин в качестве редактора требователен сверх меры. Возникли непоправимые разногласия. Не считая для себя возможным поддерживать неправильную линию редколлегии, Есенин вышел из её состава.

Стремясь познакомиться с большими, настоящими поэтами, войти в их круг, узнать подлинную оценку своего творчества, в марте 1915 года Есенин переселился в Петроград. В столице он успел быстро познакомиться с поэтами Александром Блоком, Сергеем Городецким, писателем Михаилом Мурашёвым, издателем В.С. Миролюбовым.

Походы по редакциям оказались успешными. Стихи приняли в печать «Ежемесячный журнал», «Новый журнал для всех», «Задуманное слово», «Огонёк», «Голос жизни», «Русская мысль» и даже газета «Биржевые ведомости».

Есенина заметили, оценили, стали проявлять интерес к нему. Даже писатели-декаденты, подчёркивая своё пристрастие к деревенской экзотике, пригласили Сергея читать свои стихи на одном из устроенных ими воскресных собраний.

Но с 1914 года Россия была втянута в войну. Положение на фронте становилось всё более напряжённым и серьёзным. Поражение русских войск в Восточной Пруссии, гибель тысяч солдат на галицийских полях и в пределах Карпат заставили царское правительство объявить призыв в армию и лиц 1895 года рождения.

Понимая, что его скоро призовут, Есенин заторопился в родное Константиново, чтобы перед действительной службой побыть дома и повидаться с родными. Но уже через несколько дней после приезда в Константиново Есенин вызвали в Рязань на комиссию.

Светлокудрый, изящно сложенный, голубоглазый и опрятный Есенин в глазах военных медиков был воплощением идеального русского воина. После недолгого, но тщательного осмотра, почти каждый врач писал заключение: «годен к строевой службе». Но врач-офтальмолог обнаружил у Есенина дефект зрения. Так начинающий поэт получил отсрочку от призыва.

С мая по октябрь 1915 года Есенин жил в родной деревне Константиново. Интенсивно работая, двадцатилетний поэт познал вкус подлинного вдохновения. Он написал множество стихотворений, два рассказа, повесть, а также

записал все те частушки, загадки, сказки, песни, которыми так щедро одарили его односельчане.

В начале октября Сергей вернулся в Петроград, подготовив рукописи двух книг. Одна была названа им «Рязанские побаски, канавушки и страдания», а другая – «Радуница». Такое название сборнику своих стихотворений Есенин придумал ещё три года назад. Радуница – это весенний языческий праздник, связанный у восточных славян с культом предков. Издатель Аверьянов 16 ноября 1915 года заключил с автором договор на выпуск «Радуницы» тиражом в три тысячи экземпляров. Для поэтического сборника это был большой тираж. В начале февраля 1916 года первая книжка стихотворений Сергея Есенина увидела свет.

А 25 марта 1916 года молодого поэта снова вызвали в воинское присутствие. На сей раз это произошло в Петрограде. Большие потери на фронте вынудили снизить медицинские требования к призывникам. На этот раз врачи признали Есенина годным к военной службе с зачислением санитаром в батальон запаса. Из этого батальона формировали маршевые команды, которые отправляли в качестве резерва в места наиболее жарких боёв.

Однако после выхода из типографии «Радуницы» в столице уже узнали Есенина как молодого своеобразного и талантливого поэта. Через Мобилизационный отдел Генерального штаба штаб-офицер для поручений при дворцовом коменданте полковник лейб-гвардии Павловского полка Д.Н. Ломан добился прикомандирования Есенина к Царскосельскому военно-санитарному поезду №143 имени императрицы Александры Фёдоровны. Есенин прибыл в Царское село 20 апреля 1916 года и получил погоны с ефрейторской нашивкой и специальным вензелем упомянутого поезда, а также фуражку с овальной кокардой и красным крестом. Санитару Есенину присвоили и личный номер – 9999.

Д.Н. Ломан во время войны стал начальником Царскосельских офицерского и солдатского лазаретов и уполномоченным императрицы по военно-санитарному поезду. Под его началом Есенин нёс и гарнизонную, и военно-санитарную службу, работал в лазарете и выезжал с санитарным поездом на фронт. Работа санитаря тяжела и физически, и морально. Трудно сказать, сколько искалеченных войной людей пришлось уложить на носилки, поднять, перенести, ухитриться зафиксировать, бережно поднять по крутой и неудобной вагонной лестнице, пронести по вагону и переложить на поездную койку санитару №9999 и его пронумерованным согласно закону военного времени товарищам. Нелегко представить, из каких только мест не пришлось Есенину повидать молодых израненных и больных крестьянских, купеческих и дворянских сыновей, сколько грязи, крови и гноя обмыли и обтёрли его трудовые крестьянские руки. Можно только догадываться, сколько трагических исповедей услышал поэт, сколько повидал горя, как часто слышал ругань, стоны, выкрики в бреду раненых, тяжелобольных и умирающих солдат и офицеров. Почти круглосуточное бдение, тяжёлый физический труд до изнеможения, близость чужого горя и страданий, частые смерти совсем ещё молодых людей угнетали Есенина и заставляли его глубоко страдать. В годы войны им написано очень мало. В основном поэзия той поры выливается в небольшие пейзажные зарисовки, увиденные усталым, тоскующим и очень одиноким человеком.

При каждом выезде санитарного поезда к месту боевых действий Есенин подносил раненых на носилках к вагонам, записывал их в регистрационные журналы, сопровождал раненых по железной дороге, поил их, кормил,

обмывал и обчищал их в пути и то же самое делал в лазарете в промежутках между рейсами.

База санитарного поезда и оба лазарета находились на территории Царскосельского Фёдоровского городка. По замыслу строителей архитекторы спроектировали и начали строить городок в древнерусском стиле, обнеся его стеной с башнями. Городку отводилась роль придворного музея для пропаганды художественных достижений Древней Руси.

Есенина поместили в одной из комнатух этого недостроенного городка. Вместе с ним в этой же комнатухе располагались ещё трое санитаров из военнослужащих нижних чинов. У каждого была покрытая серым суконным одеялом койка, а над ней висели вышитое полотенце и табличка с указанием фамилии.

Служба была тяжёлой не только из-за тяжести профессиональных обязанностей. Больше всего Есенина угнетало, что офицеры смотрели на него свысока и почти в приказном порядке заставляли его писать хвалебные стихи офицерам, придворным и верноподданнические оды царю и царской фамилии. Но из этого ничего не получилось. Сложившийся поэт не захотел, да уже и не мог исправить или переломить своё дарование.

Непонимание и неприязнь между талантливым и несговорчивым самородком и вымуштрованными офицерами Его и Её Императорского Величества росли с каждым днём. По всей вероятности, в будущем офицеры вряд ли бы потерпели несговорчивость и самостоятельность балующегося стихами ефрейтора. Они бы нашли повод и время указать ему его место. Трудно сказать, чем бы это обернулось для Есенина, но в июне 1916 года у него случился приступ аппендицита. После операции и выписки из лазарета он получил отпуск на родину. Есенин на короткое время съездил в Константиново, где застал семью в крайней нужде, почти голодающую из-за болезни отца и отсутствия денег.

Есенин прослужил санитаром до 23 февраля (8 марта) 1917 года. За месяц до этого, 14 января, протоиерей Владимир Кузьминский привёл Есенина вместе с другими солдатами к военной присяге. После принятия присяги отказываться от предписаний полковника Ломана санитар ефрейтор Есенин в условиях военного времени права не имел. В связи с этим Есенину приходилось выступать с чтением своих стихов на завтраке в честь членов «Общества возрождения художественной Руси», на приёме во дворце в присутствии царских дочерей, а один раз – в присутствии самой императрицы Александры Фёдоровны.

Но ничего ура-патриотического из его уст царские особы не услышали – ни прославления культурной миссии Фёдоровского собора и деятельности Общества возрождения художественной Руси, ни восхваления лика и военной доблести царя, ни умиления милосердием царицы. Есенин читал выстраданное – грустные и печальные стихи о России. Известно, что никому из членов царской фамилии Есенин не приглянулся и не понравился. Ломану недвусмысленно намекнули, что хотели слышать из уст так восхваляемого им таланта.

Вот тогда последовало второе предписание. Ломан рекомендовал Есенину написать цикл стихотворений или поэму, прославляющую лик царя и царской фамилии. Были обещаны внеочередные отпуска и рекомендовано привлечь в помощь известного крестьянского поэта, с которым в ту пору Есенин был дружен, – Николая Клюева. Известно, что оба поэта решительно отказались создавать такой цикл стихов или поэму.

В этот раз уже не обошлось без наказания. Есенину вручили «экстренный отзыв». По существу это было командировочное предписание, которое гласило, что санитар ефрейтор Есенин должен отбыть 23 февраля 1917 года из Царского села в Могилёв в распоряжение командира Второго батальона сводного пехотного полка. Это был фронтовой дисциплинарный батальон, куда отправляли из столицы проштрафившихся нижних чинов.

А 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 года в Петрограде забастовали 128 тысяч рабочих. Отмечающийся Международный женский день большевики использовали для митингов и собраний, направленных против войны, дороговизны и тяжёлого положения работниц. На следующий день в забастовках и стачках участвовало уже 214 тысяч человек. 25 февраля (10 марта) началась всеобщая политическая стачка, парализовавшая экономическую жизнь Петрограда. 27 февраля (12 марта) всеобщая политическая стачка переросла в вооружённое восстание. В стране началась вторая русская революция, вошедшая в историю как Февральская буржуазно-демократическая революция. С 27 по 28 февраля (12-13 марта) к восставшим рабочим за два дня присоединилось от 10 тысяч первоначально до 127 тысяч солдат. Совместными усилиями вооружённые рабочие и солдаты 27 февраля (12 марта) почти полностью овладели Петроградом. В их руки перешли мосты, вокзалы, Главный артиллерийский арсенал, телеграф, Главный почтамт и важнейшие правительственные учреждения. Были разгромлены полицейские участки и захвачены тюрьмы, выпущены политические заключённые. 28 февраля (13 марта) пали Петропавловская крепость и Зимний дворец. Министры царского правительства были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость.

2 (15) марта царь Николай Второй отрёкся от престола за себя и за своего малолетнего сына Алексея в пользу младшего брата Михаила. На следующий день великий князь Михаил Александрович также отрёкся от престола.

2 марта Временный комитет Государственной думы 1917 с одобрения Исполкома Петроградского совета (вопреки протесту большевиков) образовал Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым.

Став очевидцем и свидетелем революционных событий в Петрограде, Есенин не смог отбыть в Могилёв и вернулся в Царское Село. Служивших царю и отечеству придворных офицеров уже и след простыл. Штат санитарного поезда №143 был непомерно велик. Его решили сократить. Есенин подпал под сокращение штатов. 17 марта (30 марта) 1917 года поэт получил предписание Временного правительства в Петроград в распоряжение Военской комиссии при Государственной думе для зачисления в школу прапорщиков.

Однако Есенин прекрасно понял, что собой представляет Временное правительство князя Львова. Ему, крестьянскому сыну, в 20 лет надевшему солдатскую шинель и столкнувшемуся с изнанкой политики войны до победного конца, с княжеским правительством было не по пути. Есенин самовольно покинул армию А.Ф. Керенского.

Опасаясь принудительного возвращения на военную службу и репрессий со стороны новых властей, Есенин ездит из одного конца страны в другой. С конца марта до конца мая он живёт в Москве, затем два летних месяца проводит в родной деревне Константиново, потом возвращается в Петроград.

А ранней весной 1917 года, в Петрограде, в редакции «Известий», Есенин познакомился с очень красивой женщиной – Зинаидой Николаевной Райх. Есенин принёс в редакцию одно из своих стихотворений и, ожидая приёма у редактора, разговорился с машинисткой. Беседа продолжалась больше трёх

часов. Есенина уже неоднократно вызывали к редактору, но он только отмахивался и говорил: «Потом! Чуть позже!»

После путешествия с двумя приятелями и Зинаидой Николаевной к Белому морю, на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович вдруг сказал ей громким шёпотом: «Я хочу на вас жениться». Ответ: «Дайте мне подумать» – его немного рассердил. В конце концов, было решено венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму «Вышли сто, венчаюсь» – деньги выслал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал букет полевых цветов по пути в церковь. 4 августа 1917 года брак Есенина и Райх был зарегистрирован.

Так закончился дооктябрьский период жизни Есенина и его служба военным санитаром.

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич Гребнев – родился в 1941 г. в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. В 1965 году окончил Пермский медицинский институт, работал в сельской больнице Кировской области, продолжает работать врачом в Перми. Окончил литературный институт им. М. Горького (1970–1976). С 1978 года – член Союза писателей России. В 1972 году вышел первый поэтический сборник «Приволье», включавший и поэму «Бессмертник». За ним последовали «Родословная» (1977), «Зеленый колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991). Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ (2004).

Живёт в Перми.

«Когда же эта боль отхлынет...»

Четверть пенсии

Чем дальше прошлое, тем ближе –
Я в нём бывать не устаю.
Глаза закрою и увижу
Живую бабушку свою.

И сразу на сердце светает,
И сходят сумерки на нет,
Как будто бабушка – святая,
Ведь от неё исходит свет.

Всю скорбь и горе через годы,
Как будто ветром, унесло.
Любые детские невзгоды
Сегодня смотрятся светло.

И все былые страсти гаснут,
Как в тёмном омуте круги.
Неужто было: красный галстук
С нательным крестиком – враги?

Мне, пионеру, чем гордиться?
Зачем в той проклятой поре
Посмела бабушка родиться
И выйти замуж при царе?

Так я капризничал – сердился
И краю не было слезам.
За стол садился – не крестился,
Без «Слава Богу» вылезал.

...На всю избу: «Бесса ме мучо...» –
Сестра страдаючи поёт,
А бабушка нам: «Бес вас мучит!»
И художками зовёт.

Сама в работе неустанной –
Хоть нынче в ножки ей вались!
Она летала-хлопотала,
Сухая, как осенний лист.

В дому – сплошные недостатки!
Но вот настали времена:
Колхоз ей пенсию назначил –
Двенадцать рубликов – сполна!

...Какие годы пролетели!
Но всё ж не канули во тьму.
Я к сердцу крестик свой нательный,
Вздохнув о бабушке, прижму.

Чей голос вдруг меня окликнул?
Она в толпе меня нашла:
Конец студенческих каникул,
Я еду в город из села.

Тогда, на проводах, бывало –
Теперь ты понял, дуралей! –
Она не трёшницу совала,
А четверть пенсии своей.

Несётся с грохотом экспресс,
И за окном неумоимо
Вперёд плывёт далёкий лес,
А ближний лес, в круженьи весь,
Летит, раскручиваясь, мимо.
Но стоек лес, и тем верней
Он держит заочь и воочью
Несметной силою корней

Свою наследственную почву.
 Я это чувствую,
 И грусть
 Опять со дна души сорвётся.
 Зачем я в даль чужую мчусь?
 Когда я в дом родной вернусь,
 В дом, почерневший от сиротства?

Когда же эта боль отхлынет,
 Не будет литься кровь-руда?
 Когда, когда на Украине
 Затихнет смертная страда?
 Когда среди жилищ разбитых
 Не станут матери рыдать,
 Детей, снарядами убитых,
 Устанут в землю зарывать?
 Но мировое окаянство
 Всё тешит злые мечты,
 Чтобы могилой для славянства,
 Саур-Могила, стала ты.
 Чтоб восставали непрестанно
 Среди прадедовских равнин
 С братоубийственной бранью
 На славянина славянин.
 Но скоро, скоро час настанет:
 Кто враг,
 Кто друг –
 Народ поймёт,
 Тогда воздвигнет на майдане
 Для президента эшафот!

Я забываюсь и бегу
 Туда, где мы с тобою были –
 Как будто там, на берегу,
 Мы, второпях, любовь забыли.

А там полынь да лебеда
 На всём пути пустопорожнем.
 Нет, не вернуться никогда,
 Куда вернуться невозможно!

Среди утрат и потрясений
 Я не предаю своей мечты:
 Есть у меня одно спасенье,
 Одно спасенье – это ты.

Душа ещё не износилась,
 Лишь скорбный опыт обрела.
 И если вправду – жизнь приснилась
 Ты лучшим сном в том сне была

Как нам до счастья достучаться? –
 Ведь ты одна, одна, одна!
 Твоё несбывшееся счастье –
 Моя невольная вина.

Но ты поверь, что так бывает:
 На предпоследнем вираже
 Любовь с годами прибывает
 В моей измученной душе.

И пусть привычна боль разлуки
 И на разрыв непросто жить –
 Я верю, верю – эти муки
 Нам Бог поможет разрешить!

Листвень

Памяти Валентина Распутина

На душе безутешно и мглисто,
 Сумрак этот свинцово тяжёл:
 Рухнул ты, несгибаемый Листвень,
 На сажень в ту же землю вошёл!

Был ты нам словно тайная милость –
 Наша совесть, опора и свет.
 Знать, душа у тебя надломилась,
 Столько бед на неё навалилось,
 Столько мук нестерпимых и бед.
 Отдохни.

Пусть хоть нынче не давят
Грудь усталую скорби твои
И сквозь сон до тебя долетает
Вечный говор ангарской струи.

По ночам это звёзды мне шепчут,
Что в тоске по заветным местам
У друзей, в поднебесье ушедших,
Души снова встречаются там.

Обнимаются души родные,
И, плечу подставляя плечо,
Все печали и беды земные
Обсуждают они горячо.

Есть там с кем перемолвиться словом,
Кто Небесную Русь бережёт.
Снова ты с незабвенным Беловым.
И Макарыч присядет в кружок.

Хорошо, что ты есть у меня

Нас вдвоем не побьёшь,
 Не повалишь –
Хорошо, что ты есть у меня! –
Так сказал мне мой друг и товарищ
На краю беспросветного дня.

Толковать нам об этом не нужно,
Всё, что есть,
Всё, что было, цена.
Есть мужская надёжная дружба.
Хорошо, что ты есть у меня.

Без огня даже чай
 Не заваришь.
Словно погреб, душа без огня.
– Наливай, да покрепче, товарищ!
Хорошо, что ты есть у меня.

По дороге пихтовые ветки –
Значит, гроб на погост повезли.
Это памяти скорбные метки
По обычаю нашей земли.

Замедляешь ты шаг поневоле,
Представляя того, кто в гробу,
И к его человеческой доле
Ты свою примеряешь судьбу.

Я на свете люблю всё живое!
Но когда мне придётся заснуть,
Пусть пихтовая нежная хвоя
Отмечает последний мой путь.

Пусть такой же прохожий случайный,
Грустно голову долу клоня,
Обо мне, о себе ли печалюсь,
Остановится в сумерках дня.

ПОЭЗИЯ

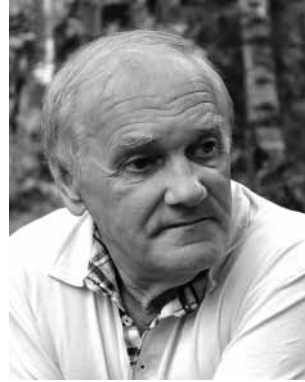
Юрий РЫЧЕНКОВ

ЮРИЙ РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

Слово о Евпатии Коловрате

Эпическая баллада

*От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатию.*

С. Есенин

1

Запылали костры по полям и лесам.
По прибрежным погостам, глухим деревням
Горький запах беды расстился.
Выли жалобно псы, и с испугом народ,
Тёплый дом покидая в заснеженный год,
В непролазной Мещёре скрывался.

Но крутом берегу полноводной Оки –
Храм с затейливым хором, резные коньки
Мирных изб с голубыми дымами;
Это встала Рязань, стольный княжеский град,
Словно гостя Придонья, ухоженный сад,
Меж дремучих лесов и степями.

И со стен городских – безмятежная даль
И урочищ поёмных покой и печаль
Расстились ковром безграничным.
И росла тишина, и мороз лютовал,
А над городом клёкот вороний летал
В ожидании скорой добычи.

А в унылой степи, в белоснежном шатре,
Кудреван хитродумный на ранней заре
На великий поход собирался.
Поднимался от шпор в латах царственных конь,
И седок перед строем, поднявши ладонь,
В дальний запад перстом упирался...

Век тринадцатый шёл древнерусской землёй..
Вторглись в мир красно-белый голодной ордой
С диким криком татаро-монголы.
Разметала покой иноземная брань,
Билась денно и ночью на стенах Рязань,
Презирая и смерть, и неволю.

Подошли степняки к древним стенам кремля,
Под копытами гулко стонала земля,
И зловеще скрипели пороки.
Чуть забрезжил рассвет, взорвалась тишина,
Задрожала от тяжких ударов стена,
Бой с зарёй разгорался жестокий.

Восемь дней и ночей бился город с врагом.
С чужаком горожане сражались и сном:
Нет замены безмерно уставшим.
Засыпали без сил крепким сном на ногах,
И всё меньше людей на разбитых стенах –
Нет замены в сражении павшим.

Много тысяч татар разметались у стен,
Их сменяли другие, и жителей в плен
В бесноватом угаре не брали.
Город пал наконец... Замерла тишина.
И земля в свежих ранах зловеще черна,
И померкнули светлые дали.

2

Уязвлённый Батый в первом долгом бою,
От Рязани на Суздаль лавину свою
Властным жестом направил тщеславно.
Чтоб на вольный простор пала вечная мгла,
Чтобы русскую землю разрушить дотла,
Чтобы веры лишить православных.

Чёрным вороном весть понеслась над землёй
И явилась в Чернигов с вечерней зарёй,
Где рязанский боярин гостился.
Как узнал Коловрат ту тревожную весть:

Топчет войско Батыя и веру, и честь –
Он в родную Рязань возвратился...

Всколыхнулась душа, час суровый настал,
И в великой печали Евпатий застал
Отчий дом до конца разорённым:
Сотни трупов кругом, да останки церквей,
Да студёные ветры немых пустырей
Расстилались землёй обожжённой.

Тишь такая вокруг, что звенело в ушах,
Будто нечисть гуляла в широких полях,
Будто замерло вдруг всё живое.
Снег на лицах лежал мирно спящих бойцов,
Алый отсвет заката по гребням снегов
Вдаль скользил в леденящем покое.

И вскричал Коловрат, веру в сердце храня:
«Кто душой неспокоен, услышьте меня,
Почесть нашу Батыю окажем!?»
И собрался народ под две тысячи душ,
Шли, кто телом не вышел и силою дюж,
Но готов был к сражению каждый.

Поспешили вдогон по следам степняков,
Выжимая все силы из пеших бойцов,
У которых в руках «что попало».
На Владимир шёл враг, сея смерть по пути,
Но до цели не смог он спокойно дойти:
В «тело» врезалось русское «жало».

Вдоль Оки шёл отряд, догоняя врага,
За отрядом смыкались седые снега,
С каждым часом Рязань удалялась.
Только гнев всё сильнее, нестерпимее жёт
За погибель рязанцев, за отчий порог,
Так, что сердце в груди раскалялось.

И, казалось порой, не догонят татар,
От коней на морозе – клубящийся пар,
Шли в снегу не жалеючи силы.
Не могли допустить торжества басурман,
Поголовную сечу рязанских мирян,
Чтобы «гости» ушли от могилы.

Боя ждал Коловрат и, молясь небесам,
Трогал ладанку пальцем, в которую сам
Спрятал горькой землицы щепотку.

Грел словами бойцов, подуставших в пути,
Те, смеясь над упавшим, старались идти
Припорошенным снегом болотцем.

Трое суток в пути. Занимался восход.
Не дошли до Коломны дневной переход,
И увидели дым от пожаров.
И немного пройдя, разглядели шатры.
Сотни пришлых людишек палили костры –
На ночлег собирались татары...

3

Налетел на врага быстрый конный отряд.
Чужакам стал кровавым морозный закат:
Смерть за каждым бугром поджидала.
Словно ожили вдруг те, кто пали в бою,
И, догнав чужеземцев, за землю свою
За двоих каждый бился удало.

Словно вихрь налетал и скрывался вдали:
Гнула тёмную силу до мёрзлой земли
Русских воинов смелая горстка.
Много тысяч в боях грозный враг потерял,
Но потерь не считая, врага истреблял
Русский меч с беспощадным упорством...

Весь закутан в меха, на подушках сидел
У огня царь-Батыга и гневно гремел:
«Не встают те, кто пали, из мёртвых!»
Рядом с ним восседал его шурин Батур,
Отвечал храбрый воин, подавлен и хмур:
«Сотни наших не встанут из мёртвых».

Защищая тылы от внезапных атак,
Он, позвав Чингисида, подал ему знак:
Окружить в чистом поле дружину.
И отряды татар, растянувшись дугой,
По округе, сжимая бесчисленный строй,
Косьяками пошли по равнине.

И не мог Коловрат в то кольцо не попасть:
Много пеших в отряде и, чтоб воевать,
Выбрал холм невысокий под вечер.
Отдохнули в снегу под тревожной луной.
У Плещеева озера с первой зарёй
Состоялась их главная сеча.

Бились насмерть они в туче вражеских стрел,
Словно кровью героев, восток багровел,
С шумом битвы заря разгоралась.
И, смыкая кольцо, грозный враг наседа,
Бился в стену живую и вновь отступал:
Меч резвился, не ведая жалость.

А Евпатий мороз полной грудью глотал,
На щеках запотевших румянец играл,
И глаза правым гневом горели.
Он был молод, красив, неподвластен летам,
Вились русые кудри волной по плечам,
И ладони устало немели.

И, желая сразить белый символ врага,
Так, чтоб кричат зарылся в родные снега,
К знаменосцу коня он направил.
Но навстречу ему поединщик скакал.
Он, с врагом поравнявшись, момент ожидал,
А нахвальщик хитрил и лукавил.

Вот громадный монгол размахнулся мечом,
Изловчившись, Евпатий сверкнул палашом –
Меч кривой от удара сломался.
А ударом вторым он монгола рассёк
От плеча до седла. Натянув поводок,
Снова к цели по склону помчался.
Крик раздался «Вай-дот!» Как сражён Хостоврул,
Вызвал в стане татарском уныния гул,
И на время они отступили.
Но очнувшийся враг был и зол, и силён.
Сотни конных летели, и с разных сторон
Пеших с диким упорством теснили.

4

Много долгих часов длился праведный бой,
Но черниговцы дружно стояли стеной,
А татары всё больше смелели.
Много пало врагов от руки смельчаков,
Шли всё новые силы от вражьих шатров,
И ряды пеших русских редели.

В самой гуще врагов, где щиты горячи,
Где от яростных взмахов звенели мечи,
Выделялись два воина дюжих.
Не сгибаясь к земле, отражали удар,

В полный рост выпрямляясь, рубили татар,
Наводя на врагов страх и ужас.

А когда два бойца были рядом на миг,
Заглушая шум боя и раненых крик,
Разносился раскатистый возглас.
То рычал Ратибор: «Друг Евпатий, держись!
Ты рази окаянных, секи – не скупись», –
И размахивал палицей грозно.

«Сила есть, Ратибор, ты проклятых – вали», –
Отвечал звучный голос рязанской земли,
Меч свистел, всё вокруг сокрушая.
Кто меча избегал, тот от палицы пал.
В чём секрет ратоборцев, захватчик не знал –
Ими двигала вера святая.

Лучших воинов в бой посылала орда.
Урусатов упорство, потерь череда
Гнев рождали в глазах Бату-хана.
Взять живыми двоих приказал он орлам,
Но вернулся лишь сотник и, рухнув к ногам,
Что-то крикнув, затих бездыханно.

«Почему бог Сульде не карает курган,
Почему спят шаманы», – шипел Бату-хан,
Всем вокруг раздавая угрозы.
Но Сульде был сердит – не помощник в бою,
И шаманы мечтали в холодном краю
В степь уйти от снегов и морозов.

5

Долгой битва была, но стояли стеной –
Ратибор и Евпатий, хранимы судьбой,
Продолжали умело сражаться.
Тот же палицы гром, меч всё так же косил...
Бату-хан напряжённо за битвой следил,
И от ярости стал задыхаться.

«Лучших воинов бьют у меня на глазах,
Что за сила такая в могучих плечах?
Как заставить её усмириться?
Не видал я таких молодцов искони», –
Отвечал мудрый темник: «Не люди они.
Как из крепкого камня их лица».

От подсказки такой завизжал Бату-хан.
Отступили татары. И вдруг на курган,
Полетели большие камни:
Этот пороков град, стенобитных машин –
Перед ним беззащитен любой исполин –
Должен был разметать ополчение...

Лишь обман победил непокорный народ...
Те громадные глыбы решили исход,
Всё смешав в исполинской могиле.
Только так удалось усмирить удалцов...
Ратибор и Евпатий, как сотни бойцов,
Свои головы тоже сложили.

И Батый повелел показать смельчаков,
Тех, кто били нещадно умелых бойцов
И в сражении смерть победили.
Он в их лица смотрел, он в сражениях был,
Скорбно голову в тихой молитве склонил,
Царский жест все вокруг повторили.

Отпуская бойцов – ряд израненных тел,
Он сказал им: «Живите. А я бы хотел,
Чтоб все воины были такими».
Поднялись и пошли, победившие страх,
Дорогие останки несли на плечах,
И орда расступилась пред ними...

Заступничество святой Матрёны

Ао недавнего времени я и слыхом не слыхивал о такой святой. Да и потом, когда услышал, продолжал сомневаться – а есть ли такая на самом деле? Но дальнейшие события подтвердили – есть! Впрочем, обо всём по порядку.

– Ты знаешь, я нашёл хороший способ, как тебе спасти твою грешную душу! – без обиняков обратился я по телефону к старой подруге, едва набрав её номер.

– Это как же? – поинтересовалась она недоверчиво.

– Тебе следует срочно пожертвовать деньги известному писателю, и тогда черти не так сильно будут терзать тебя там, в преисподней. – Каюсь, грешен! Взял на себя смелость давать оценки тому, над чем был не властен.

– Денег ты от меня не получишь ни копейки, и не забудь ещё вернуть долг, те двадцать пять тысяч, которые взял раньше! – недовольно напомнила подруга.

А, чего? Двадцать пять тысяч – это ни то, ни сё, а вот, пятьдесят тысяч рублей – звучит красиво!

– Да полно напоминать-то! И так не забыл!

Обменялись, словом, любезностями.

– Что, трудно приходится? – спросила она, после короткой паузы.

– Нелегко! Не отказался бы от очередного займа!

Понимал, что просил впустую. Москва слезам не верит!

– Угольком в аду поделимся! – в тон ответила собеседница, и понизила голос. – Знаешь, что я тебе посоветую!

– Что же?

– Есть такая святая Матрёна, она помогает в подобных случаях. Сходи в церковь, обратись к ней, увидишь – поможет!

– Да ты что, с ума сошла, что ли! – последовала эмоциональная реплика. – Грешно смеяться над попавшим в беду человеком!

Никита Альфредович Николаенко – родился в 1960 г. Окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ, кандидат технических наук. Переводчик с венгерского языка. Публиковался в журналах «Южная звезда», «Сибирские огни» и др. Член МГО СП России. Живёт в Москве.

– Нет, серьёзно. Вот, я недавно обратилась к ней за помощью и получила наконец-то деньги, которые давно зависли.

Поясню для ясности. Предприимчивая подруга имела небольшое швейное предприятие.

– Так, тем более! Самое время помочь страждущим праведникам! – сел было я на любимого конка, но собеседница перебила.

– Денег не дам! А ты сходи, и не пожалеешь! – настойчиво повторила она.

– Какая Матрёна! Ты кому это предлагаешь? – справедливо возмутился я. – Бывшему заместителю секретаря партийной организации! Старая подруга прекрасно помнила то время и не понаслышке знала, о чём это я говорю, но в диспут вступать не стала.

– Я тебе совет дала, а там – как знаешь! – ответила она. – И вообще – некогда мне с тобой разговаривать!

Обменявшись ещё короткими любезностями, мы прекратили разговор. Я остался несолоно хлебавши.

Что заставило обратиться к старой подруге? Нежелание накапливать долги по квартплате? Найду деньги, хоть одной заботой меньше будет! – успокаивал я себя. Но деньги никак не находились, и тревога росла. Девочки – студентки, которые снимали комнату, слава Богу, съехали, а новых жильцов я пока не торопился подыскивать – мешают сосредоточиться! Где достать деньги?

Срочно разместил в Сети объявления о преподавании венгерского языка. Когда-то удавалось неплохо держаться на плаву благодаря репетиторству. Не сезон, правда, но лето уже закончилось. Должны появиться ученики. Должны!

Тем временем скудные запасы таяли на глазах. Как мог, утешал себя. Питание скудное – не беда! Зато, диетическое! Вон, каким стройным стал за последнее время! В лагерях, кстати, ещё хуже кормят. Время от времени, для поднятия боевого духа, я перечитывал «Один день...» Солженицына. Он, ведь, отсидел восемь лет, кажется. И ничего – дожил до седых волос! Гиляровский ещё вспоминался. Как во время скитаний, бурлаком, ел пшённую кашу и запивал её водой из Волги. Вот, и я тяну ляжку. Тем более что много мне и не надо!

Давно ведь освоил методы экономного ведения хозяйства. Знал, как обойтись горстью крупы на завтрак, яблоками на обед да сухарями на ужин. Но запахи! Тут над собой я оказался не властен! Проходя мимо жилых домов, легко улавливал аппетитные ароматы. Ах, жареной картошечкой пахнет, на сале! Да и тут картошка, тушёная только, с мясом, и не такая вкусная! Ах! Красота!

Всё это хорошо, да вот, квартира требовала оплаты, и вывешенные в подъезде плакаты напоминали жильцам о том, что лучше не тянуть с этим делом. За стоянку тоже давно платить пора! Всё бы ничего, но постоянное безденежье не давало возможности заниматься творчеством. В мыслях я возвращался к деньгам, а не к сюжетам очередных рассказов.

Нелегко приходится творческой личности в современной России! Член Союза писателей, кавалер и лауреат, я вынужден был жить на подножном корму, а иначе – никак! Творить после работы? Это то же самое, как предлагать профессиональному спортсмену потренироваться после смены. Не получится! Впрочем, и раньше было не легче. Ещё Гоголь писал о себе – «...я писатель – и потому должен умереть с голоду»?

Может быть, действительно сесть в офис, поработать, как следует? Но, тогда о писательстве придётся забыть. Или, Бог с ним, с творчеством? А если поработаю немного – то деньги появятся!

Гуляя вечерами, я стал обращать внимание на мужчин моего возраста и даже старше, возвращающихся с работы. Как и их молодые коллеги, они бодро шагали по проспекту, бережно неся папку с ноутбуком, но в отличие от молодёжи, вид имели растерянный. Это молодые люди не знали другой жизни, а потому и могли заблуждаться, что всё в порядке. Эти-то знали! Легко угадывалось сомнение – что-то здесь не так, что-то не то я делаю!

Даже внешний вид их оставлял желать лучшего. Нет, с костюмами, с галстуками, всё казалось в порядке, но вот – лица! Выглядели они устало, изнеможенно, даже. Ещё бы – целый день просидеть в офисе!

Вот тут я выгодно отличался и подтянутой фигурой – находил полчаса заниматься на тренажёрах, и загаром – было время посидеть у старого пруда, обветриться. Это удалось хорошо освоить. Да и понимал, что при всех бытовых трудностях работаю на себя, а не на «дядю». Много работал, поскольку чётко осознавал, что делаю, и какие задачи стоят передо мной. Вот только, денег бы добыть немного! Но, денег по-прежнему не было.

С мыслью о работе в офисе я расстался на удивление быстро. Воришки, значит, жируют на колхозные денежки, а мне – в офис садиться? Нет, уж! А вот, вам, твари! – и, сжав кулак, я попеременно показывал крупный кукиш то в сторону Рублёвского шоссе, то в сторону центра города. Мне нужны силы и время бить по поганой идеологии. Непростое это дело. Терпения много требуется.

Ничего! – подбадривал себя. Вот, появится хоть один ученик по венгерскому языку – станет намного легче! Но ученики что-то не появлялись. Пришлось дать-таки очередное объявление о сдаче комнаты в аренду. Объявление разместил, но по опыту уже знал, что найти подходящих жильцов будет непросто. Потребуется время. Со стоянки, между тем, звонили, напоминали, что все сроки оплаты уже прошли. Нехорошо! То, что комнату сдам рано или поздно, я понимал. Только вот – как продержаться до этого счастливого момента? Запасы любимой гречневой крупы уже к концу подходят! Знакомо! Всё это я уже проходил прошлым летом, знал, что перемелется – мука будет! Но и понятие сложности ситуации не слишком добавляло веселья.

Утопающий, как известно, хватается и за соломинку. Да что я потеряю, если последую совету подруги, и обращусь к этой – как её, к Матрёне? Ну, не поможет – не беда. Не очень-то и рассчитывал! Зато, повод будет повеселиться потом. Была – не была! Зайду в церковь и попрошу содействия. Всё равно по вечерам мимо гуляю.

Сказано – сделано! В один из тихих вечеров я направился не просто на прогулку, а с определённой целью – к церкви! Неплохую церковь возвели у нас на Нахимовском проспекте – парк разбили, территорию благоустроили! Заходить внутрь я не стал, обошёл вокруг только. Посмотрел на крест, на золотые купола... Ну, выручай, Матрёна! – попросил просто, фамильярно даже. С тем и отбыл восвояси.

На следующий день, вечером, идя мимо церкви по другой стороне улицы, я замедлил шаги и посмотрел сперва на памятник Дмитрию Донскому, почти закрытый проезжающими машинами, а затем перевёл взгляд на золотые купола. Услышали ли меня? Деньги-то где? Скоро ли получу? Интересно – каким

образом разбогатею – на счёт переведут, что ли? Или на домашний адрес? Номер счёта для пожертвований давно висел в интернете.

И тут раздался звон колоколов. Колокола! Сначала заговорили тонким голосом маленькие колокола, затем тяжёлым басом к ним присоединился и большой колокол. Мелодичный звук разнёсся по округе. Врачуют душу эти звуки, это точно!

В это время шедший навстречу прилично одетый молодой мужчина в офисной униформе – синий костюм, клетчатая рубашка, ноутбук, – остановился, повернулся к храму, перекрестился и низко поклонился. Вот как люди относятся к Богу! Вот это я понимаю! А, я? Разве мою просьбу услышат? Да, никогда! Почувствовалась лёгкая грусть. Не видать мне денег! Грехи опять-таки давят на плечи. Тут я даже немного повёл плечами, словно освобождаясь от нелёгкого груза. Впрочем, всё в прошлом! – тут же успокоил себя. Сейчас-то я провожу время как праведник – в посте и молитвах. О земном, правда. Мысль о вынужденном посте навеяла тоску. Осень на носу! Граждане урожаем новым питаются, к зиме готовятся. А я всё стройнее становлюсь! Нет сейчас никакого поста! Я прибавил шаг. Из яблочного сада, за церковью, повеяло аппетитным ароматом. Мелодичные звуки ещё долго доносились вслед.

Минул ещё день – другой. Утром, по расписанию, я отправился позаниматься на недавно установленных тренажёрах, недалеко от дома. Ни одного человека не встретил по дороге. Пустынно было вокруг. На купюру, лежащую на асфальте, я сразу обратил внимание – моя! И достоинство её определил моментально, хотя она и была аккуратно сложена – пятьдесят рублей! Два килограмма гречневой крупы, и на хлеб ещё останется! – калькулятор в голове сработал незамедлительно. Когда нагибался за ней, обманывал себя немного – а, может быть, и не пятьдесят рублей вовсе, а все пятьсот? Отойду подальше и рассмотрю её повнимательнее. Не успел попросить – и, на тебе! Подарок! Давно что-то мне деньги на дороге не попадались! Но главная удача ждала ещё впереди.

Прошло ещё дня четыре. Раздался звонок. Говорил незнакомый мужчина из другого города, писатель. Можно, я пришлю вам на рецензию свою книгу, послушаю ваши советы и заплачу за это пять тысяч рублей? – предложил он. – Отчего же не посмотреть книгу – присылайте!

Звонок не сильно удивил меня – не то что пятьдесят рублей на дороге! Ко мне стали обращаться начинающие и даже маститые писатели. Из разных стран пишут. На полном серьёзе. Слава, знаете ли, растёт понемногу. Работаю много, публикуюсь во многих русскоязычных изданиях.

Как литератор со стажем я понимал, что почти любой текст можно подготовить к печати и даже опубликовать его, а потому на дельные советы не поспешил. И книгу оценил по достоинству – подойдёт!

Я перевёл вам деньги! – объявил мужчина, перезвонив через неделю. Пять тысяч действительно поступили, и я незамедлительно отправился с ними в Сбербанк, оплачивать квартиру. На душе сразу полегчало. Молодец, Матрёна! – мысленно похвалил я благодетельницу. Буду проходить мимо, зайду к тебе – поблагодарю! С этой мыслью я отправился на очередную прогулку, слегка отклонившись от привычного маршрута. Несмотря на вечер, пустынно казалось на улице. Листочки жёлтые стали опадать уже. Аккуратно сложенная купюра, лежащая на асфальте рядом с листочками прямо по ходу моего движения, притянула к себе взгляд моментально. Что за шутки! Так не бывает! Намётанным взглядом без задержки определил и достоинство

купюры – пятьдесят рублей! Ну, это уже слишком! Я даже не стал торопиться поднимать её – всё равно никуда не денется, мне послана! Постоял над ней так, в задумчивости, поглядел сверху. Два килограмма риса и пачка дешёвого чая! – пронеслось на этот раз в голове.

Подобрав купюру, я двинулся дальше, по ходу предаваясь глубоким размышлениям. Не первый раз сталкиваюсь с необъяснимыми явлениями. Нет, не бывает такого! Любой математик подтвердит, что вероятность найти на дороге две купюры одного достоинства с интервалом в несколько дней – тысячная доля процента! Но это, если считать обычным порядком. А вот, с заступничеством святой Матрёны – совсем другой расчёт получается. Помогла святая, как ни крути, ни верти, однозначно! Ведь я просил? Просил. Помогла? Помогла.

Тут же разыгрался и аппетит на свежем воздухе. Пожалуй, Матрёна могла бы и побольше подбросить на бедность. Это я о том, что вместо пятидесятирублёвых купюр мог бы найти и пятитысячные. Но, как известно – дарёному коню в зубы не смотрят! Радуйся тому, что есть! – урезонил я себя и, не мудрствуя лукаво, поспешил в магазин за покупками. Даже сдачу ещё получил. Не считая мелочь, высыпал её в карман и направился к храму, с благодарностью.

Идти было недолго. Хороший таки парк благоустроили рядом с церковью! Опрятные дорожки проложили, скамейки поставили. Пройтись по нему – одно удовольствие! Перед оградой, на паперти, сидел одинокой мужчина моих лет в рубище и просил милостыню. Рядом стоял пластиковый стаканчик с мелочью. Мельком бросил взгляд на стаканчик. Мало там лежало денег, мало!

Да, а что же у меня с деньгами? Порывшись в кармане, я насчитал всего семь с половиной рублей. Вот, беда! На свечку не хватит! Придётся так поблагодарить Матрёну, без свечки. Сильно расстраиваться я не стал. На этот раз зашёл внутрь храма и остановился на минутку – освоиться. Людей внутри оказалось мало – можно было сосчитать по пальцам одной руки. Добродушного вида полная женщина в очках сидела на стульчике и резала ножницами большой кусок материи на маленькие лоскутки. Изредка она напевала что-то себе под нос на церковным манер и улыбалась. Душевное спокойствие угадывалось в ней. Я приблизился.

– Вы не подскажете – а есть такая святая – Матрёна? – обратился к ней учтиво.

– Есть! – ответила она охотно и радостно, как будто часто слышала подобный вопрос. – Туда вон идите, прямо к ней и придёте! – и она показала рукой на противоположную стену церкви.

Без суеты я последовал её совету. Поначалу растерялся – много икон вокруг, где же благодетельница? А, вот она! На стене висела большая, почти в человеческий рост икона. Чтобы просители не заблудились! – усмехнулся я про себя. Имя святой было написано старославянским текстом – «Матрона». Подойдя совсем близко, остановился. Спасибо, Матрёна! – поблагодарил кратко. Оставшиеся семь с половиной рублей бросил в ящик для пожертвований, стоящий неподалёку.

– Нашли? – весело обратилась полная женщина, когда направился к выходу.

– Нашёл, спасибо!

– То-то! – улыбнулась она, словно знала мою историю.

На улице вздохнул полной грудью и с чувством выполненного долга двинулся домой. Навстречу по чистой дорожке широкими шагами шёл рослый

молодой мужчина, в рясе, с бородой – батюшка. Он очень внимательно посмотрел на меня. Что-то мне нужно было от служителей церкви?.. Ах, да! Поговорить бы с ним не мешало! Написал ведь уже про их службу в повести, отметил заслуги. Повесть была уже опубликована в журнале «Наше поколение», да и в интернете тоже. Жаль только, что самого журнала у меня не было, не прислали. Молдова теперь за граница! Ничего, достану где-нибудь, тогда и побеседуем! – всё это промелькнуло за одну секунду, пока огибал батюшку. Полуобернувшись, увидел, как вышедшая следом за мной молодая женщина в платке остановилась и поцеловала священнику руку. Вздохнул только – эх, грехи мои тяжкие!

Проходя благоустроенным парком, где играли мамы с детьми, задержался и, обернувшись, бросил прощальный взгляд на золотые купола в свете уходящего солнца. Спасибо, Матрёна! – поблагодарил ещё раз святую и на этот раз слегка усмехнулся. Эх, Валентина Егоровна меня не видит, бывший секретарь нашей партийной организации! Вот удивилась бы! Не задерживаясь более, быстрыми шагами направился в сторону дома. Несильно, правда, обогатился, да не беда! На хлеб хватило, и ладно, продержусь пока!

Вечером, под тихую классическую музыку радиостанции «Орфей», вновь вернулся к теме внезапного обогащения. А, может быть, и не Матрёна помогла мне вовсе, может быть, мой писательский труд стал приносить свои плоды? Имелось в виду денежное выражение. Славы-то давно хватало, с избытком даже. Славы, но не денег. А как же тогда те две пятидесятирублевые купюры на дороге? Говорят, что у человека в нелёгкую годину обостряется восприятие? Может быть, и у меня обострилось не только обоняние на аппетитные запахи, но и банкноты стал чувствовать на расстоянии? Подобное предположение вызвало лишь улыбку. Нет, без Матрёны здесь не обошлось! Вовремя она подбросила деньги! Впрочем, деньги всегда кстати, – мягко напомнил себе, не позволяя расслабиться. Но классическая музыка успокоила душу на время. Получил очередную передышку – уже хорошо!

Терять время я и не стал. За короткий период написал очередной рассказ и разослал его по редакторам. А главное, остался самим собой – писателем! Однако, кто дал такой ценный совет, кто подсказал, к кому обратиться в трудную минуту? Пора доложить! Без промедления набрал номер старой подруги и попросил кратко – перезвони! Я давно разговаривал с ней за её счет.

– Ты знаешь, помогла твоя Матрёна! – объявил ей без предисловий и кратко поведал о событиях последнего времени.

Она была занята, отвлекалась, отвечая на вопросы своих работниц, но дослушала всё до конца.

– Вот видишь, я же говорила, что поможет! – ответила она в конце разговора. Мне же помогла! Но ты деньги всё-таки приготовь! – добавил я вяло.

– Ничего не получишь! – сказала, как отрезала.

Эх, стоянка ещё не оплачена! – вспомнил я о грустном, едва закончил разговор с подругой. Не обратиться ли снова к Матрёне? Но, нет! Хорошего понемножку – у неё и без меня страждущих хватает! Кстати вспомнился нищий на парашюте с пластиковым стаканчиком. Недаром в народе говорят – на Бога надейся, сам не плошай! Уже десять лет, как писатель. Нелегко приходится? Ничего, справлюсь и дальше как-нибудь! Ну, а если совсем невмоготу станет, обращусь тогда снова к святой Матрёне. Теперь я знаю наверняка – она поможет!

ПАМЯТЬ

Анатолий УВАРОВ

К 60-летию

Куйбышевского водохранилища

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Лауреат первой степени международного литературного конкурса «Любви все возрасты покорны – 2014», Академик русской народной поэзии XXI в. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-веи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

Рождение моря

Светлой памяти супруги моей
Екатерины Константиновны Уваровой
посвящается

Раскинулись на Волге
Просторы широко,
Здесь ходится подолгу
И дышится легко,

Здесь сердцу милы-дороги,
Любимы с давних пор,
Черты родного города –
Симбирский косогор,

Здесь в солнечном сиянии
Безоблачная высь,
Здесь – Родины дыхание,
Куда ни повернись,

Здесь – Волга синеокая
Течёт вдаль не спеша –
Глубокая, широкая,
Как русская душа.

Я выбежал на берег, окрылённый
Своею сбывшейся мечтой,
Хвала судьбе, ещё не утомлённой,
Что привела к земле родной:

Передо мною – волжские просторы,
Безбрежной ширью голубая гладь,
Как хочется всё это восхищённым взором
Скорее и полнее увидеть!

Ликует сердце, душа соколом
Над милой Родиной летит...
Родная Волга, ты рядом, около,
Ты – финиш трудного пути.

Путей-дорог немало пройдено,
В разлуке с Волгой маялась душа...
Минута встречи с милой родиной,
Как ты сладка и хороша!

Куйбышевское водохранилище

(очерк)

Это было в первых числах июня 1956 года. Стояла тихая, солнечная погода молодого лета. После обильных майских дождей средневожская флора быстро пошла в рост и радовала глаз своей пышной зеленью.

Будучи в отпуске, мы с женой решили сделать небольшое путешествие по новому, только что родившемуся Куйбышевскому морю. К тому же, нам обоим хотелось побывать в Куйбышеве – городе, где прошли мои курсантские и её студенческие годы.

Пассажирский теплоход «Маршал Ворошилов», совершавший свой очередной рейс из Горького в Астрахань, пришвартовался к причалу Ульяновской пристани в 16.30 и после часовой стоянки, взяв на борт ульяновских пассажиров, снова устремился на юг.

После недолгих минут, затраченных на проверку и сдачу билетов, а также на размещение в отдельной двухместной каюте I класса, мы вышли на палубу сверкавшего своей ослепительной белизной под яркими лучами июньского солнца теплохода «Маршал Ворошилов». Он в это время подходил к ульяновскому железнодорожному мосту, который перекинулся через двухкилометровую ширь Волги. Стальная громадина моста величественно нависала над волжской водой, даже наш огромный, трёхпалубный теплоход по сравнению с ним казался маленькой игрушкой.

В связи с построенной в районе Жигулёвских гор плотиной и значительным повышением уровня воды в Волге, мост пришлось основательно реконструировать. Строители решили эту труднейшую техническую задачу без нарушения графика железнодорожного движения: несмотря на непрерывающиеся ни днём, ни ночью большие строительные-монтажные работы, по мосту ежедневно проходили десятки пассажирских и грузовых железнодорожных

Волга. Жигулёвские горы. Молодецкий курган.

составов. Используя имеющиеся железобетонные опоры («быки») старого моста, построенного ещё в начале XX века, строители расширили их, подняли выше и возвели второй – параллельный, с трапецеобразными пролётами – автомобильный мост.

Проплывая под мостом и глядя на это величественное сооружение снизу вверх, я вспомнил рассказы моего деда Ивана Агафоновича Устинова о том, как он здесь когда-то работал в качестве снабженца-распорядителя пищевыми продуктами рабочих – строителей моста, и ощутил некую сопричастность нашего рода к замечательному строению, почувствовал тёплый и душевный прилив неподдельной гордости.

Вспомнилось и другое. В июле 1944 года я был призван Астрадамовским райвоенкоматом Ульяновской области на 45-дневные учебные сборы допризывников 1928 года рождения. Сборы проводились в Заволжье в селе Чердаклы Мелекесского района. Шла Великая отечественная война, и нас, учеников средних школ, только что закончивших 9-ый класс, готовили к возможному призыву в Красную Армию в качестве абитуриентов военных училищ. Здесь, однако, надо сказать, что последний военный призыв пал на ребят 1927 года рождения. Семнадцатилетние юноши надели солдатские шинели и флотские бушлаты осенью 1944 года. Судьба же наша, допризывников 1928 года рождения, оказалась более счастливой: мы были призваны в Советскую Армию только после войны, в 1948 году.

От железнодорожной станции Чуфарово, ближайшей станции от моего родного села Кезьмино, до станции Чердаклы мы – допризывники, добирались пассажирскими поездами на крышах вагонов. Поезда тогда были забиты военными и гражданскими людьми, проездных железнодорожных документов и билетов у нас не было, и нам ничего не оставалось, как идти пешком или передвигаться от станции к станции «зайцами» на крышах вагонов. Нас сгоняли с крыш, задерживали, выясняли, кто мы такие, и отпускали. Как только поезд трогался с места, мы снова, по узким вертикальным лесенкам, расположенным на вагонах между буферными сцеплениями, карабкались вверх и оказывались на крышах вагонов. Вот так, лёжа и держась руками за

вентиляционную трубу вагона, я проехал по этому волжскому мосту. До сих пор помню мелькание его железных конструкций в полуметре над моей головой...

Тогда я впервые увидел город Ульяновск, огромное техническое сооружение – железнодорожный мост через Волгу и её необозримые просторы. Сердце деревенского мальчишки, не выдавшего доселе ничего больше и красивее, чем кезьминские здания школы и сельской церкви, дрогнуло, забилося сильнее от переполнивших его чувств удивления, восхищения и радости...

Но вот мост остался за кормой теплохода. Перед нашими взорами, сверкая серебряными бликами в лучах склоняющегося к горизонту солнца, открылся широкий разлив Волги, образовавшийся на месте когда-то находившейся здесь волжской поймы: с заливными лугами, протоками-старницами, озерами, рощами, кустарниками и огородами ульяновцев. Мне приходилось бывать в этой пойме. Вспомнился один курьёзный случай, когда, будучи три года тому назад в отпуске, я с одним моим дальним родственником решил порыбачить на одном озере, затерянном среди труднопроходимых зарослей поймы. Родственник, убеждая меня идти на рыбалку, говорил: «в этом озере столько рыбы, что нам гарантирован богатый улов». Сначала всё шло хорошо: воодушевлённые радужной перспективой отличной рыбалки, спустившись с крутого берега Винновской рощи в пойму, мы бодро и весело шагали к намеченной цели. Но вот на нашем пути всё чаще стали встречаться труднопроходимые заросли различных кустарников с оставшимися на них после весеннего половодья грязными, пыльными, свисающими «бородами» из пожухлых сухих трав и прутьев. Мы долго продирались сквозь эти заросли, перепачкались серой иловой пылью, изрядно устали и, когда вышли к озеру, облегчённо вздохнув, начали готовиться к рыбалке. Но каково же было наше удивление и разочарование, когда мы обнаружили, что все рыболовные крючки на наших удочках отсутствовали. Мы сначала не поняли, в чём дело, но потом пришли к выводу, что крючки остались в серых, неприветливых, труднопроходимых колючих зарослях: пробираясь через них, мы не заметили обрыва крючков и утраты самой главной рыболовной снасти. К сожалению, запасных крючков у нас не было, и мы, недовольные неудачной рыбалкой, возвратились домой.

И вот сейчас на этом месте блистала большая вода Волги. Ширина разлива в некоторых местах достигла 8-10 километров. Но и это ещё не предел. Волжская волна через год-два будет омывать свои берега на много километров дальше. Мне было одновременно и радостно, и грустно: радостно от огромного волжского простора – рукотворного моря, сияющего серебряно-голубым светом и доходящего почти до самого горизонта, оттого что я нахожусь в море и сливаюсь с ним воедино; грустно оттого, что я больше никогда не увижу той, памятной мне, волжской поймы, не пройду по её заливным зелёным лугам, не заброшу удочки в зеркально-чистые голубые озёрца.

Ну а пока вода ещё не подошла к сооружаемому здесь первоклассному ульяновскому порту, не залила затоны для стоянки судов в штормовую погоду, а недавно возведённые водозащитные дамбы виднелись своими серо-белыми цементными плитами на сухом месте. Высота волны в штормовую погоду на море будет достигать 3,5 – 4-х метров. В такую погоду мелким судам, катерам и лодкам будет необходимо убежище. Ульяновск – станет крупным морским портом.

После прохода моста большинство пассажиров перешло на правый борт и на корму «Маршала Ворошилова», чтобы полюбоваться величественным

силуэтом знаменитого ульяновского «Венца» – наивысшей точки здешнего правого берега Волги.

Я подошёл к одному молодому человеку, внимательно разглядывавшему в бинокль прибрежную панораму города и попросил у него разрешения посмотреть в бинокль. Он охотно дал мне его и сказал:

– Посмотрите, такой пейзаж редко где можно увидеть, – и тут же спросил меня: – Вы знаете Ульяновск?

– Да, я хорошо знаю этот город и каждый свой отпуск провожу здесь, на Волге.

Он обрадовался моему ответу и не без гордости произнёс:

– Значит мы с вами земляки, давайте знакомиться, – протянул мне свою руку и представился:

– Алексей Иванович.

Я назвал себя.

Обменявшись рукопожатием с Алексеем Ивановичем, я продолжил рассмотрение волжских далей, медленно скользя окулярами бинокля по водной поверхности.

А вот и Ульяновск – родина Ленина, мой любимый город! В овалах бинокля проплывали знакомые очертания прекрасного средневожского города: вот белеет сквозь зелень деревьев сельскохозяйственный институт, вот городская библиотека имени И.А. Гончарова, рядом в царственной шапке с золотистым шпилем возвышается здание художественного и краеведческого музеев, на самом обрыве, прижавшись к саду имени Я.М. Свердлова, виднеются знакомые очертания ульяновской филармонии, а ниже, по обеим сторонам спускающейся с «Венца» длинной деревянной лестницы, утопая в тёмно-изумрудной зелени садов, «прилепились», подобно ласточкиным гнёздам, частные домики симбирцев-ульяновцев. Я всегда по-хорошему завидовал живущим в них людям, потому что они в любой момент могли видеть перед собой Волгу. Однако, и при всей ласкающей взор природной идиллии и прекрасном месторасположении домиков, проживание в них порою было небезопасным. Из-за крутых склонов, в сильные дожди, здесь нередко происходили грунтовые оползни, разрушавшие и перемещавшие дома и другие постройки с одного места на другое, иногда даже с человеческими жертвами.

Резко переведя бинокль влево на строящийся новый речной порт, я увидел не менее популярные и знаменитые волжские берега. То были места хорошо и подробно описанные И.А. Гончаровым в романах «Обломов» и «Обрыв»: старинная Винновская роща, одноимённый овраг, красно-коричневые глиняные кручи, пологие склоны с тропинками и дорожками, сходящими в широкую пойму. Здесь когда-то жили, творили, боролись с невежеством и прозябали герои Гончаровских произведений – современники русской феодально-крепостнической системы 40-50-ых годов XIX века – Адуев, Тушин, Ольга, Обломов, Захар и другие.

Над всеми этими великолепными волжскими пейзажами приветливо сверкало, опускаясь к неровному правобережному горизонту, ничем не затуманенное июньское солнце. На душе было легко и радостно, в таком же приподнятом настроении, как мне казалось, находились и другие пассажиры.

Увидев у меня висевший на плече фотоаппарат, Алексей Иванович воскликнул:

– Что же вы, Анатолий Васильевич, не фотографируете, виды-то какие!

Теплоход «Маршал Ворошилов» на Волге

Его поддержали другие пассажиры, и мне ничего не оставалось, как выполнить их просьбу. Я понял, что моим спутникам хочется сфотографироваться и иметь на память об этом прекрасном путешествии фотокарточки. Через несколько минут фотоплёнка, находившаяся в моём фотоаппарате «Киев», была наполовину использована. «Клиенты» были довольны, благодарили меня и просили обязательно прислать им фотокарточки.

Моя записная книжечка быстро заполнилась фамилиями, именами и адресами многих новых знакомых из волжских городов – Горького, Казани, Ульяновска, Сенгиля, Куйбышева, Саратова: туда мне предстояло слать фотокарточки.

Жена Катя, смеясь, сказала:

– Ну и будет тебе работа после такого путешествия!

– Ничего, зато, сколько новых друзей мы с тобой приобрели со всей Волги!

Совместное фотографирование заметно сдружило всех пассажиров. Завязались непринуждённые беседы: каждый хотел выразить своё восхищение окружающей природой, на глазах рождающемся новым морем, ведущимися на Волге большими народно-хозяйственными стройками.

Вот уже у Алексея Ивановича взял бинокль рядом с ним стоявший мужчина и что-то стал сосредоточенно рассматривать вдаль, а две девушки, опершись о поручни палубы, как замороженные смотрели вниз на тёмно-синие воды и негромко пели старинную русскую песню о волжском утёсе. Слова и мотив этой песни ещё больше взволновали души людей, стоявших на палубе, наполнили их сердца великой гордостью за русскую природу и советского человека, возвеличивающего эту природу, делающего её ещё более прекрасной и полезной.

Между тем прибрежная ульяновская панорама и вся симбирская возвышенность постепенно стали исчезать в белёсой туманной дымке. Горбатые и трапециевые фермы двух железнодорожных мостов-близнецов, подобно тонкой серой ниточке, некоторое время ещё связывали правый и левый берега Волги, но становились всё незаметнее и вскоре вовсе исчезли из виду.

«Маршал Ворошилов», оставляя за собой многокилометровый разлив ульяновской пойменной Волги, стремительно уходил по течению реки на юг. Впереди нас ждали Сенгилей, Ставрополь, Куйбышевская ГЭС и сама цель нашего путешествия – город Куйбышев.

Мы уже обогнали несколько тяжелогружёных самоходных барж: нефтеналивных, с гравием и сельскохозяйственной техникой; маленьких тёмно-серых тружеников – буксиров, медленно тащивших за собой длинные бревенчатые хвосты-плоты. Они как бы стояли на месте, и только чуть различимые белые бурунчики воды за кормой буксиров напоминали о том, что плоты двигаются. Установленные на плотках небольшие домики, для сопровождающих плотогонцов, весело светились своими свежесрубленными золотистыми брёвнами и были видны далеко на вечерней водной глади.

Каждую минуту появлялось что-то новое и интересное: то сверкающий под лучами заходящего солнца встречный или обгоняемый нами пароход, то

одинокое стоящее в воде дерево, иногда несколько деревьев, в основном берёз и тополей, когда-то росших на улицах затопленных сёл и деревень, то залитые низинные луга с молодой зелёной травкой, торчащей щёткой из воды и ждущей с часу на час своей неминуемой гибели, то, плавно покачиваясь на своих деревянных треугольниках от набежавшей пароходной волны, уходят назад, мигая красными огоньками, пирамидки бакенов, а то быстро проплывают и исчезают за кормой белые или жёлтые шарики буёв.

Вся левая от нашего теплохода водная поверхность пестрела всевозможным хламом и мусором: опилками, щепками, досками, брёвнами, ветками и корнями деревьев и кустарников. Вода подняла всё это с родной земли и медленно уносила вниз по течению, в неизведанную чужую даль. Чувствовалось, что здесь совсем недавно сияли на солнышке своей изумрудной зеленью молодые волжские луга, стояли дома жителей сёл и деревень. Теперь же, насколько можно было видеть, простиралась пока ещё неглубокие водные просторы. Одна природная красота сменила другую. На месте старой, многовековой, привычной и естественной красоты появилась другая, пугающая своей новизной, сотворённая волей Человека. Что она сулит ему в будущем?

Правый берег Волги почти всегда находился к нам ближе, чем левый. Иногда отчётливо можно было видеть крутые каменистые обрывы, пологие спуски и причудливые своей формой овраги и расщелины с их разноцветными пластами в земной толще. Преобладающими оттенками этих круч и оврагов были тёмно-коричневые и серо-белые. Веками эти холмы, кручи и овраги смотрели в Волгу, отражаясь в ней как в зеркале.

Левый же берег иногда малозаметной полоской терялся в синеющей дали, и только сознание того, что перед тобой катит свои воды река, говорило о существовании границ этого водного размаха. К вечеру, когда затуманенные дали стали не такими ясными, левый берег пропал из виду совсем. Вода блистала до самого горизонта, казалось, что ей нет ни конца, ни края: перед глазами, насколько можно было видеть, расстиралось море!

Я испытывал двойное чувство: подспудной тревоги за совершённое дело (а не навредили ли мы природе своим грубым вмешательством в её извечные, тайные дела?) и гордости за создателя этого чудесного моря – советского человека. Мне казалось, что само море очень хорошо демонстрировало великолепные результаты самоотверженного труда людей и как бы говорило: «Я существую по воле Человека!».

На берегах нового моря проводятся большие работы по созданию службы штормового предупреждения: строятся убежища для стоянки судов, сооружаются водозащитные дамбы и затоны. Многие из них уже функционируют. Благодаря своевременно принятым мерам большое количество населённых пунктов ещё задолго до разлива Волги, в основном осенью прошлого года, были перенесены в безопасные места. Среди таких «переселенцев» числится город Ставрополь. Весь город сейчас находится на другом, недостижимом для воды месте. Все работы по переселению были произведены за счёт государства. В распоряжение переселяемых граждан было предоставлено большое количество грузовых автомобилей, подъёмных кранов, строительных материалов и многое другое, что значительно облегчило выполнение задачи перемещения городов, сёл и деревень. Вот и сейчас ещё в некоторых местах можно наблюдать, как вереницы автомашин, гружёных срубами разобранных домов и домашними вещами, медленно двигаются вверх по склонам от

старых месторасположений населённых пунктов. В основном всё уже перевезено. В большинстве случаев волжская вода «подобралась» и затопила те места, где раньше стояли дома, и недалёк тот день, когда многие бывшие города, сёла и деревни будут дном моря. Будущим летом Куйбышевское море займёт своё стабильное положение и разольётся вверх по Волге на 500 километров, а глубина его достигнет 30 метров.

Пройдены Сенгилей и Ставрополь. «Маршал Ворошилов» приближался к Жигулёвским горам – неотъемлемым красотам Волги. Солнце давно уже зашло за холмистый горизонт, когда на фоне ещё светлого вечернего неба показались очертания Жигулей. Плывущие над ними отдельными хлопьями белые облачка, подсвеченные снизу лучами уже невидимого солнца, сверкали ярким кумачовым светом.

Вот и Жигули! Воспетые в песнях и былинах, неразрывно связанные с историей русского народа, с его легендарными героями Степаном Разиным, Емельяном Пугачёвым, а также с великой русской рекой Волгой, Жигулёвские горы всегда привлекали и привлекают к себе огромное внимание сотен и тысяч пассажиров и туристов, путешествующих по Волге. Подобно гигантским мифическим стражам встали легендарные горы над Волгой по обоим её берегам. С незапамятных времён, в суровом молчании, пропускают они через свои узкие ворота мощный поток волжской воды. Кажется, что давным-давно здесь произошла великая битва между Волгой и Жигулями и что в этой битве Волга, в своём буйном и неуправляемом стремлении к Каспию, раздвинула своей могучей грудью жигулёвский гранит и подняла его высоко в небо. В свою очередь Жигули, поражённые мощью и красотой северной пришельницы, расступились перед ней, прижались тесно своими вершинами друг к другу, да так и остались стоять в вечном повиновении. Со временем, убедившись в дружественности Волги, Жигули породнились с ней, полюбили её, и с тех пор их уже нельзя было разлучить.

Трудно было оторвать взгляд от чарующей красоты жигулёвских склонов, спадающих в тёмно-зелёную гладь Волги. Причудливые очертания гор отчётливо вырисовывались на золотистом фоне вечернего неба и по мере движения теплохода принимали всё новые и новые формы и очертания: то подобно дикому гигантскому барсу, готовому сделать свой последний убийственный прыжок, вырисовывается гранитная скала, то удивительно правильной трапецией, с зелёной порослью молодых дубков, берёзок и других деревьев, возникает очертание возвышенности, то высоко в небо уходит стройная пирамида бархатной зелени, и там, на самой высокой точке, на голой скале-макушке, открытой всем ветрам, раскинув могучие, искорёженные бурями ветви, стоит одинокая сосна. Кажется, что её кто-то нарочно посадил там, чтобы вызывать у людей бесконечные недоумённые восхищения дикой красотой и свободой.

Первозданные картины природы, по мере движения нашего теплохода, всё время изменяются, переходят из одной в другую, заставляют неотрывно следить за ними. От этого живого цветного калейдоскопа невозможно отвести глаз, и ты всей душой чувствуешь удивительную красоту волжско-жигулёвских пейзажей. Волжская вода во многих местах между склонами гор образовала причудливые по своей форме и красоте заливы, которые ещё больше подчеркивают богатство жигулёвских видов, их прелесть и неповторимость. Жигули как бы проснулись от многовековой спячки, напились большой волжской воды, весело улыбаются, отражаясь в голубом глянце моря. Мне казалось, что они, словно в зеркале, любят себя и заставляют

нас – пассажиров, неотлучно следить за ними, радоваться и восхищаться их первозданной красотой.

С палубы теплохода никто не уходил. Уютные и комфортабельные каюты в эту ночь так и не дождались своих постояльцев. Все с нетерпением ждали приближения района строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. Погода благоприятствовала путешествию. Свежий ночной волжский ветерок приятным холодком обдавал любовавшихся природой людей и придавал им силу и бодрость.

Неописуемо красиво менялись краски моря. Тёмно-зелёная гладь его, образуемая тенью гор, резко переходила в более светлую, живую игру красок, которые разливались по всей ширине волжского простора, дрожали то золотом, то серебром, то светло-синим перламутром. Вот появилась в небесной вышине дала небольшая лиловая полоска, и сразу же меняется море – будто синие чернила разлили по нему, вода вдруг заиграла сизым переливом, дополняя и до того многокрасочную палитру всевозможных тонов и полутонов.

Величественная, торжественная тишина распростёрла свои невидимые крылья над великой рекой. И только небольшой шум двигателей теплохода, да изредка приглушённые расстоянием звуки сигналов встречных и обгоняемых судов нарушали этот сказочный покой. Но ни шум двигателей, ни ближние и дальние сигналы судов не умаляли идиллию тишины и простора. Наоборот, без коротких, длинных, прерывистых, басовитых и пронзительных гудков пароходов, теплоходов, барж и буксиров сама тишина была бы здесь неестественной – неощутимой и мёртвой.

Ах, эти сигнальные гудки на Волге! Сколько в них таинственной нежности, естественной величавости, широты, расплывчатости и, в то же время, суровой необходимости! Это язык Волги. При помощи этих звуков Человек и Волга общаются друг с другом, разговаривают и решают реальные трудовые задачи.

Волга, согретая за день тёплыми лучами июньского солнца, спокойно и равномерно дышала своей могучей грудью, она как бы отдыхала после большого дневного труда. Но это только так казалось. Труд её не прекращается ни днём, ни ночью, она работает без усталости и перерывов. А солнце, как ласковая мать, укачавшая своего ребёнка, тихо, на цыпочках, ушло за Жигулёвские горы, оставив Волгу в её царственном покое. Коротка июньская ночь. Не успеет поблёкнуть вечерняя заря, а уж восток начинает светлеть и разливать свою утреннюю свежесть, неся миру новый день, новую жизнь и новые заботы.

В три часа ночи «Маршал Ворошилов» подошёл к воротам верхнего шлюза Куйбышевской гидроэлектростанции. На смутно угадываемых строительных площадках ГЭС сияло огромное электрическое зарево. По мере приближения к плотине всё отчётливее и громче доносились звуки могучего дыхания великой стройки. То тут, то там ярко вспыхивали, затухали и снова загорались искрящиеся огни электросварок. Высоко подняв в предутреннее небо многометровые стальные стрелы-щупальца, везде стояли подъёмные краны-великаны. Они двигались, поворачивались, наклонялись, в их движениях чувствовалась огромная физическая сила, управляемая невидимой, но твёрдой рукой человека. Со всех сторон слышался шум работающих моторов, скрежет железа, грохот кувалд, шипенье электросварок, громкие и властные команды диспетчеров. Казалось, что этому великому шуму-грохоту нет предела, что он единственный владыка на этих берегах. А ведь совсем недавно выше

*Анатолий Васильевич Уваров.
Впереди Жигули!*

плотины, на широких заливных волжских просторах стояла изумительная, никем не нарушаемая тишина.

Прямо перед нами, ещё не совсем законченные стройкой, возвышались монументальные башни и входные ворота верхнего шлюза, а справа, за чернеющими нагромождениями земли, камня, бетона и других строительных материалов находилась основная плотина ГЭС – несокрушимая стена, на которую наткнулся могучий водный поток Волги. Казалось, ничто не могло противостоять Волге и остановить её, но железо, бетон и гранит оказались сильнее доселе необузданной водной стихии, они подчинили её и заставили работать на людей.

Неистощимые волжские запасы электроэнергии, так нужные народному хозяйству и остававшиеся до сего времени невостребованными, пришли сейчас к нему на службу. Тысячетонный вал волжской воды уже сейчас крутит четыре мощные гидротурбины. Вырабатываемое ими элект-

ричество потекло по высоковольтным проводам в города и сёла, на заводы и фабрики, на железные дороги и многие другие народно-хозяйственные объекты Советского Союза, неся им свет, тепло и процветание. Недалёк тот день, когда Куйбышевская гидроэлектростанция будет работать на полную мощность: миллионы киловатт электроэнергии дополнительно получит наша страна, а это будет означать ещё больший подъём экономики, промышленности, культуры и обороноспособности советского государства.

Все пассажиры, находившиеся на палубе «Маршала Ворошилова», с ослабленным вниманием смотрели на эту гигантскую стройку: каждый камень, каждая плита напоминала им об огромном, титаническом труде сотен тысяч людей, делающих свою жизнь лучше, богаче и счастливее.

После получасового шлюзования, проходившего под командой диспетчера с центрального пункта управления, «Маршал Ворошилов» вошёл в обводной канал нижней Волги, опустившись ниже уровня верхнего моря на 14 метров. Огромные чаши шлюзов без всяких помех вмещают и пропускают через себя большие волжские пароходы, баржи и плоты. Днём и ночью идут вниз и вверх по Волге многочисленные речные караваны. От 200 до 220 судов и плотов проходят в сутки через эти железобетонные ворота! Однако, в связи с увеличением судоходства на Волге, планируется и увеличение пропускной способности шлюзов. Построенные по последнему слову науки и техники, они не будут препятствием для судоходства на Большой Волге.

Позади остались Куйбышевское море и плотина, породившая его. Мы ещё долго смотрели в сторону стройки. Над ней всё ярче и ярче разгоралось золотистое июньское утреннее небо, освещая своим нежным розовым светом величественную панораму труда. Вряд ли кто из пассажиров «Маршала Ворошилова», побывавших в эти вечер, ночь и утро на великой русской реке

Волге, забудет волнующие и прекрасные минуты, давшие им возможность воочию увидеть и насладиться красотами Волги, прочувствовать ещё глубже и проникновеннее величественную симфонию труда.

Июнь 1956 г.

P.S.

На Волге

*Ясный день, спокойно течёт Волга,
Мы с тобой стоим на её берегу,
На тебе морского цвета форма
С офицерским кортиком на боку.*

*И никого нет на тебя похожего,
Ты как будто спустился с небес,
Любопытные взгляды прохожих:
«Кто такой и откуда он здесь?»*

*То была весна, а не поздняя осень –
Июньское лето цвело на лугу...
А нам с тобой – по двадцать восемь,
И мы целуемся на волжском берегу.*

*Екатерина Уварова
Июнь 1956 г.*

*Екатерина Константиновна Уварова.
Круиз по Волге. Июнь 1956 г.*

P.P.S.

На десятки и сотни километров вширь и длину разлилось сейчас Куйбышевское море, рождённое весной 1956 года: оно живёт, работает, радуется россиянам, и будет служить им в веках, прославляя эпоху и людей, создавших его!

*Шумы, красуйся, Куйбышевское море,
И радуй Волгу – родину свою и мать!
Ты – рукотворное, ты – трудовое море,
Ты – русская земная благодать!*

2015

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«Господь, мне давший Слово...»

Стихи – моя стихия –
Неправедно живут,
И рифмы их нагие
То плачут, то поют.
То раны обнажили,
Разрушили приют,
То душу заложили,
Прохода не дают.
Я убегу – настигнут,
Я в нору – и они.
В монашенки постриглась,
Они меня – в огни.
В огни любви и зова –
Вселенские огни.
Господь, мне давший Слово,
Помилуй, сохрани.

Когда забвенья дни придут,
Земной предел покинут души.
С них спросят, их покой нарушив,
Земным обещан строгий суд.
Мне скажет кто-то: «Всё не так.
Лишь грани вечного сомненья,
Незрелый плод воображения
И ненаучно». Вот чудак!

А мы спешим добро творить,
Кто как умеет, бескорыстно.
Отдать души кусочек чистый –
Уж после «быть или не быть».
Простят ли слабых небеса?
Грехи окутали коростой,
От них очиститься непросто,
Но это всяк решает сам.

Божий дар
Судьбы на повороте
Перед входом
В вечные врата.
Не прошу я денег
Или взлёта,
Но прости мне, Боже,
Что не так!
Очень часто
Больно спотыкаюсь,
Где не надо,
Правду зря ищу.
Отрубая грубо,
После каюсь
И о ком не надо
Всё грущу.

В тиши осенних площадей –
Листвы гулянье.
Сезон асфальтовых дождей,
Сезон прощаний.
Деревья ночью без одежд
Целует ветер.
Сезон разлуки без надежд
За всё в ответе.
Ты в грустном переборе слов
Со мной без маски.
Летит листва, за ней любовь
В последней ласке.
В тиши осенних площадей
Листвы гулянье.
Сезон асфальтовых дождей,
Сезон прощаний...

Сумеешь чувство пронести
 Сквозь ливни бед,
 Сквозь шквалы гроз,
 Когда затоплен
 Твой ковчег.
 Пора искать
 Другой ночлег
 С любовью врозь,
 И только памяти недуг
 Терзает одинокий круг.
 Сумеешь «через»
 Пронести,
 Любовь – твоя,
 А нет. Прости.

Облетел с тополей
 Лебединый дурман,
 Это с нами июнь распрощался.
 А под радугой снов,
 За обрывками слов
 Кто-то горько шутил и смеялся.
 Снова утро придёт
 В серебристом плаще,
 И, отринув ночные виденья,
 Нам подарит букет
 Из забытых надежд
 И соломинку даст
 Для спасенья.

Отзнобило, оттрепало душу,
 У неё осенний листопад,
 И, традиций этих не наруша,
 Листья безответные летят.
 Вертопрах, любитель песнопений,
 Где твоей любви затерян пласт?
 Ты в надежде женских откровений
 Лжешь себе и мне и в этот раз.
 Нет, моя душа тебя не просит
 И обиды больше не простит.
 В ней теперь берёзовая осень
 Листопадом нежности грустит.

Заморочки XXI века

Как много в жизни заморочек,
 Как это поле перейти?
 Но прозревает тот, кто хочет
 Себя в самом себе найти.
 Но прозревает тот, кто знает –
 За всё придётся заплатить.
 Готовит двойственность слепая
 Разрывы на своём пути.
 Наряд мехами оторочен,
 Но жадность душу сторожит,
 И прозревает тот, кто хочет
 Средь недоверия и лжи.

Посвящение

О, друг мой, будь неистощим,
 Как твой известный всюду юмор.
 Будь верен делу и любим,
 Об остальном не стоит думать.
 Когда же ушибёшься вновь,
 И защитит не сможет юмор,
 Достань из сундука любовь,
 Об остальном не стоит думать.

Паломник

Шарк-шарк... Дзинь... И снова повторяющиеся шарк-шарк, и всё то же странное в диссонансе – дзинь. Тишина в округе. Птичий говор на высоком солнце стих. Только и слышны Витьке звуки собственных шагов и позвякивание за спиной пряжки рюкзака, подаренного на дембель ребятами.

Серые глаза путника рассматривали то узкую просёлочную дорогу, то ожившие с приходом тепла окрестности. Май благоухал нежной зеленью. Приходилось время от времени оборачиваться, чтобы не прокараулить подъезжающую сзади машину. Грунтовка узкая, успеть бы увернуться, подкати лихач. Ездят местные сикось-накось, словно впервые за руль сели, и не знают, где педаль газа, где – тормоза.

По шее с левой стороны заструилась водянистая потная нить. Русая шевелюра выбилась пучками волос из-под кепки. С левой же стороны с одного из пучков слетали одна за другой капли пота. Шарк-шарк: «Нет, не видать машины».

Минут тридцать минуло, как Витька покинул чужую избу, возвращаясь домой из «паломнического рейда». Назвал свой поход своеобразно – «паломническим», чтобы угодить матушке. Она поначалу отговаривала от посещения неблизких Таволгят, где Витьке вздумалось пообщаться со старцем Федотом, но, услышав про паломничество, кивнула головой.

– Сходи. Слышала я про Федота мудреца. Да смотри, паломник, не заплутай. Пока служил, небось, места подзабыл. На развилке с Пургой направо сверни. Увидишь, там берёза старая должна быть. Охо-хо... Тебе бы на вечеринку сбегать. В двадцать лет по старцам бродить... Не рано ли?

– Вот и узнаю у Федота, рано или нет, – пожал плечами Витька.

Повод для похода, словно тяжкий груз, висел за плечами. Откуда он взялся? С чего началось? Странностей за собой до армии Витька не замечал. На далёком Байконуре, где он проходил срочную

Алексей Александрович Дубровин – родился 28 марта 1961 г. в городе Очёре ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ/ФСБ: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением – организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) «Спешилловских чтений». За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2011). Кавалер нескольких ведомственных наград.

Живёт в Перми.

службу, вызывал из памяти картинки родных окраин. Караульному только и остаётся оглядываться по сторонам да думать о чём-нибудь. Так и «всплыла» одна деревня с приземистыми домиками перед глазами, другая. Речка Кожухарка «проявилась» с песчаным дном и пучками травы, среди которой мелькали тени пятнистых щурят. От воспоминаний теплело на сердце, но однажды голову пронзила мысль, насмешившая своей нелепостью: он уже был в этом мире когда-то, обитал в своих краях и встречался в лесном скиту с уединившемся от белого света мудрецом. Как его звали? Кого? Ну, того, который в лесу сначала в одиночку монашествовал, а потом перебрался куда-то.

«Витька, – караульный обращался к себе по имени и осуждающе качал головой, точно так же, как это делала мать, – не выдумывай. Во-первых, столько не живут. Во-вторых, одиноких стариков в родных краях хватает, да вот отношения к твоему “прошлому” не имеют». Странно, но втемяшилось в голову, что жив тот мудрец до сих пор и обитает где-то рядом с Витькиной деревней. Как найти? Тьфу! Мнится...

Да и правда что, о каком ските рассуждать, если давно вся родина – Светлоозёрский район – застроена сёлами и деревнями, машинотракторными станциями и фермами. Рощ-то приличных не осталось, не то что глухих лесов. Наверно, услышал от кого-то в детстве об освоении местных земель, и запомнился образ некогда увиденного прадедами таинственного лесного жителя. Всё минуло, кануло безвозвратно. На дворе – вторая половина семидесятых годов двадцатого века. Ракеты в космос летают, и Витька несёт возле них ответственную караульную службу.

Стоя в феврале на посту у стартового ракетного «стола», Витька чуть было не выронил из рук автомат. Что ты будешь делать?! «У того мудреца тряслась правая рука, а на тыльной стороне левого запястья белел полоской шрам», – всплыли в памяти обрывки каких-то пересказов. «Отставить! Может, ещё что-то придумаешь», – Витька ёрничал над самим собой. Надо же! Про какой-то шрам вспомнил. Или придумал? «Не сочиняй!» – строго приказал себе. Легко приказать, да как приказ исполнить? «Картавил одиночка, – донеслось глухо, словно воспоминания уплывали в даль далёкую. – Он – спасение». «Чьё?» – вопрос повис в воздухе.

Тихо. Слава те, Господи! Теперь о скором дембеле можно помечтать.

В таких немых сценах-диалогах Витька прожил последние три месяца перед демобилизацией. Как вернулся из армии домой, начал задумываться о встрече со старцем Федотом, про которого услышал от бабушки лет семь назад: «всё Федот знает, всех ведаёт». Не тот ли старик одиночка со шрамом на руке, о котором солдату намекнули? Пока Витька служил срочную службу, не стало бабушки, а разговор о старце осел где-то в голове, чтобы подтолкнуть к майскому рейду-походу. Ать-два! Всего-навсего один день нужен для марш-броска.

Лучше побывать в этих Таволгятах, где живёт Федот, если живой он, конечно. Встретиться и... «О чём спросить, на месте разберусь. Нечего рот открывать при мыслях о мудреце из собственного “прошлого”», – перелистывая перекидной календарь, Витька определялся по дню похода и посмеивался над собой.

На околице Таволгят встретила молодая женщина с коричневой сумкой в руке, спешившая по своим делам.

– Здравствуйте! Федот у вас где живёт? – обратился к молодухе.

– Федот где живёт? – переспросила она. – Пятый домик с правой руки. Да видно отсюда. Во-о-он тот, черёмухами окружён.

Витька благодарно кивнул молодухе. Два часа дороги, и на месте. Вот, что значит военная закалка. Как бы опознать старца, ни с кем не спутать?

– Пришёл? – скрипучий голос встретил Витьку у порога деревенского дома.

Несмотря на одиннадцать часов дня в избе висели потёмки. В нос вошедшему дохнуло чем-то кислым и затхлым одновременно. Давно, наверно, сквозняк не гулял внутри. Взгляд метнулся по пустой горнице и застыл на мерцающем огоньке, на полке у иконы подрагивал свет свечи. Возле единственного занавешенного окна маячил стол из тёмных досок и сбитых крестом перегородок между ножками. По левой стороне избы отсвечивала побелкой кирпичная кладка русской печи. Чуть колыхнулась занавесь, огораживающая закуток с её торца.

«С кем говорить? Что сказать?» – Витька снял с головы кепку, как-никак в доме оказался. Выдохнул:

– Так точно, пришёл.

– Садись ко столу. Счас слезу, – прозвучало откуда-то с потолка.

Новоявленный паломник поскрёб затылок, что-то удержало на месте. Откуда, кто слезет? Раздался скрип деревянных ступеней, и из-за занавески показался невысокий старичок, босой, в подпоясанной чёрным поясом серой рубахе, накинутой на плечи фуфайке и в смешных шароварах в серых же заплатках.

– Околеть можно. Всего сутки не топил, а вот, поди ж ты, холод донимает. Майские ночи греют не очень, – проговорил хозяин и начал искать валенок, прислонённый к печи, одной ногой, потом другой. – Что пнём встал? Иди же ко столу, – почти прикрикнул старичок, зашабаркав подошвами в сторону красного угла.

Ничего не оставалось, как боком-боком пробраться к столу и нащупать рукой дужку спинки деревянного стула. Взгляд не отрывался от постоянно двигающегося старца. Тот легко перемещался по избе, постоянно что-то переставляя с места на место.

– Не сердчай, угощать пока нечем. Полдень на дворе. К обеду что-нибудь скумекаю, – произнёс старичок, меняя огарыш свечи на полке. – Рассказывай. Что привело ко мне? Да не пялся же ты на меня. И себя, и меня в смущение не вгоняй. Зачем пришёл?

Рука Витьки потянулась к затылку. Что спросить? Кем старик был сто или двести лет назад? Наверно, выгонит сразу.

– Растерялся отчего-то я, дедушка, – протянул неестественно высоким голосом Витька. – Вопрос такой, что теряюсь.

– Вижу. Теперь соберись и будто перед отцом-командиром отчекань мне проблему, что тебя подвигла в путь. Ну? Как звать?

– Рядовой... Фу-ты... Виктором звать.

– Давай, Виктор, не тушуйся. Поробел и хватит, а то сердце захватит, – старичок рассмеялся молодым рассыпчатым хохотком. – Хотел старца Федота увидеть?

Витька кивнул.

– Увидел. Что дальше? – продолжил допрос хозяин.

На душе Витьки полегчало: «По адресу попал. Славный старичок – боро-вочок. Вон как по-молодецки смеётся и вполне разумно разговор ведёт. Кажется, не картавит. Ладно, в лоб спрошу».

– Видите ли, уважаемый дедушка Федот, мне последнее время стало казаться, что я уже в прошлой жизни бывал в здешних краях, – на этот раз с хрипотцой в голосе проговорил Витька. – Разве такое возможно?

Старец, отдёргивая занавеску на окне, головы не повернул:

– Кто его знает... Дано человеку одну жизнь прожить, или у него их несколько. Говоришь, другие жизни бывали? Сказки с годами превращаются лишь в сказки. Ты уже не дитё, вот и подумай. Кого помнишь в той поре?

– Мужчину в лесу. Один он жил. Рука правая у него тряслась. Мудрецом его называли. Может, это вы?

– На, – старец протянул к Витьке обе руки. – Гляди, ни одна не трясётся.

Витька и сам заметил, что тонкие жилистые руки Федота не тряслись. Отчего-то захотелось взять эти руки и рассмотреть их. Странное желание. Ах, да! У того человека из прошлого на левом запястье, вроде бы, шрам какой-то должен быть.

Витька осторожно взял левую руку старца, рассмотрел. Дряблая, жёлтая кожа. Чистая.

– Нету шрама? – хихикнул старичок.

– Нет. И всё же, вы мне скажите, можно ли знать особенное о времени, не окунувшись в него через книги или фильм исторический? – Витька пристально посмотрел в лицо старца.

Голубые глаза под седой неровной чёлкой ответили взглядом на взгляд.

– Я привык со страждущим общения рассуждать здраво. От этого старцем прозвали. Уважение тем высказали. Скучаю по людям, но сам на разговоры не навязываюсь и на кофейной гуще не гадаю. Ты ко мне явился. За советом, стало быть. А мне, знаешь, приятно, и вот, что скажу: не думаю, что прошлое миновало безвозвратно. Но в глубоком мраке оно, и не видно в той глубине ничего. Если какой стороной о себе заявило, жди подсказки от него. Не от меня.

– Какой подсказки? – удивился Витька. Даже рот раскрыл...

– Знак тебе даётся. Хороший ли, плохой ли. Не знаю. Может, с будущим связан, а не с прошлым. Ты, Витька, свою судьбу прожить должен. Свою. Или не прожить. Вьётся возле тебя видение, прислушайся. Чего-то услышишь-увидишь, подумай, к чему бы. Вот такое моё пожелание. Кто окромя тебя прошлое твоё видит?

– Никто.

– Весь ответ. Ты – сам себе голова и вера. Меня можно обмануть, другого, третьего, да себя не обманешь. Не тормози никого расспросами, вслушивайся в себя. Не знаю, чем ещё помочь, что подсказать. За встречу спасибо, сынок.

Опешивший Витька молчал. Ничего толкового от старца не услышал. Наговорил тот вокруг да около. Ходи, дескать, да оглядывайся. Что за странное пожелание?

На том беседа и закончилась. Ни картавого дядьки не увидел, ни руки трясущейся не заметил. Отправился обратно домой, несолоно хлебавши.

Шарк-шарк... Дзинь... Около часа в дороге к дому. Солнце выкатило в зенит и повисло там в полуденной ярости. Горячий пот струился по обеим щекам. С пучков намокших волос Витьки ветер срывал частые солёные капли. На зелёной майке тёмным влажным пятном чернел овал. Прикинул: от Таволгят за час ходьбы удалось по майской жаре пройти километров пять-шесть. Не больше. До родной деревни осталось столько же. Ну, пилить, значит, ещё ого-го. Усталость начала брать своё. Какие ать-два!.. В ногах загудело. И вода, как на грех, в бутылке закончилась. Как же это он с водой-то не подсуетился. Не гнал же его старец, не торопил. Паломник сам прямоком на дорогу вышел и сам взял обратный курс. Сойти с дороги и родник поискать? Где сойти? Так до дому не добраться. За что муки? Старец... Витька неожиданно улыбнулся: «Каков старичок! Нет, не зря я в паломники записался. Есть, о чём задуматься...»

Шарк-шарк... Дзинь.

Какая рука подвинула Витьку с дороги, когда рядом пронеслась тёмная машина «Урала»? Грузовик почти беззвучно прошелестел по той части галечника, по которой Витькины ноги должны были вот-вот зашаркать. «Вовремя отскочил. Впрочем... Как сказать? Кажется, не отпрыгивал. Отвели беду от меня. Кто? – мысли вихрем пронеслись и путались в испуганной голове. – Называется, сходил на разговор...»

Пожимая плечами от пережитого, в склонениях по падежам по адресу «дурака-водителя» Витька прошлёпал километр, когда увидел лежавшую колёсами вверх ту самую машину с тёмно-зелёным кузовом. Громоздилась она, мирная, тихая, в десяти метрах от дорожной колеи. Капот был открыт, и из движка вниз капало чёрное масло, отчего трава блестела, будто осыпанная антрацитом.

Витька бросился к кабине. Дверцы были закрыты, а внутри... Внутри никто не лежал, не сидел. Пусто оказалось в кабине. По спине Витьки заструился холодок. Что за неведомая сила управляла «Уралом»? Нет, не бывает такого, чтобы машина сама разъезжала. Витька растерянно стоял и смотрел то на машину, то по сторонам. Перед ним дыбилась чуть не ставшая его погибелью злая громадина, превратившись в немощный хлам. Чем он, Витька, осилил зло в схватке? Да кто скажет... Видно, отблагодарили. «За встречу спасибо», – раздалось в голове.

Голос прозвучал почти рядом. Витька оглянулся. Никого. «А как старец догадался, что я на его руке выискивал? Он же сказал: “Нету шрама”? Да о шраме-то я ему и не говорил. Чудно. Выходит, подсказки пошли, но я их не заметил». В ушах Витьки зазвучали недавно сказанные Федотом слова: «Знак тебе даётся. Хороший ли, плохой ли. Ты, Витька, свою судьбу прожить должен. Свою. Или не прожить. Чего-то услышишь-увидишь, подумай, к чему бы».

Пожал плечами в недоумении: «Надо же...»

Пролетели годы. На офисном цветастом календаре под красным квадратиком чернело отпечатанное «31 июля». Лето выпало сырое, но какое бы оно ни было, лето оставляло надежду на тепло. Близкая уже осень – нет. За окном зеленели кроны тополей и краснели верхушками американские клёны.

И вот в эту самую пору Виктор Петрович Верхоланцев дорабатывал последние деньки перед выходом на пенсию. Жизнь, по мнению будущего пенсионера, удалась. Он иногда вспоминал свой «паломнический рейд» в Таволгята, вспоминал старца Федота. Посмеивался над собой и своими «картинками» из «прошлого». Посмеиваться-то посмеивался, но порой ловил себя на мысли, что действительность и пожелание старца неведомым образом влияли на судьбу. Случалось и не раз, когда вопреки всякой логике Верхоланцев выходил победителем в яростном противостоянии с событием чрезвычайного характера. И падение самолёта на взлёте 10 ноября 1995 года в роковую дату для Верхоланцева не превратилось, и когда на Эльбрусе в январе 2001 года связка альпинистов вниз полетела, он же Виктор и зацепился тогда на краю расщелины. Себя и других спас. А 25 апреля 2015 года лавина по лагерю под Эверестом прошла... Словно кто из палатки Виктора выгнал за пять минут до трагедии. И когда у его ног остановился язык спрессованного лавиной снега, снова почудилось «За встречу спасибо!»

«Чудес не бывает. Счастливые стечение обстоятельств, не более... – уверенно подытожил свои размышления Виктор Петрович. – Пора, пора угомониться. Через четыре дня исполнится шестьдесят. Никто в жизни для меня ничего особенного не сделал. Тот же старец велел думать своей головой. Всё получилось, потому что думал. Молодец! Достаточно о старце вспоминать, причем, о “прошлом” тоже. Впереди проводы на пенсию. Ресторан “Сакура” с японской кухней легко вместит семьдесят человек. Вполне достойное завершение трудового пути инженера Верхоланцева, заядлого альпиниста. Вот любимыми горами через месяц займусь! А коллеги, полагаю, отметят в ресторане радушие именинника».

На вечер в ресторан пришли почти все приглашённые. Трое не смогли подъехать. Простительно, в отпусках. Зазвучала музыка, и ведущая вечера проникновенно произнесла:

– Сегодня мы собрались, друзья, по приятному поводу. Пригласил нас Виктор Петрович Верхоланцев, герой торжества. Давайте поднимем бокалы за...

Прозвучали здравицы, зашумели аплодисменты. В голове у Верхоланцева пронеслось молнией: «Зачем так много рыбного передо мной поставили? Неужели посчитали, что мне нужно столько креветок?» Словно эхом отдавалось в глубине: «Отравишься». Усмехнулся: «Начинается новая эпоха. В такие моменты только дурак позволит себе умереть».

Вечер едва набирал обороты, а в голове зашумело. «Наверно, от шампанского», – улыбнулся про себя Верхоланцев. Мысли его оставались свежи. Так, по крайней мере, ему казалось.

Через полчаса после начала застолья он заметил на себе удивлённый взгляд жены и соседей по столу. Удивился – что такого на нём увидели? Вскоре имениннику стало плохо. Опухшее лицо, руки, ноги говорили об аллергической реакции на еду или спиртное. «Скорая» приехала через двадцать минут. Пока врачи несли Верхоланцева к машине, он слышал знакомые звуки:

шарк-шарк. Откуда он помнил их? Дзинь... Ремень с карабином, свесившийся с носилок, то и дело ударялся об асфальт.

«Прости, старец. За гордыню прости», – мелькнуло горьким сожалением в угасающем сознании. Мозг умирал, но в те мгновения, когда врачи в машине, переговариваясь между собой: «Остановка пульса», суетливо что-то колдовали над пациентом, мозг расслышал далёкий голос: «За встречу спасибо».

До больницы пациента едва довезли. Сердце останавливалось и, к счастью, забилось вновь, словно в благодарность за комплекс реанимационных мер.

Врач из бригады «Скорой» шёл по длинному больничному коридору и качал головой. Картавя, произнёс поджидавшему у дверей напарнику:

– Надо же, задегжись мы на минуту... Думал, не довезём.

Он достал из нагрудного кармана своего синего медицинского костюма ручку и отправился к дежурному регистрировать данные только что доставленного больного.

Правая рука врача постоянно дрожала после перенесённой травмы, поэтому фамилию в «Журнале регистрации» выводил по привычке левой: «Верхоланцев...» «Так, а имя пациента в карточке вызова почему-то значится “Вектор”. Наверно, Виктор», – в задумчивости врач перевёл взгляд с ручки на тыльную сторону своего запястья. На ней короткой полоской белел старый шрам.

Сервет

В темноте крепостного подвала послышались глухие шаги. Лязгнул засов. Осклизлая от постоянной сырости дубовая дверь бесшумно открылась, и горящий желтовато-зеленоватым огнём факел стал нехотя разгонять темноту.

– Мигель Сервет Виллановус, – прошепелявил голос тюремного сторожа.

В углу подвала раздался шорох, послышался надрывный кашель, звон кандалов и вот в отблесках огня появилась сутулая фигура зябко кутавшегося в лохмотья человека.

– Следуй за мной, еретик, – промолвил тюремщик и, шаркая больными ногами, двинулся вперёд, освещая путь себе и следовавшим за ним стражникам.

Пройдя длинный извилистый коридор, поднявшись по винтовой лестнице, они очутились в небольшой комнате с окнами, через которые изливался яркий дневной свет. Отвыкший от него узник прищурил глаза, а стражники, впервые конвоировавшие этого человека, смогли хорошо разглядеть его.

Это был мужчина средних лет, чуть выше среднего роста, с всклокоченными седыми волосами, на которых гроздьями висели вши. Остроконечная борода и тонкие черты лица выдавали его благородное происхождение. Превратившийся в лохмотья жилет едва прикрывал худое грязное тело, от которого исходил неприятный удушливый запах.

Гремя ключами, тюремный сторож прошёл к противоположной стене комнаты и открыл находящуюся там дверь. Один из стражников концом алебарды подтолкнул заключённого. Повинуясь его приказу, тот двинулся вперёд и, переступив порог, оказался в хорошо знакомом ему просторном зале, который был пуст. За длинным столом стояли резные кресла судей, а на нём, между двух тяжёлых бронзовых подсвечников лежал раскрытый фолиант. Он узнал бы его из тысячи книг, ведь это главное детище его жизни: трактат

Павел Николаевич Савилов – родился 23 сентября 1963 г. в г. Котовске Тамбовской области. Выпускник Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко (1986). Сельский врач анестезиолог-реаниматолог ТОГБУЗ «Тамбовская ЦРБ». Доктор медицинских наук. Профессор. Член Российского Союза Писателей. Автор поэтических сборников «Ветер странствий», «Властелины неба», «По дорогам памяти», «Живопись, ожившая в стихах», историко-поэтического сборника «В бескрайних монгольских просторах». Публиковался в газетах: «Российский писатель», «Медицинская газета», «Тамбовская жизнь», «Притамбовье». В альманахах: «Губернский стиль» (Воронеж), «Литературный Тамбов», «Радуга» (Тамбов), «Чешская звезда» (Карловы Вары).

Живёт в Москве.

«Восстановление христианства». Это из-за него, спасаясь от преследования католиков, он прибыл в Женеву, не подозревая, что при первом же посещении церковной службы будет узан и отправлен в тюрьму. И, главное, кем? Самим Жаном Кальвином, злейшим врагом католической церкви, человеком, которого он, Мигель Сервет, вынужденный из-за угрозы ареста инквизицией принять новое имя Мигель Виллановус, почитал как видного реформатора церкви. С ним состоял двадцать лет в переписке и ему же выслал свой трактат о путях дальнейшего реформирования церкви.

Да, познакомься Сервет с пастором де ля Муром, который, давая характеристику Кальвину, говорил: «Имя, которое он однажды вписал в свою память жёстким грифелем, сотрётся не раньше, чем самого человека вычеркнут из книги жизни», никогда бы не включил в эту книгу, лежащую перед ним на судейском столе, три десятка своих писем, написанных им Кальвину, прозванному ещё при жизни «Женевским папой». Именно эти письма, в которых Сервет полемизировал с ним по вопросам дальнейшего реформирования церкви, делали Кальвина невольным соучастником создания этого трактата, подрывающего основы не только католицизма, но и протестантизма. А это для него было не менее опасным, чем костёр инквизиции. Вначале он попытался расправиться с Серветом руками своих врагов католиков, однако эта затея провалилась, тому помогли бежать, и он, пробираясь в Италию, остановился проездом в Женеве, где по приходу в церковь был узан и арестован.

Раздались громкие голоса. Скрестив алебарды, стражники оттеснили узника в сторону, давая дорогу судьям и знатным жителям Женевы. На этот раз Кальвина среди них не было. Рассевшись по своим местам, вошедшие замолчали, обратив свои взоры к председательствующему. Тот обратился к заключённому.

– Итак, Мигель Сервет, ты по-прежнему отвергаешь учение о святой Троице, признаёшь Иисуса Христа простым человеком, а не сыном Божьим, и считаешь, что учение, которое дал нам Мартин Лютер, так же ложно, как и злейших врагов наших, католиков. Да простит Господь меня за такие слова!

– Зачем повторять то, что есть истина. В книге, что перед вами, об этом всё сказано. Иисус это обычный человек, которому мы обязаны новой верой и за которую он первым пострадал.

– Молчи, еретик, – взвизгнул один из судей, – воистину прав был достопочтимый профессор теологии Мартин Буцер, после бесед с тобой заявивший, что этот наглец заслуживает, чтобы ему вырвали внутренности из живого тела. Бог, Иисус и Святой Дух они едины, об этом говорит священное писание.

– А кто его писал? – возразил Сервет. – Мы можем понять, чего хотел Христос и почему он выбрал тот путь, по которому пошёл, но мы не можем понять Бога, ибо он открывается человеку в Божественном слове и Святом Духе, которые суть разные понятия. Дух Христа открывается человеку в крещении, но чтобы тот это понял, он должен быть для этого достаточно подготовленным жизнью. Поэтому крещение в младенчестве бессмысленно.

– Довольно, прервал его председательствующий, – я вижу, что ты не заблудшая овца, а закоренелый еретик, который посмел ещё заниматься врачеванием.

– Но я имею на это право, – прервал его Мигель, – я три года изучал медицину в Парижском университете, работая препаратором у профессора Винтера. Что же касается моих деяний как лекаря, то об этом можно узнать у вьенского архиепископа и жителей Вьенна. Можете поехать туда и спросить.

– Да он смеётся над нами! – воскликнул один из присутствующих. – Католики наших собратьев пытаются и сжигают на кострах. Любого, кто решится опровергнуть слова этого проходимца, во Франции ждёт неминуемая смерть.

– Не надо так горячиться, достопочтимый доктор Тиррениус, – прозвучал голос главного судьи. Умение врачевания можно оценить и по знанию трудов по медицине. Мы просили вас, как уважаемого всеми нами лекаря, ознакомиться с некоторыми утверждениями, имеющими отношение к медицине, в изданном трактате этого богоотступника. Что вы можете сказать?

Поднявшись со своего места, Тиррениус важно произнёс:

– Этот еретик в своей книге не только посмел усомниться в Святой Троице, но и подверг сомнению высказывания нашего великого учителя Галена, труды которого одобрены церковью и уже не одно столетие являются настольными книгами для врачей. Благодаря Галену мы знаем, что кровь берёт своё начало от печени и поступает в сердце, где через небольшие отверстия в его перегородке поступает из правого желудочка в левый, приходя таким образом в соприкосновение с воздухом, поступающим в сердце по лёгочным венам. А что мы читаем в этой богопротивной книге? «Кровь идёт от сердца, и если кто-нибудь сравнит эти вещи с теми, о которых Гален написал, то поймёт ту правду, которая осталась неизвестной Галену». Так что же, по-твоему, неизвестно Галену и всем нам, – указав при этом руками на всех присутствующих, спросил усмехаясь Торрениус.

– Чтобы это знать, нужно изучать медицину не только по книгам, но и вскрывая тела умерших, дабы понять истинную причину их смерти, – ответил Сервет. – За это мы должны благодарить папу Сикста IV, разрешившего вскрытие трупов. Это дало возможность изучать не только анатомию свиней и собак, как это делал Гален, но и анатомию человека. Я вскрыл много тел умерших и ни у одного не нашёл в сердечной перегородке, отделяющих желудочки, каких-либо отверстий. Наоборот, я понял, что, совершая удивительный и длинный путь вокруг всего тела, кровь, идущая от сердца, проходит через лёгкие, не связываясь с воздухом, но меняет свой цвет.

– А как же утверждение Везалия, – не унимался Террениус, – вы же вместе препарировали трупы, работая у профессора Винтера. Он подтверждает слова нашего учителя Галена.

Сервет пожал плечами.

– Я знаю Андрея Везалия как хорошего анатома. Но почему он утверждает то, чего в природе нет, можете спросить у него самого. Что же касается возможности поступления воздуха из лёгких в левый желудочек, то ещё Леонардо да Винчи из Флоренции установил, что при надувании лёгких воздухом, последний через бронхи ни при каких усилиях не проникал в сердце. Церковь эти опыты не осудила, поэтому они не должны вызывать сомнения в истинности полученных результатов. Кроме того, в руководстве по анатомии, написанном в 1316 году врачом из Болоньи Мондино дел Луцци, также есть указания на то, что кровь из сердца отправляется в лёгкие. Правда, ему не хватило смелости пойти в своих рассуждениях дальше.

– А у этого богоотступника её хватило, – обращаясь к присутствующим, произнёс Тиррениус, указывая в сторону Сервета.

Но тот не сдавался.

– Я не первый, кто обнаружил движение крови из правого желудочка сердца в левый через лёгкие. Ещё когда я работал корректором Лионской типографии, мне попалось упоминание об этом в одной из древних арабских

рукописей по медицине. Тогда я не обратил на это внимание, но, будучи ассистентом профессора Винтера, решил проверить это утверждение и нашёл его верным. В дальнейшем мои занятия медициной не только подтвердили его, но и позволили утверждать, что кровь, чтобы стать артериальной или, как говорят, живой, должна пройти именно через лёгкие.

– И чтобы узнать это, вы резали живых, – язвительно воскликнул Тиррениус под громкий смех присутствующих в зале.

– Я оказывал помощь несчастным, получившим ранения на дуэли или от рук разбойников, – спокойно отвечал Сервет. Именно тогда я заметил, если ранения сердца справа у края грудины, из неё течёт всегда тёмная кровь, тогда как из раны под левым соском истекает кровь алая, темнея по мере того, как урежается дыхание и из тела несчастного выходит жизнь. Но, чтобы понять, как кровь делается артериальной, мы должны сначала изучить возникновение жизненного духа, который составлен и питается из вдохнутого воздуха и очень тонкой крови. Жизненный дух – это тонкий дух, выработанный силой тепла, светлого цвета и воспламеняющей силы, он возникает в левом желудочке сердца, а лёгкие помогают в отношении его совершенствования.

– Вы слышали, что говорит этот еретик? – обращаясь к судьям, воскликнул Тиррениус. – Да он же не знает медицины. Ведь ещё Гален...

Но председательствующий прервал его.

– Не стоит горячиться, достопочтимый доктор. Ещё наш отец и наставник Кальвин назвал его безнадежным путаником, на слова которого следует обращать внимания не больше, чем на крики осла.

Ответом на это был раскатистый хохот присутствующих.

Мигель Сервет молчал. Он понял, что приговор ему уже вынесен, и раскаяние на этом допросе уже ничего не изменило бы, тем более что он больше походил на развлечение для присутствующих, пришедших в последний раз посмотреть на живого несломленного еретика.

«Прямо как римские патриции на боях гладиаторов», – подумал он...

Сырые дрова никак не хотели разгораться. Они тлели, обжигая ноги привязанного к столбу Сервета, который изо всех сил стискивал зубы от боли, стараясь не смотреть на толпу, собравшуюся поглазеть на очередную казнь. И никто из этой огромной, привыкшей к подобным развлечениям толпы граждан Женевы не задумывался над тем, что корчившийся перед ними в муках человек не нарушил ни одного из их законов. Его единственная вина состояла в том, что, скрываясь от преследования одних религиозных фанатиков, он попал в руки других, наивно поверив в благородство их сумасбродного тирана. И только природа, возмущённая такой несправедливостью, пыталась мелким дождём помешать этой трагедии, сама того не подозревая, продлевала мучения несчастного. Наконец одна старая женщина не выдержала и, сходя к себе домой, принесла и бросила в костёр вязанку сухого хвороста. Мгновенье, и под возгласы зевак яркое пламя, подобно лепесткам голландских тюльпанов, обхватило тело человека, успевшего лишь крикнуть: «Святая простота!»

Пройдут столетия. И по злой иронии судьбы, католики и протестанты, словно соревнуясь друг с другом, начнут ставить памятники первой жертве свободе совести Мигелю Сервету – врачу и учёному, вернувшему из забвенья приоритет Колумба в открытии Нового Света. Но ни на одном из них так и не будет указано, что, стремясь понять дух человека через познание строения его тела, он первым в Европе описал малый круг кровообращения, подготовив тем самым благодатную почву для великого открытия Уильяма Гарвея.

ПРОЗА

Нина ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

Белая главка Ивана Великого (К 400-летию дома Романовых)

Поэма

1

Белая главка Ивана Великого
Куполом венчанная золотым,
Гордо сияя среди многоликого
Толпища, видеала казни и дым,

Видела пламя, дома обгоревшие,
Недругов, жаждущих злата, глаза,
Светлые лики на битву ушедших,
Знавших, что Родину бросить нельзя.

2

Арбат, Арбат, – арбы скрипучие
Стрельцов-бунтарщиков возили тучами.
Сначала к следствию в Преображенское,
Потом измученных в обитель женскую.
Для устрашения и покаяния
Царевны Софии, как воздаяние
За слухи: отдался мол Пётр неметчине.

Всех тех, кто в связях с ней были замечены,
 Везли и к площади с названием Красная
 Пред очи царские, пред очи ясные.
 Рыдали женщины, бежали сирые.
 Были повержены мужья их милые.
 Царь Пётр молодой ещё и жаждал кровушки.
 Сам пятерым стрельцам срубил головушки.
 Велел столб выстроить. И на железные
 Рожны натялят их дружки прилежные.
 Вот так закончилось стрельцов привольное
 Житьё арбатское на старом Всполии.
 В Азове выжженном им не хотелось жить,
 В столицу съехались, но не царю служить.

3

Москва блистала золотом церковей.
 Осенний день на редкость выдался погожим.
 Но и на улицах, и на брусчатке площадей
 Не видно было ни проезжих, ни прохожих.

Шли москвичи обозами в Рязань,
 Везли в телегах скарб и раненых на поле
 В Бородино, и сабель офицерских филигрань,
 Как и штыки в крови, врага являли долю.

Наполеон, безумец и злодей,
 Свои войска ввёл в сердце матушки России
 И ждал, чтобы принять ключи от башенных дверей
 Московского Кремля, его вдруг попросили.

Но не дождался и вошёл как вор,
 А в ночь запылаха, покрылся город гарью.
 Для Франции Наполеон снискал большой позор.
 Незванный гость для русских хуже, чем татарин.

4

Параду быть! – Сказал товарищ Сталин.-
 Мы пролетарской революции верны.
 С фашистами бороться не устанем,
 Пока не выгоним их из родной страны.

Ноябрьским праздничным холодным утром
 Зажглись рубиновые звёзды над Кремлём.
 Шагали воины в рассвете мутном,
 Водители машин сидели за рулём.

Кружился снег и падал на шинели.
 Был чётко шаг солдат, и ровен танков строй.
 У стен задумчиво молчали ели.
 Стоял на Мавзолее Сталин сам, живой.

Враг от Москвы всего лишь в километрах,
 Но страха не было, с парада сразу в бой.
 Не отдадим – читалось в лицах светлых –
 Пускай умрём, раз уж завещано судьбой.

5

В час испытаний и в жизни раздольной,
 Если не давит предательства груз,
 Коли сверкает главой колокольня,
 Значит жива ещё матушка Русь!

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТАПОВА

ТАМАРА ПОТАПОВА

Тамара Александровна Потапова – родилась в Подмосковье, в деревне Сгонники Мытищинского района. Училась в Политехническом институте, работала архитектором. Много лет посвятила работе на радио. Печататься начала в 2000 г. в мытищинской районной газете «Родники» с рассказа о своих родителях. Член Ассоциации литературных объединений города Москвы, дипломант Международных литературных конкурсов, лауреат поэтических конкурсов и фестивалей. Первая авторская книга стихов «Любимая сторона» напечатана в 2013 г. и посвящена родному краю. Стихи Тамары Потаповой входят в поэтические сборники «Созвучие», «Вечера в Академическом», печатаются на страницах «Московского литератора», литературно-исторического журнала «Великороссь», международного литературного журнала «Метаморфозы», звучат на концертных площадках Москвы и творческих встречах. В 2015 г. вышел второй поэтический сборник «Боевой аккордеон», посвящённый светлой памяти отца, участника ВОВ. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Не зря мечтам Господь дал крылья...»

Гнесинка

На сцене Гнесинки – студенты,
даёт концерт народный хор,
пестрят костюмы, бусы, ленты,
звучит гармони перебор.

И переливами играют,
и вьются птицей голоса,
то мощью душу разрывают,
да так, что катится слеза!

Букет готовит добрый зритель,
мы ждём, дыханье затая:
на сцену, только поглядите,
теперь выходит дочь моя!

Она запела акапельно,
её сопрано ввысь взвилось
и зазвенело вдруг капелью,
в сердцах весной отозвалось.

Не так ли Русь святая пела
среди ромашковых полей,
и песня русская летела
в просторы родины моей!

Откуда в юных горожанках
такая поступь, рук полёт,
кто задал им такую планку,
что голос за душу берёт?

Здесь налицо большая школа:
в народном хоре повелось,
чтоб с экспедицией фольклорной
москвички ехали в село.

Там песню слушали простую
из уст талантливых людей,
сбирая россыпь золотую
в шкатулку памяти своей.

Запишут, после расшифруют,
хранят ревниво ценный дар,
ну, а когда аранжируют,
берут себе в репертуар.

Так от забвенья сохраняют
культуры нашей древний слой,
патриотизм приумножают
и чтут обряд Руси святой.

Не зря мечтам Господь дал крылья
сто двадцать лет тому назад,
и сёстры Гнесины открыли
свою музшколу для ребят.

Победная весна

Май утопал в цветеньи пышном,
заставил пушки замолчать,
в Европе радостно все вышли
освободителей встречать.

Отец мой тоже был солдатом,
он воевал на трёх фронтах,
Победу встретил в сорок пятом,
когда врага разбили в прах.

Он на плацдарме Сандомирском
чуть не погиб в боях за Львов,
и с Первым фронтом Украинским
плыть через Одер был готов.

А с Белорусским от фашистов
он города освобождал,
спасал Европу от нацистов,
и тем Победу приближал.

На Ленинградский фронт мальчишкой
из Подмосковья уходил,
война тянулась долго слишком,
но придавала вера сил.

В Победу верил в бой идущий,
а с верой нас не победить!
Врагов, народу зло несущих,
мы били, бьём и будем бить!

Свободу Родины любимой
умели с честью защищать,
и потому непобедимой
была в войне Отчизна-мать!

Героев павших не забудем,
с молитвой свечи мы зажжём,
достойны памяти их будем
и подвиг в сердце сбережём.

Сегодня в школах ветераны
«Уроки мужества» ведут
и прославляют неустанно
патриотизм, отвагу, труд.

И мир спасли, и жизнь нам дали,
им салютует вся страна,
победно светится в медалях
Семидесятая весна!

Не смейте переписывать историю!

Не смейте переписывать историю!
И поздно перекраивать границы.
Мы все гордимся предками, которые
не прятали в чужие спины лица.

Отечеству служили верой-правдою,
изменой честь мундира не пятнали
и в бой смертельный шли не за наградою,
а подвигами летопись писали.
Неважно где – в деревне или в городе
защитники Отечества рождались,
но Родине служить умели с гордостью,
поэтому и в войнах побеждали!

Суховскому Валентину Николаевичу

Стихи поэта – словно песни,
в них дышит русская душа,
живёт уклад далёких весей,
природа дивно хороша.

Ключей хрустальные истоки
солятся где-то вдалеке,
подхватят трепетные строки,
помчат по жизненной реке.

Не даст пропасть в течение сильном
неугасимой веры свет,
его несёт певец России,
с душой славянской поэт!

ПОЭЗИЯ

Юрий Аркадьевич Соловьёв – родился 4 декабря 1960 г. Член Союза Писателей баталистов и маринистов. За весомый вклад в литературу, в дело патриотического воспитания награждён медалью «Герой Советского Союза, писатель Владимир Карпов».

Живёт в Наро-Фоминске.

Юрий СОЛОВЬЁВ

«Иду с войны, иду домой...»

Я – предков славянских кровинка

Я – предков славянских кровинка.
Я – вдовой солдатки слеза,
Заросшей траншеи былинка,
Угасшего боя гроза.

Я – стон молодого солдата,
Убитого в первом бою.
Я – чувство внезапной утраты,
Когда похоронку дают.

Я – звёздочки на обелисках,
Упорство советских солдат,
Погибших под Наро-Фоминском,
Не сделав и шагу назад.

Я – горькая радость Победы!
Я – гордость за Русский народ!
И что б я ни делал,
И где бы я ни был,
Всё ЭТО со мною живёт!

Расходные словно мишени

Воюют стрелковые роты,
Уставшие, в серых шинелях.
Бойцы легендарной пехоты,
Расходные... словно мишени.

Их косит огонь пулемётный,
осколками жалит граната...
Не вспомнит фамилию ротный
Убитого рядом солдата.

От раны в груди обессилов,
Засыпанный злою позёмкой
Орлов, а быть может, Васильев,
Убит был немецким осколком.

...Распахнуты настезь ворота,
Навстречу грядущим лишениям,
Течёт пополнение в роты
В подогнанных наспех шинелях.

Неприкаянные души

Порою слышатся шаги,
Не одиночные,
а – строем.
Быть может,
мозг мой так устроен:
Я знаю, что идут Они.

Идут в рассветной тишине,
Шагают без бравурных маршей.
Колонны без вести пропавших
...и сердце бухает во мне.

Идут просёлком,
не спеша.
Не в такт колышутся шинели.
Шумят разбуженные ели.
Двоится эхом каждый шаг.

Я силюсь лица рассмотреть,
Но вместо лиц – сплошные пятна.
Людские контуры невнятные:
Всех вместе усреднила смерть.

Течёт поток из полумглы.
В тверских оврагах, где то устье.
Там плакать хочется от грусти,
там эти люди полегли.

...чтоб затупить фашистский штык
В бой слали «пушечное мясо».
Копнёшь лопатой – сразу ясно,
Лежат в земле бойцы впритык.

И принимая смертный бой,
Враз оборвав цепочки звенья,
Ушли без почестей в забвенье.
...мосты взорвали за собой.

Устал солдат от грохота войны

Устал солдат от грохота войны,
От сладкой копоты дымящихся останков
людей
сгоревших в чреве
чёрных танков.

Лишённый крыши,
мирной тишины,
(Контуженный,
голодный,
еле дышит)
устал солдат –
и нет его вины,
Что после боя
Бог молитв не слышит.

Ненужную сдирая кожуру
И выжигая жалости коросту,
Война,
как порох,
въелась
в кожу рук,
Торчащих
из шинели
не по росту.
Устал солдат от этой круговерти,
где легче смерть,
чем ожиданье смерти.

Я не герой

Не просите...
Ребята, какой я герой...
Рядовой из сермяжной пехоты.
Поднимаю весь дом своим криком порой,
Как привидятся клятые дзоты.

В страшных снах,
Целиною,
На них я бегу,
По бескрайнему снежному полю...
И все пули в меня, а свернуть не могу.
Весь в крови, а не чувствую боли.
Вновь давление скачет...
Какой я герой.
Вспоминаю, как баба волнуясь.
Было страшно в окопах под Курской дугой,
Схоронил в них беспечную юность.
Десять муторных суток по шею в грязи
Просидел под немецким обстрелом.
Из орудий утюжил нас так паразит...
Был брюнетом, а подняли белым.
Не смогу...
Вы простите, что я не герой,
Я и в детстве был хилым и слабым.
О войне пусть расскажет вам кто-то другой...
...ну и что, что три ордена Славы.

Даже звёздочки ржавой над холмиком нет

Страх ударной волной бьёт кувалдой в
хребет,
– отгулялся родной!
Темнота...
Меня нет.
...после взрыва просевшие комья земли
отменили венки «от друзей», «от семьи».

– Я не верю!!!
Неправда, всё было не так,
я, наверно, в санбате, как кокон в бинтах.
Подойдёт и присядет ко мне медсестра
и развеет засевавший панический страх.

Отчего же тогда, в мой пробитый висок
льётся с талой водой зернистый песок,
и окрепшая поросль гибких берёз
моё тело корнями пронзает насквозь.

Через вечное пламя святого огня
призываю,
– родные, найдите меня!
– даже звёздочки ржавой над холмиком нет,
не бросайте меня, разыщите мой след!

Иду с войны, иду домой...

Стрелковой роты рядовой
Иду с войны, иду домой.
Смеюсь и плачу над собой,
– Живой?.. живой.
– Домой?.. домой.
И вторят эхом за спиной
Солдаты ставшие землёй,
– Живой... живой... домой... домой...

...В тумане нежась спит село,
На храме аист ждёт рассвета.
Мне несказанно повезло,
Что пересилив боль и зло
И уцелев чертям назло,
Я жив... и снова вижу это.

Стрелковой роты рядовой
Пришёл с войны, пришёл домой...
...домой.

Рвёт мне душу соседа гармошка...

Рвёт мне душу соседа гармошка,
Бабы, словно на похоронах,
Воют так, что сто грамм на дорожку
Расплескались в дрожащих руках.

– Полно бабы, ну что за поминки?!
Не к лицу вам живых отпевать.
Нам война, это так, для разминки,
В хвост и в гриву врага будем гнать!

Мать слезу промокает платочком,
Молча, в сторону смотрит отец,
А в углу Божья Матерь сыночку
Примеряет терновый венец.

За порогом теснятся ребята,
Друг Серёга толкает, – «Пойдём!»
И, мехами вздохнув виновато,
Замолкает соседа гармонь.

Крест нательный, харчи на дорогу.
На мгновенье притихла родня...
И молитва от бабушки к Богу,
Чтоб вернул невредимым меня.

Мать слезу вытирает платочком,
Желваками играет отец...
Похоронка пришла на сыночка,
Жизнь окончена, счастьем конец.

На деревне играет гармошка.
У соседа растут сыновья,
И 9 Мая Серёжка
За столом поминает меня.

Опытный ротный и безропотный рядовой

– В бой!
– За Родину!
..и безропотно
Побежал рядовой на врага...
И скосило его вместе с ротным
Беспощадным огнём пулемётным,
У оврага...
Навсегда...
Не схоронены – слишком хлопотно,
так бывало военной порой...
Прорастает ромашками ротный,
Спит, укрывшись землёй рядовой.

По туманной низине, где были
Два мальчишки убиты тогда,
С жеребятами бродят кобылы,
...прелым клевером дышат стога.

Ветераны Великой Отечественной

Как мало их осталось на земле...
Не ходят ноги и тревожат раны,
И ночью курят, чтобы в страшном сне,
Вновь не стреляли в них на поле брани.

Мне хочется их каждого обнять,
Теплом душевным с ними поделиться,
Была бы сила, чтобы время вспять...
Но я не Бог... война им снова снится.

Пусть внукам не достанется война,
И грязь её потомков не коснётся,
Пусть курит бывший ротный старшина
И слушает, как правнучек смеётся.

В переходе

Подземные переходы больших городов как мини-рынки под землёй для тех, кто всё делает на бегу, кому некогда ехать на окраину, чтобы купить что-то себе или в подарок. Здесь можно, с примеркой или без, одеть себя с головы до пят, покушать (хотя бы булочку с соком), просветиться, купив газету, журнал или книгу, приобрести домашнюю утварь, постельное бельё, сувениры...

Марина каждый день пользовалась подземным переходом. И если по дороге на работу она молнией проносилась мимо магазинчиков, то по дороге обратно она не спеша шла мимо витрин, то и дело останавливаясь у разных киосков. Особенно в почёте были у неё сувениры и украшения.

Покупателей то и дело сопровождала музыка. Однако в переходе свои законы: здесь царил жесткая, а порой и жестокая конкуренция. Есть места застолбленные. Так, у одного выхода наверху играл один баянист, у другого выхода – другой. Играли по-разному, но репертуар обоих Марина выучила почти наизусть. И лишь изредка в переходе появлялись другие исполнители: то девушка сыграет на скрипке, то парень на синтезаторе. Иногда кто-нибудь а капелла споёт.

В тот вечер, проходя мимо витрин, Марина вдруг услышала голоса – кто-то пел военную песню. К горлу подступил комок. Она посмотрела в направлении лестницы и увидела поющих. Их было трое. Немолодые мужчины лет пятидесяти в камуфляжной форме. Двое играли на гитарах и пели, а один сидел в инвалидном кресле, держа на коленях коробку из-под обуви для мелочи, и тоже пел.

Обычно Марина воспринимала любую музыку в переходе как фоновую, а тут вдруг застыла как вкопанная – ей даже прохожие начали делать замечания. Чтобы никого не раздражать, она отошла от киосков и подошла к играющим. Она стояла молча, неотрывно глядя на сидящего в коляске худого невысокого брюнета с седыми висками.

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Среженье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Когда очередная песня подошла к концу, Марина вынула из кошелька пятьдесят рублей и положила в шапку. Она было собралась двинуться дальше, но колясочник взял её за руку и придвинул к себе. Слегка коснувшись губами её уха, он спросил мягким и грустным голосом: «Вы хотите узнать, что такое настоящая жизнь?» Марине показалось, что её ноги приросли к полу, а руки механически задвигались, как у куклы-марионетки. Словно под гипнозом она полезла в сумку, нащупала там блокнотик с ручкой, вырвала листок, написала на нём номер своего мобильного телефона и протянула колясочнику.

Очнувшись Марина уже дома. «Наверное, это всё мне приснилось» – подумала она, но вдруг почувствовала, как горит ухо – то самое, куда ей шепнули волшебные слова. Дома было тихо. Эту тишину нарушали лишь часы с кукушкой, висевшие на кухне. Потому звонок мобильного прозвучал очень громко и резко. На дисплее высветился незнакомый номер. Для неё, врача городской поликлиники, это было делом обычным. Ей часто звонили незнакомые люди, получившие телефон от её бывших или сегодняшних пациентов для того, чтобы проконсультироваться по тому или иному недугу, ведь терапевтическая специальность предполагает знание понемногу обо всём.

Но этот звонок оказался особым, резко отличающимся от привычных. Звонил тот самый колясочник. Из разговора она узнала, что зовут его Женя. У него осколком был задет позвоночник, поэтому даже после операции ему часто приходится сидеть, так как стоять ему очень тяжело. На её вопрос, не унижительно ли просить деньги у прохожих, он резко ответил, что ни он, ни его друзья не могут устроиться на нормальную работу. Он когда-то был художником-дизайнером, но сейчас в почёте не те, кто имеет знания и художественный вкус, а те, кто лучше владеет компьютером, который всё делает за них, и не надо для этого академий заканчивать. А ещё война стёрла всё чувство прекрасного, переокрасив мир в чёрно-белые краски. Так и живёт он с тех пор в трёхцветном пространстве: белый цвет – друзья, чёрный – враги, а серый – его безрадостная жизнь.

Маринино сердце так сжалось из-за жалости к нему, что, не соображая, что делает, она пригласила его к себе в гости. Евгений приехал на один вечер, а остался навсегда. Ну, по крайней мере, так ей казалось.

Её одинокая жизнь наконец-то закончилась. Теперь всё было подчинено любимому человеку: приготовить, накормить, выслушать... А ещё сводить к специалисту, сделать массаж, поставить уколы, снова сводить на консультацию... Женская преданность и отличный уход творят чудеса. Через пару месяцев Евгению стало легче. Он окреп, на бледном измождённом лице появился румянец.

Однако вместе с улучшением самочувствия начал всё сильнее проявляться его жёсткий характер. Сначала это выражалось в крике: Марину стали ругать за неубранную в шкаф посуду, за невытертую пыль, за непоглаженное постельное бельё... Марина вначале отшучивалась, потом отмалчивалась. Однако очень часто молчание близкого человека порождает агрессию. Вот и Маринино молчание породило агрессивные действия со стороны её любимого.

Как-то она проспала и оставила немытую после завтрака посуду в раковине. Когда она вернулась с работы, Евгений схватил её за руку, подтащил к раковине и со словами «Что это?» больно ударил её по руке. В следующий раз он избил её, когда она забыла купить ему чай «каркаде». На руках появились синяки, которые Марина стала прятать под рукавами медицинского халата.

Но самым страшным было то, что Евгений начал подозревать её в измене. И ничего не могло вылечить его от этой навязчивой мысли. Ему всё время чудилось, что у Марины роман с кем-то из коллег. А тут как назло случился профессиональный праздник.

На День медицинского работника в поликлинике организовали застолье. Марина решила принарядиться и накраситься, чтобы никто из сотрудников не догадался о том, как ей плохо. Одна неудача: волосы у неё были прямые, как палки, и любая укладка больше половины дня не держалась, потому что в посещении парикмахерской вечером речи идти не могло. А так как с утра она забежать туда не успевала, то решила накрутиться на щипцы.

В полвосьмого Марина уже нарядно одетая и красиво покрашенная стояла перед зеркалом, но её руки сильно дрожали: она нервничала, что вот-вот проснётся Евгений и, увидев её за этим занятием, опять устроит сцену ревности и ещё чего доброго на работу не отпустит.

Она так разнервничалась, что щипцы вырвались у неё из рук и упали, скользнув по шее. На месте ожога появился сине-розовый подтёк. Марина замерла от ужаса: на дворе июньская жара – водолазку или свитер не наденешь. Однако решение нашлось быстро: она повязала на шею косынку в тон кофточке и быстро убежала на работу. День прошёл прекрасно. Марина выслушала массу комплиментов и от пациентов, и от коллег. Но расслабиться даже за столом она так и не смогла. Ей было страшно идти домой, ведь в личной жизни такой след за косынкой не спрячешь.

Сомнения её не обманули. Когда она вернулась, Евгений, подумав, что на шее Марины засос, избил её до полусмерти. Один из ударов стал роковым – был задет глазной нерв. А дальше всё как по учебнику: операция, реабилитация, инвалидность и ... переход.

Марина в чёрных очках сидела в инвалидной коляске в переходе, куда привёз её Евгений. На коленях у неё стояла коробка из-под обуви, куда время от времени кидали монеты. А мимо проносилась жизнь: люди бежали мимо палаток, иногда останавливаясь, чтобы что-нибудь купить.

Закон притяжения

– **М**ам, ну можно я не пойду? – протянул я, особо не рассчитывая на успех.

За окном всё ещё накрапывал дождь. Низкие серые облака походили больше на осенние, чем на апрельские. Снег ещё до конца не сошёл и чёрными оплывшими буграми лежал вдоль проезжей части. Я смотрел на всё это уныние и не находил в себе ни малейшего желания праздновать.

– Ну можно я не пойду? – повторил я свой вопрос.

– Нет, – коротко, как бы между прочим ответила мама.

– В этом году как-то особенно не хочется идти. В детстве там было весело. Кругом все шутят, смеются. Шары. А сегодня так тоскливо. Каждый год одно и то же. Те же люди, те же шары. Ничего интересного. Бессмысленная трата времени, – рассуждал я, пытаюсь поймать капли дождя, скатывающиеся по внешней стороне стекла.

– Трата времени? – переспросила мама. Как-то нехорошо зазвенел её голос. – И что же ты такое важное задумал сегодня предпринять, что праздник для тебя – это бессмысленная трата времени? Может, ты хотел провести весь день за учебниками? Или вымыть все окна?

– Вот ты сразу – как что, сразу вымыть окна. – Я посмотрел на свой палец, которым ловил капли. Изнутри вполне ещё чистые окна. – Я уже начал жалеть, что завёл этот разговор.

– Я просто хочу понять, что для тебя значит проводить время со смыслом?

– Когда хорошая погода, ещё как-то... Но когда дождь...

– Ну при чём тут дождь?

Вода из крана лилась всё сильнее, вымытые тарелки стукались об стол всё громче.

– Ну всё равно же никто не верит, что это могло быть на самом деле. Зачем тогда всё это?

– Что значит – никто не верит?! Все верят!

– Прошло две тысячи лет. Мам, мы не можем с уверенностью сказать, что было двести, сто лет назад, а тут две тысячи! Смешно...

Елена Валерьевна Гнитеева – родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет Геодезии и Картографии и Московский Областной Педагогический Институт им. Крупской, лингвист. Член литобъединения «Фатьяновская весна». Пишет большую и малую прозу. Печатается в журналах. В 2014 г. вышла первая книга «Выбор» (сборник рассказов).

Живёт в Москве.

Это был железный аргумент. Ему было сложно противопоставить что-то мало-мальски убедительное. Даже маме. Мама вытерла руки, решительно повесила полотенце себе на плечо и подошла ко мне.

– Даже если его не было, то его стоило придумать.
– Почему?

– Потому что надо во что-то верить. Верить, что человек может оторваться от этой грешной земли и вознестись высоко-высоко. А потом вернуться, – сказала мама и отошла обратно к раковине мыть сковородку.

– Ну как же, вернуться, – буркнул я себе под нос.
– Что ты сказал?

– Ничего. Учёные, между прочим, уже доказали, что на высоте десяти километров температура достигает минус пятидесяти градусов, а на двадцати – вообще воздуха нет!

– И что?

– Ничего.

– Ты что, не понимаешь, что это не имеет никакого значения!

– Неужели?

– Делай, что хочешь. Ты уже взрослый. Если ты вырос вот такой – с холодным сердцем и пустой головой, вкладывать что-либо туда уже поздно, – сказала мама, бросила полотенце на стол и вышла из кухни.

Я остался один на один с холодным сердцем, пустой головой и кухонным полотенцем.

Мама, собираясь на праздник, быстро и нервно походила по квартире и вышла, хлопнув дверью. Я ещё немного посидел на кухне и пошёл в коридор звонить Фильке.

Филька долго не брал трубку. Потом гудки прекратились, и в трубке слышался громкий Филькин зевок, а следом сонное «Аллё».

– Привет, ты чего, спишь ещё? – спросил я.

– Агась, – ответил Филька.

– Ты на праздник собираешься?

Опять зевок.

– Не знаю, – после паузы протянул Филька.

– Мать грозит лишить меня наследства, если я не пойду. Я подумал, может, давай вместе сходим.

Мне было неловко говорить это. То ли оттого, что я врал, может, оттого, что просил.

– Ну, не знаю, – сквозь зевание проговорил Филька. – Я ещё только встал. Ещё не завтракал...

– Да я тоже недавно. Ну, где-то только через час, не раньше, я смогу за тобой зайти.

– Ну, через час ладно, давай, – разрешил Филька и повесил трубку. Короткие гудки застучали мне в ухо.

Дождь идти перестал, оставив после себя огромные лужи. Резиновые сапоги шли напролом, лёгкие весенние туфли, надетые по случаю праздника, но не по погоде, перепрыгивали с бугорка на бугорок. Счастливые мужчины и женщины, улыбаясь и весело переговариваясь, шли к площади.

– Вон, Оськины родители, – кивнул влево Филька.

– Точно. А Оськи нет.

– Она никогда на Парадный Ход не ходит.

– Ну да, – сказал я и сделал вид, что кого-то выглядываю в толпе. Не хотелось продолжать тему с Оськой.

Люди стекались на главную площадь по улицам как по рекам. Разноцветные шарики волнами колыхались от порывов ветра. Постоянно стучаясь друг о друга, шары заполняли всё пространство над площадью глухим перезвоном. А под ними, привязанные к их ниточкам, безвольно болтались белые бумажные человечки. Я посмотрел вверх, сквозь пёстрые шары. Тяжёлые серые тучи покрывали весь небосклон от края до края.

– Ну, как же, конечно. Он пронёсся сквозь небо, облетел и вернулся обратно, – шепнул я Фильке в ухо.

Филька усмехнулся, но ничего не ответил.

Мы остановились. Дальше утрамбовываться было невозможно. На сцене у стелы замелькали фигурки людей. Через несколько минут многократно усиленный голос главнокомандующего разнёсся над площадью. Но налетевший ветер разорвал фразы на куски и бросил в разные стороны.

– Жители и гости... поздравить вас с этим... человека, прославившего нашу... и дал всему человечеству...

Я огляделся по сторонам. Люди слушали, что называется, затаив дыхание, пытаясь поймать каждое слово. Как будто не говорится одно и то же каждый год. Как будто для них это на самом деле важно, а не просто возможность пропить лишней выходной.

После главнокомандующего говорили какие-то высокопоставленные гости, иностранные министры и послы. Все поздравляли нас, себя и всё человечество с этим великим днём.

Когда слова окончательно перестали до нас долетать, народ оживился. Сначала все переминались с ноги на ногу, потом медленно двинулись в сторону стелы.

– Чего, всё, что ль? Теперь рыжую штуку выносить будут? – сказал Филька, причмокнув мятной конфетой.

– Можно подумать, ткань может храниться две тысячи лет. Да она просто истлеет, – опять шёпотом, чтобы не задеть чувств рядом стоящих, сказал я.

Филька фыркнул. Видимо, в знак согласия.

Заиграла торжественная музыка. Сначала до нас доносились всё больше барабаны, но по мере того, как мы приближались к стеле, инструментов становилось больше.

– А твои предки здесь? – с надеждой спросил я.

– Неа, они в гости умотали, – причавкнув, ответил Филька. – А твоя мать чего – прям такая сильно во всю эту чепуху верящая?

Слово «чепуха» резануло то ли по уху, то ли по сердцу. Но виду я не показал.

– Не думаю, что прям так очень. Может, как привычка или традиция, – зачем-то соврал я.

– А-а, – равнодушно протянул Филька.

Я сжимал в руке нитку своего шарика так сильно, как только мог. Казалось, если мама узнает, что я наврал про неё, но при этом я так крепко держал свой шар, то она не обидится на меня, а всё поймёт и простит.

Мы медленно продвигались к стеле. Наверное, уже больше часа мы толкались в этой очереди. Вот уже больше часа нескончаемая струйка шаров ускользала в небо у стелы.

Филька, чтобы не держать, ещё в самом начале намотал нитку от своего шара на пуговицу. А теперь, когда мы уже близко, дёргал её, пытаясь распутать. Ещё немного, и мы, как и другие сотни пришедших, сможем пройти мимо стеклянной витрины. Опять пошёл дождь.

По одному, друг за другом, я первый, Филька за мной проходим через ограждения и вступаем на красную ковровую дорожку, расстеленную вдоль витрины. Теперь дорожка уже не красная, она чёрная от нанесённой грязи. Пройдя по ней, сотни людей очистили свою обувь и пошли дальше. Я прохожу по дорожке, чавкая грязью. Мне почему-то неловко оторвать от неё взгляд и посмотреть в витрину. Но я должен. Или что я скажу, когда мама меня спросит.

Небольшой, гораздо меньше, чем он мне казался в детстве, лежит рыжий комбинезон. Взгляд привычно скользит по табличке с надписью «Скафандр первого человека, преодолевшего земное притяжение». Я разжал пальцы, и ниточка медленно потянулась вверх. Бумажный человек коснулся моей ладони и вслед за шариком стал подниматься в небо. Тяжёлые капли дождя падали мне на лицо, подчиняясь неизменным законам притяжения. Из-за них, наверное, так тяжело взлетать шарик вверх. И поэтому, наверное, так тяжело мне тут, внизу.

Филька пнул меня в спину, и я пошёл дальше. Нельзя останавливаться у скафандра ни на секунду, позади огромная очередь. А я, видимо, остановился...

